ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 3 (39) 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

Гошуляк В. В. Основы конституционного строя как институт конституционного права и как конституционный институт 5

Гречкина О. В., Агамагомедова С. А. Государственные таможенные услуги: понятие, базовые характеристики, виды 17

Комкова Г. Н. Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация 31

Романовская О. В. Конституционно-правовые основы государственно-частного партнерства 40

Ромайкин И. А. Взгляды А. Д. Градовского на природу верховной государственной власти и их значение для современного понимания государства 51

Макеева Н. В., Миряева Ж. А. Российский федерализм: проблемы и перспективы 62

Безрукова О. В., Живодрова Н. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: анализ материалов судебной практики 71

Гук П. А., Гук Е. П. Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве 83

Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Сравнительное государствоведение и проблемы федерализма 91

Агутин А. В., Синцов Г. В. Доказывания по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, на стадии возбуждения уголовного дела: вопросы организации и управления 102

СОЦИОЛОГИЯ

Кошарная Г. Б., Толубаева Л. Т., Редя Г. П. Соотношение этнических и социальных факторов в формировании патриотизма жителей полиэтнических регионов Поволжья 108

Елютина М. Э., Андронова Ю. Э. Практики благотворительности в оценках предпринимателей: гендерный аспект 121

Ивашиненко Н. Н., Теодорович М. Л. Государственно-частное партнерство в системе мер молодежной политики региона 130

Сагайдак В. А. Внешний социальный имидж бизнес-организаций Волгограда: опыт социологического анализа 143

Кузеванова А. Л., Лещенко Л. А. Самосохранительное поведение как фактор сохранения и продления жизненной активности индивидов: социологический аспект 154

ЭКОНОМИКА

Бадеева Е. А., Володин В. М. Механизм развития «государство-вуз-бизнес»-сотрудничества 162

Черемисинов Г. А., Пугачев И. О. Военное кейнсианство в концепциях долгосрочных экономических циклов 176

Сапунцов А. Л. Транснациональные корпорации экстраконтинентального Большого Китая: экономические приоритеты в Африке 192

Кошевой О. С. Человеческий потенциал науки: региональные особенности на примере Пензенского региона 204

Семеркова Л. Н., Зинченко С. В. Проектирование туристских маршрутов как направление повышения конкурентоспособности национальной туристской индустрии 216

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 3 (39) 2016

CONTENTS

LAW

Goshulyak V. V. Foundations of the constitutional system as an institution of a constitutional law and as an constitutional institution 5

Grechkina O. V., Agamagomedova S. A. State customs services: the notion, basic descriptions, forms 17

Komkova G. N. Constitutional guarantees of human rights in Russia: the concept and classification 31

Romanovskaya O. V. Constitutional and legal foundations of public-private partnership 40

Romajkin I. A. The views of A. D. Gradovsky on the origin of supreme power and their meaning for modern understanding of the state 51

Makeeva N. V., Miryaeva Zh. A. Russian federalism: problems and prospects 62

Bezrukova O. V., Zhivodrova N. A. Failure of minors education duties: an analysis of court practice materials 71

Guk P. A., Guk E. P. The principle of court practice unity in the Russian Judicial System 83

Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. Comparative state studying and problems of federalism 91

Agutin A. V., Sintsov G. V. Proof in cases of larceny commited as fraud at the stage of criminal proceedings instituting: problems of organization and management 102

SOCIOLOGY

Kosharnaya G. B., Tolubaeva L. T., Redya G. P. Correlation of ethnic and social factors in formation of patriotism in people from polyethnic Volga regions 108

Elutina M. E., Andronova Yu. E. Charity practices in assessments of entrepreneurs: a gender aspect 121

Ivashinenko N. N., Teodorovich M. L. Public-private partnership in the regional youth policy 130

Sagaydak V. A. External social image of business organizations of Volgograd: experience of a sociological analysis 143

Kuzevanova A. L., Leshchenko L. A. Self-preserving as a factor of preservation of prolongation of lifes of individuals: a sociological aspect 154

ECONOMICS

Badeeva E. A., Volodin V. M. A development mechanism of "state-university-business" cooperation 162

Cheremisinov G. A., Pugachyov I. O. Military keynesianism in conceptions of long-term economic cycles 176

Sapuntsov A. L. Transnational corporations of extracontinental Big China: business priorities in Africa 192

Koshevoy O. S. Human potential of science: regional features by the example of Penza region 204

Semerkova L. N., Zinchenko S. V. Designing tourist routes as a way to increase competitiveness of the national tourist industry 216

УДК 342.41
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-1

В. В. Гошуляк

ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ КАК ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА И КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ

Аннотация.

Актуальность и цели. В современной науке конституционного права активно стали изучать вопросы, связанные с основами конституционного строя. Это сравнительно новая для юридической науки проблема исследования. В этой связи свое значение имеет уточнение понятийного аппарата. Поэтому автор ставит своей целью рассмотрение основ конституционного строя как института конституционного права и как конституционного института.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа многочисленной научной литературы, выявления всего многообразия точек зрения по вопросу основ конституционного строя. Методологический потенциал включает следующие методы исследования: сравнительно-правовой, логический, институциональный, формально-юридический, исторический.

Результаты. В статье исследован конституционный строй как правовой институт и конституционный строй как конституционный институт. В полемике с другими авторами раскрывается понятие и сущность основ конституционного строя, выявляется его соотношение с правовым государством и гражданским обществом.

Выводы. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что в юридической науке нет единства мнений относительно понятия и сущности основ конституционного строя. Однако это не является недостатком, поскольку все приведенные в статье точки зрения в их совокупности позволяют раскрыть содержательную сторону рассматриваемого понятия. Автор под конституционным строем понимает способ организации государственной власти государственного властвования, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство действует в соответствии с законом, соответствующим праву.

Ключевые слова: конституционный строй, конституционное государство, правовое государство, гражданское общество.

V. V. Goshulyak

FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM AS AN INSTITUTION OF A CONSTITUTIONAL LAW AND AS AN CONSTITUTIONAL INSTITUTION

Abstract.

Background. Issues related to the foundations of the constitutional system are actively examined in modern science of constitutional law. It is a relatively new

research problem for jurisprudence. Thereupon clarification of the conceptual apparatus is significant. Therefore the goal of the study is to consider the foundations of the constitutional system as an institution of constitutional law and as a constitutional institution.

Materials and methods. The research goals were implemented through analyzing numerous scientific literature, identification of a variety of views concerning the foundations of the constitutional system. The methodological potential included the following research methods: comparative-legal, logical, institutional, technical and historical.

Results. The article considers the constitutional system as an institution of constitutional law and as a constitutional institution. The notion, the essence and the correlation of the foundations of the constitutional system with a law-governed state and civil society are revealed in debate with other authors.

Conclusions. On the basis of the conducted analysis it was concluded that there is no unity of opinions in jurisprudence concerning the notion and the essence of the foundations of the constitutional system. However it is not a disadvantage, because all opinions given in the article allow to reveal the substantial side of the considered notion. Under the constitutional system the author means a method of government authority organization, in which the rights and freedoms of the person and the citizen are observed, and the state acts according to the law.

Key words: constitutional system, constitutional state, law-governed state, civil society.

В юридической науке достаточно большое внимание уделяется правовым институтам. Этот вывод характерен и для конституционного права, институты которого характеризуются совокупностью норм, представляющих собой нормативную конструкцию, обращенную на урегулирование однородных, взаимосвязанных общественных отношений, составляющих предмет регулирования соответствующего института. При этом предмет данного регулирования является составной частью предмета конституционного права [1, с. 27].

Одновременно с этим в науке конституционного права исследователи выделяют и конституционные институты, которые можно охарактеризовать как совокупность закрепленных в Конституции РФ правовых норм, регулирующих однородные правовые отношения. «Являясь инструментом регулирующего воздействия конституционного права в широком смысле, – пишет А. Е. Постников, – он может и не получать дальнейшего развития именно в конституционном законодательстве и развиваться в рамках иных отраслей законодательства. В этом случае данный конституционный институт не является институтом конституционного права» [1, с. 28].

Опираясь на эти верные методологические подходы, А. Е. Постников говорит только о трех институтах конституционного права: это организация публичной власти, основы правового положения личности, федеративное устройство государства [1, с. 29].

Между тем к основным институтам конституционного права следует отнести и институт основ конституционного строя, который служит базовым и определяющим для указанных выше трех институтов конституционного права и который устанавливает главные начала организации публичной власти, правового положения личности и федеративного устройства государства.

Указанный институт конституционного права одновременно является и конституционным институтом, нашедшим свое закрепление в Конституции РФ.

Институт основ конституционного строя нашел достаточное освещение в современной науке конституционного права. Вместе с тем некоторые вопросы, связанные с его определением и выяснением содержания, являются дискуссионными.

Это связано с тем, что основы конституционного строя как правовой институт сравнительно недавно пополнил традиционные институты конституционного права. Впервые он был закреплен в Конституции РФ 1993 г.

С этого времени и началось его научное осмысление в юридической науке. Отсюда берут начало и различные точки зрения, существующие в современной науке конституционного права, на понятие, сущность, содержание и юридическую природу указанного правового института.

По мнению Н. А. Михалевой, конституционный строй является базовым институтом конституционного права как отрасли права. Он выражается в совокупности юридических норм, закрепляющих основополагающие принципы государственной и общественной жизни, взаимоотношения личности, общества, государства [2, с. 162]. Здесь же Н. А. Михалева отождествляет конституционный строй с общественным строем, в котором «функционирует правовое государство с республиканской формой правления, установлен демократический политический режим, признается приоритетное положение личности, незыблемость частной собственности, разделение властей, верховенство права и закона» [2, с. 108]. Следовательно, Н. А. Михалева хотя и считает конституционный и общественный строй явлениями одного порядка, фактически связывает его с демократическими либеральными ценностями, которые были антиподами марксистского понимания общественного строя, характерного для прежних советских конституций.

Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин под основами конституционного строя понимали «форму (или способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство» [3, с. 77]. В этом определении выражена сущность конституционного строя и его основная характеристика – подчинение государства праву.

С точки зрения М. В. Баглая, конституционный строй есть порядок, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство действует в соответствии с конституцией [4, с. 96]. Как видно, в определении конституционный строй выражает свободу личности при отсутствии властеотношений.

Н. А. Богданова под конституционным строем понимает логическое построение, отражающее объективированные в нормах конституционного права устройство государства и общества, а также положение человека в системе отношений «государство–общество–личность» [5, с. 161].

По мнению Н. В. Витрука, конституционный строй представляет собой закрепленное в Конституции РФ устройство общества и государства, отличительным признаком которого является подчинение государства праву [6, с. 159].

М. И. Гранкин считает, что конституционный строй есть система органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, предпринимательских и некоммерческих организаций, признающих человека и его права высшей ценностью. «Конституционный строй, – пишет

он, – строится и функционирует на основе закрепленных в первой главе Конституции РФ принципов. Этот строй проявляется в деятельности государства и общества и реально существует в объективном мире. Он – материально осязаемое проявление закрепленных в Конституции РФ теоретических постулатов» [7, с. 7].

С точки зрения Н. С. Бондаря, конституционный строй является конституционно-правовой категорией, представляющей собой государственно-правовое выражение формирующегося в России гражданского общества, которое предопределяет основные характеристики конституционного строя [8, с. 4].

По мнению С. Н. Хлопушина, конституционный строй есть совокупность закрепленных Конституцией РФ принципов, в соответствии с которыми должны находиться все другие конституционные положения, а также общественные отношения, складывающиеся на их основе и регулируемые текущим законодательством [9, с. 8]. Как видим, в этом определении основы конституционного строя, как правовой институт, выходят за рамки Конституции РФ, и их регулирование допускается иными источниками права.

В. Т. Кабышев под конституционным строем понимает систему «господствующих экономических и социально-политических отношений в их конституционной форме, воплощающих суверенитет народа, свободы и права человека и определяющих сущность общества в целом» [10, с. 50].

Ю. А. Дмитриев и М. П. Авдеенкова видят в конституционном строе способ организации государства и общества, взаимоотношений человека, общества и государства, который обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство [11, с. 213]. Приведенное определение близко к пониманию конституционного строя О. Е. Кутафиным и Е. И. Козловой.

В. В. Мамонов под конституционным строем понимает конституционные отношения, закрепленные народом в Конституции РФ и определяющие статус человека, форму государства, его политический режим, взаимоотношения между властями, положение в мировом сообществе [12, с. 43].

А. Н. Марченко отождествляет конституционный строй с государственным строем. В качестве аргумента он приводит положение о том, что «конституционное право закрепляет общественные отношения, составляющие государственный строй, основы социальной системы общества (общественный строй), основы социальной, экономической и политической организации общества, порядок организации и деятельности органов государственной власти, основы правового статуса человека и гражданина, основы духовной (идеологической) жизни общества; отношения, возникающие в процессе реализации государственной власти, а также создания и функционирования образуемых в этих целях органов государственной власти» [13].

Н. А. Боброва к определению понятия и выявлению сущности конституционного строя подходит через призму народовластия. Она пишет о том, что конституционный строй означает возведение народа в субъект политики (власти), создание органов власти, представляющих народ, и властвование от имени народа, провозглашаемого в качестве источника власти [14, с. 45].

Обзор научной литературы показал, что в юридической науке нет единства мнений относительно понятия и сущности основ конституционного

строя. Однако это не является недостатком, поскольку все приведенные точки зрения в их совокупности позволяют раскрыть содержательную сторону рассматриваемого понятия. Каждая из них выявляет ту или иную сторону конституционного строя. В целом же основы конституционного строя есть совокупность главных принципов устройства государства и общества, взаимоотношений человека и государства, в которых соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство действует в соответствии с Конституцией.

На основе анализа дискуссий об основах конституционного строя можно также сделать вывод о том, что одни исследователи при рассмотрении данной категории определяющим считают понятие «власть», а другие – «права человека». Эта дискуссия, на наш взгляд, в основе своей имеет философский спор о том, что первично, а что вторично – материя или сознание.

Данный спор о первичности имеет смысл перенести и на наше исследование, а именно рассмотреть, что первично в конституционном строе – власть или права человека. С нашей точки зрения, в этой связке первичной является все-таки власть, устанавливающая порядок, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина. Отсюда становится понятным, почему конституционный строй возник раньше писаной конституции, представляя собой антитезу феодальному строю и его сословным привилегиям. Следует отметить, что в Западной Европе он стал появляться в XVII–XVIII вв., в период так называемой идеологической подготовки Великой Французской буржуазной революции. Позже он был закреплен в первых писаных конституциях, которые, в свою очередь, стали правовыми гарантиями конституционного строя с его требованием соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод о том, что под конституционным строем необходимо понимать способ организации государственной власти государственного властвования, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство действует в соответствии с законом, соответствующим праву. В этом определении следует обратить внимание на его последнюю часть – закон, соответствующий праву, поскольку государственная власть посредством принятия неправовых законов может превратить права в декларативные, являющиеся фасадом для прикрытия явно антидемократических режимов. Отсюда в определение конституционного строя, кроме изначальных его категорий – «власти и прав человека», мы вносим категорию «правовой закон», посредством которой раскрывается важнейшая черта конституционного строя – установление правового государства.

Характерной чертой конституционного строя является самоограничение государственной власти. Речь идет о ее ограничении правами человека и законами, соответствующими праву. Следовательно, в государствах, установивших конституционный строй, следует различать понятия «закон» и «право». В этих государствах действуют правовые законы. В странах, где закон и право отождествляются, нельзя вести речь о наличии конституционного строя, так как принятием неправовых законов государственная власть фактически отрицает основы конституционного строя, которые все больше приобретают декларативный характер, несмотря на их закрепление в конституции.

Решающее влияние на самоограничение государственной власти оказывает народовластие, которое, как отмечал О. Е. Кутафин, означает принадлежность всей власти народу, а также свободное осуществление этой власти в полном соответствии с его суверенной волей и коренными интересами [3, с. 86].

Достижение подлинного народовластия возможно при условии всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании, отсутствии фальсификации итогов голосования, признании и реальном существовании в государстве конституционно-правовых институтов парламентаризма, гражданства, референдума. Все это вместе взятое показывает, что конституционный строй простирается дальше самоограничения государственной власти. Его можно считать качественной характеристикой всего гражданского общества. В конституционном строе народ, организованный в гражданское общество, есть источник государственной власти. Он участвует в разных видах и формах в ее учреждении, формировании и функционировании.

Таким образом, в определении понятия конституционного строя следует обратить внимание на упоминание в нем гражданского общества. Поэтому под конституционным строем понимается такой способ организации государственной власти и такой процесс государственного властвования, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а гражданское общество имеет все необходимые конституционные рычаги влияния на государственную власть. Государство здесь действует в соответствии с законом, соответствующим праву.

Правовой институт основ конституционного строя закреплен в Конституции РФ и одновременно является конституционным институтом.

Основы конституционного строя как конституционный институт в разные исторические периоды рассматривался по-разному. В советскую эпоху в конституциях появилось понятие «общественный строй», несмотря на то, что дореволюционная юридическая наука выработала как само понятие конституционного строя, так и его сущностные черты [15]. Однако в это время данные наработки представителей российской юридической науки, опирающиеся на достижения западной науки, оказались невостребованными. Они не вписывались в марксистское учение об общественно-экономических формациях, государстве и праве. Отсюда берет свое начало употребляемое во всех советских конституциях понятие «общественный строй».

Затем, по мере углубления кризиса советского общественного строя и активного внедрения в общественное сознание идей перестройки второй половины 80-х гг. XX в., в юридическую науку возвратилось понятие «основы конституционного строя», под которым стал пониматься только факт закрепления в конституции основ государственного и общественного строя. Отсюда любой государственный и общественный строй становился конституционным, поскольку был закреплен на конституционном уровне.

Следует отметить, что такая точка зрения имеет своих сторонников и на современном этапе развития науки конституционного права. Они фактически отождествляют в своих работах конституционный и общественный строй, совмещая его с марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях. В подтверждение этому приводится опыт Китайской Народной Республики, которая в теории и на практике сумела совместить

конституционный и общественный строй и в итоге – построить социалистическое правовое государство. В таких научных работах конституционный строй представляется идеалом, к которому стремятся как социалистические, так и капиталистические страны и который нигде не был достигнут [14, с. 56–57].

В юридической науке в настоящее время стала превалировать точка зрения, в соответствии с которой не всякий общественный строй, закрепленный в конституции, можно считать конституционным. Конституционным является только то государство, в котором присутствует самоограничение власти, действуют принципы народовластия, гражданское общество посредством демократических выборов и референдумов имеет возможность влиять на государственную власть. В конституционном государстве закон соответствует праву, соблюдаются права и свободы человека и гражданина.

Следовательно, сам факт наличия конституции не означает, что государство является конституционным. Отсюда конституционный строй и конституция – не тождественные понятия. Не во всякой конституции находят свое выражение основы конституционного строя, а сам факт их закрепления на конституционном уровне еще не означает, что государство является конституционным.

Существующие в юридической науке различные определения конституционного строя имеют прямое отношение к гражданскому обществу и правовому государству. Субъектами гражданского общества являются люди, граждане страны, которые при условии существования конституционного строя одновременно являются не только объектом, но и субъектом власти. Как субъекты власти граждане обладают реальными избирательными правами, участвуют в управлении государством, принимают участие в выборах и референдумах, наделены правом народной правотворческой инициативы.

В формировании гражданского общества свое значение имеют отношения собственности. Это связано с тем, что субъектами гражданского общества являются граждане – собственники того или иного имущества. Лица, лишенные собственности и права на нее, превращаются в люмпенов и становятся в связи с этим объектом, а не субъектом власти.

В науке конституционного права при рассмотрении соотношения конституционного строя и гражданского общества высказывается небесспорное мнение о том, что конституционный строй есть политическое выражение экономически возникшего гражданского общества [14, с. 70]. При этом конституционному строю чужда любая монополия на собственность, кроме общенародной собственности [14, с. 66].

Общенародная собственность в ее всеобъемлющем проявлении фактически лишала права граждан на частную собственность, в результате чего они были превращены в люмпенизированное сословие и стали объектом, а не субъектом власти. Отчужденные от собственности и власти граждане могли стать субъектами власти только в одном случае – при наличии у них права на собственность. Тогда они получали право требовать у власти защиты их интересов. Если этого не происходило, то они законным конституционным путем ее меняли. Отсюда конституционный строй можно признать политическим выражением формируемого гражданского общества только при одном условии – при наличии в государстве частной собственности и конституци-

онных гарантий его защиты. При монополии общенародной собственности гражданского общества попросту не существует. Да и само понятие «общенародная собственность» с юридической точки зрения ничтожно, поскольку народа как субъекта права собственности гражданское право не знает.

Спорность приведенной выше точки зрения состоит и в том, что при ее принятии мы должны признать наличие гражданского общества и конституционного строя в СССР, который никто не признавал конституционным государством.

Конституционный строй имеет прямое отношение к правовому государству, в котором государство обеспечивает и защищает права человека, а государственная власть подчиняется праву. Это возможно в случае контроля над властью со стороны общества. С. А. Денисов по этому поводу высказал точку зрения о том, что «ограниченное государственное правление не может возникнуть при отсутствии институтов гражданского общества: общественных объединений, партий, конкурирующих между собой» [16, с. 157]. А. Д. Керимов подчеркивает, что в правовом государстве необходимо всячески развивать систему самоограничения власти [17, с. 135].

В правовом государстве закон и право различаются. Если этого различия не делается, то власть будет создавать неправовые законы, узаконивая тем самым произвол.

Правовое государство всегда является демократическим государством. В нем признаются принципы народовластия и существует принцип разделения властей. Граждане имеет возможность контролировать власть и периодически ее менять. Как справедливо писал О. Е. Кутафин, одним из основополагающих принципов демократической организации государства, важнейшей предпосылкой верховенства права и обеспечения свободного развития человека является принцип разделения властей [3, с. 87].

Многие ученые отмечают, что правового государства в его полном выражении нет нигде в мире. Оно в настоящее время является идеалом, к которому стремятся многие страны, и степень воплощения этого идеала в жизнь в разных странах разная. Однако из этого не следует, что поскольку во многих государствах не сформировано гражданское общество и нет правовых государств, то не может быть и конституционного строя, поскольку эти понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом. Конституционный строй как юридическое оформление формирующегося гражданского общества и правового государства не только существует во многих государствах мира, но и оказывает влияние своими конституционными нормами на формирование в них гражданского общества и правового государства. При этом, чем больше воплощены в основном законе страны идеи конституционного государства, тем масштабнее они оказывают свое влияние на этот процесс, но при условии, если конституция соблюдается всеми: и государственной властью, и гражданами.

Конституционным государство может считаться только тогда, когда между основами конституционного строя, провозглашенными в конституции, и реальной практикой нет расхождений. Здесь мы сталкиваемся с правореализующей функцией конституции, при которой основы конституционного строя должны быть реализованы в первую очередь государственной властью, которая принимает законы и иные нормативные правовые акты, развивающие и углубляющие идеи, заложенные в основах конституционного строя.

Однако между конституционными идеями и практикой реализации Конституции в России лежит большая дистанция. Мы не склонны, как другие исследователи, анализируя этот процесс, говорить о том, что в России либеральная реформа потерпела полный крах и что в нашей стране установилась псевдодемократия по форме и тоталитарный либерализм по сути [14, с. 82]. Одновременно мы уходим и от идеализации современного политического режима [4, с. 63].

Как бы то ни было, это две крайние точки зрения на современный российский конституционализм. Первую мы не можем принять хотя бы потому, что не понимаем, что такое тоталитарный либерализм и возможен ли он вообще, если это две разные, не пересекающиеся одна с другой плоскости. Кроме того, первая точка зрения начисто отрицает позитивное содержание процессов, которые произошли в России за последние два десятилетия: переход страны на демократические рельсы развития, введение многообразия форм собственности, преодоление отчуждения народа от собственности и власти, формирование гражданского общества, многопартийность и т.п. Сторонники этой точки зрения не приемлют те преобразования, которые были произведены после 1991 г. Они, как правило, и Советский Союз считают конституционным государством, идеализируя советское прошлое.

Вторую точку зрения тоже нельзя принять. Она также не лишена крайностей, поскольку мы создали не то идеальное общество, о котором писали теоретики современного пути развития России, и не то общество, которое бы в кратчайшие сроки позволило вывести нашу страну на передовые рубежи общественного прогресса и позволило повысить жизненный уровень населения до передовых стран мира.

Путь России в демократию оказался непростым и тернистым. Здесь были и ошибки, и явные просчеты, и попытки создания комфортного общества для немногих. В области экономики мы прослеживаем два крупных просчета, в ходе которых государственная собственность оказалась в руках крупной буржуазии. Первый – отказ от именных ваучеров, который привел к их скоплению у очень ограниченного круга лиц. Второй – проведение закрытых аукционов по продаже государственных предприятий, когда государственная собственность уходила в руки частных лиц по заниженной стоимости. Данная политика привела к быстрому созданию класса крупных собственников и одновременно к возникновению олигархического капитализма и созданию широчайшей базы для коррупции в высших эшелонах власти, поскольку собственность оказалась в руках тех, кто был при власти или близко к ней. В результате произошло сращивание собственности и власти, которые в соответствии с основами конституционного строя должны быть разделены. В 90-е гг. минувшего столетия, как справедливо писал В. О. Лучин, экономика России оказалась в глубоком системном кризисе, поставившем под сомнение реальность и действенность многих положений Конституции Российской Федерации [18, с. 157].

Такая форма развития России в виде олигархического капитализма не могла востребовать углубление провозглашенных в Конституции РФ принципов народовластия и демократии. На демократические завоевания началось наступление через изменение конституционного законодательства и внесение поправок в Конституцию РФ. Вот лишь некоторые из них: был увеличен срок

пребывания Президента РФ в должности с четырех до шести лет; появилась законодательная возможность не избирать глав исполнительных органов местного самоуправления; на уровне муниципальных районов при новом муниципальном законодательстве стало возможным не избирать органы местного самоуправления; произошло сужение базы для проведения общероссийского референдума; развитие парламентаризма происходит в ограниченных формах; практическое отсутствие контроля парламента за исполнительной властью и т.д. Власть стала по сути несменяемой, что, в свою очередь, делает возможным фальсификацию выборов и сводит на нет необходимость их проведения. В результате в настоящее время мы являемся свидетелями, когда за одну партию отдают свои голоса в отдельных регионах свыше 90 % избирателей, даже в тех регионах, которые традиционно относились к «красному поясу».

Такому положению вещей в отдельных случаях способствовали сами конституционные нормы, позволяющие признавать явно не соответствующие принципам демократии федеральные законы соответствующими Конституции РФ. Так, например, отказ от выборов глав субъектов РФ был признан Конституционным Судом РФ соответствующим Конституции РФ потому, что органы государственной власти субъектов РФ в соответствии с ч. 2 ст. 78 Конституции РФ формируются на основе принципов, установленных на федеральном уровне. Это свидетельствует о том, что Конституция РФ 1993 г. является конституцией переходного типа. В ней тесно переплетается и отжившее старое и еще не устоявшееся новое.

Все это вместе взятое свидетельствует о расхождениях между конституционными нормами и реальной действительностью. Поэтому, безусловно, прав С. А. Авакьян, обеспокоенный проблемами прямого действия Конституции РФ, который пишет о том, что нередко на Основной Закон смотрят как на правовую Библию, которой надо молиться на словах, но которой совсем не следует следовать в делах, в том числе потому, что она содержит набор благих идей, но не норм непосредственного юридического действия [19, с. 15].

Исправить положение дел может нынешняя государственная власть, наполняя основы конституционного строя РФ развивающими и углубляющими их нормами федеральных законов, и формирующееся в России гражданское общество, которое рано или поздно востребует те конституционные положения, которые будут работать на утверждение принципов демократии и народовластия. Поэтому, используя в заложенных основах конституционного строя потенциал, Россия имеет шанс стать в ближайшем будущем конституционным государством.

Список литературы

1. **Постников, А. Е.** Тенденции развития институтов конституционного права / А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2011. – № 10.
2. **Михалева, Н. А.** Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) / Н. А. Михалева. – М., 2010.
3. **Козлова, Е. И.** Конституционное право России / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – М., 2007.
4. **Баглай, М. В.** Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай, Б. Н. Габричидзе. – М., 1996.
5. **Богданова, Н. А.** Система науки конституционного права / Н. А. Богданова. – М., 2001.

6. Конституционное право Российской Федерации / под ред. Н. В. Витрука. – М., 2010.
7. **Гранкин, М. И.** Конституционный строй: понятие и сущность / М. И. Гранкин // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 8.
8. **Бондарь, Н. С.** Гражданское общество и местное самоуправление как социально-правовое выражение нового конституционного строя России / Н. С. Бондарь // Основы конституционного строя Российской Федерации: Понятие, содержание, значение. – Барнаул, 2003.
9. **Хлопушин, С. Н.** Конституционные основы российской государственности и их законодательное обеспечение / С. Н. Хлопушин // Юридический мир. – 2012. – № 6.
10. Конституционное право России. Лекции / под ред. В. Т. Кабышева. – Саратов, 1995.
11. **Дмитриев, Ю. А.** Конституционное право Российской Федерации: курс лекций / Ю. А. Дмитриев, М. П. Авдеенкова. – М., 2004.
12. **Мамонов, В. В.** Конституционный строй Российской Федерации: понятие, основы, гарантии / В. В. Мамонов // Государство и право. – 2004. – № 10.
13. **Марченко, А. Н.** Государственный строй: политико-правовой аспект / А. Н. Марченко // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 2.
14. **Боброва, Н. А.** Конституционный строй и конституционализм в России / Н. А. Боброва. – М., 2003.
15. Конституционное государство. – СПб., 1905.
16. **Денисов, С. А.** Субъектная основа конституционного строя / С. А. Денисов // Труды Института государства и права РАН. – 2006. – № 3.
17. **Керимов, А. Д.** Современное государство: вопросы теории / А. Д. Керимов. – М., 2007.
18. **Лучин, В. О.** Конституция Российской Федерации: проблемы реализации / В. О. Лучин. – М., 2002.
19. **Авакьян, С. А.** Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – М., 2000.

References

1. Postnikov A. E. *Zhurnal rossiyskogo prava* [The Journal of Russian law]. 2011, no. 10.
2. Mikhaleva N. A. *Konstitutsii i ustavy sub"ektov Rossiyskoy Federatsii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Constitutions and Charters of subjects of the Russian Federation (comparative-legal research)]. Moscow, 2010.
3. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow, 2007.
4. Baglay M. V., Gabrichidze B. N. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, 1996.
5. Bogdanova N. A. *Sistema nauki konstitutsionnogo prava* [Science system of the constitutional law]. Moscow, 2001.
6. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. Ed. by N. V. Vitruk. Moscow, 2010.
7. Grankin M. I. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2011, no. 8.
8. Bondar' N. S. *Osnovy konstitutsionnogo stroya Rossiyskoy Federatsii: Ponyatie, soderzhanie, znachenie* [The foundations of the constitutional system of the Russian Federation: notion, content, definition]. Barnaul, 2003.
9. Khlopushin S. N. *Yuridicheskiy mir* [The World of Law]. 2012, no. 6.
10. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Lektsii* [Constitutional law in Russia. Lectures]. Ed. by V. T. Kabyshev. Saratov, 1995.

11. Dmitriev Yu. A., Avdeenkova M. P. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: kurs lektsiy* [Constitutional law of the Russian Federation: lecture course]. Moscow, 2004.
12. Mamonov V. V. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2004, no. 10.
13. Marchenko A. N. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2012, no. 2.
14. Bobrova N. A. *Konstitutsionnyy stroy i konstitutsionalizm v Rossii* [Constitutional system and constitutionalism in Russia]. Moscow, 2003.
15. *Konstitutsionnoe gosudarstvo* [Constitutional state]. Saint-Petersburg, 1905.
16. Denisov S. A. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Works of the State and Law Institute of RAS]. 2006, no. 3.
17. Kerimov A. D. *Sovremennoe gosudarstvo: voprosy teorii* [Modern State: questions of theory]. Moscow, 2007.
18. Luchin V. O. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: problemy realizatsii* [The Constitution of the Russian Federation: problems of realizaton]. Moscow, 2002.
19. Avak'yan S. A. *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [The Constitution of Russia: nature, evolution, contemporary condition]. Moscow, 2000.

Гошуляк Виталий Владимирович
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40);
старший научный сотрудник, Институт государства и права РАН
(Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10)

Goshulyak Vitaly Vladimirovich
Doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor, dean of the faculty of law, Penza State University
(40 Krasnaya Street, Penza, Russia);
senior staff scientist, the Institute of State and Law of RAS
(10 Znamenka Street, Moscow, Russia)

E-mail: vvgoshulyak@rambler.ru, vgoshulyak@yandex.ru

УДК 342.41
Гошуляк, В. В.
Основы конституционного строя как институт конституционного права и как конституционный институт / В. В. Гошуляк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 5–16. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-1

УДК 342.9
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-2

О. В. Гречкина, С. А. Агамагомедова

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТАМОЖЕННЫЕ УСЛУГИ: ПОНЯТИЕ, БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ВИДЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Целью исследования является определение понятия, основных характеристик государственных таможенных услуг в общей системе государственных услуг, услуг в области таможенного дела, а также предложение классификации данных услуг.

Материалы и методы. В качестве методов исследования использованы сравнительно-правовой метод, метод анализа нормативно-правовых актов.

Результаты. В качестве теоретических результатов исследования выступают предложенное авторами определение государственной таможенной услуги, а также классификация государственных таможенных услуг по критериям предметной сферы, потребителя услуги, возмездности услуги и механизма ее реализации. В практическом направлении результаты исследования могут быть использованы в административной деятельности таможенных органов в целях совершенствования административно-правового регулирования и практики реализации государственных таможенных услуг.

Выводы. Под государственной услугой в области таможенного дела авторами понимается направление административной деятельности таможенных органов по реализации ими своих функций. Данные услуги реализуются посредством административных процедур и регламентируются на ведомственном уровне. Качество данных услуг связано с эффективностью контрольной и иной деятельности таможенных органов.

Ключевые слова: государственная услуга, таможенная услуга, таможенные органы, административное регулирование, административные регламенты, виды таможенных услуг, государственные функции.

O. V. Grechkina, S. A. Agamagomedova

STATE CUSTOMS SERVICES: THE NOTION, BASIC DESCRIPTIONS, FORMS

Abstract.

Background. The goal of the research is to define the notion, basic descriptions of the state customs services in the general system of public services, services in the field of customs and proposals of their classification.

Materials and methods. The comparative-legal method and the method of legal acts analizing were used as the research methods.

Results. The definition of state customs services, indroduced by the authors, and the classification of the state customs services by criteria of the objective field, consumers of services, onerousness of the services and the apparatus of its realization are the theoretical results of the research. As for practice, these results can be used in administrative operations of the customs authorities for improving the administrative and legal regulation and practicing the realization of the state customs services.

Conclusions. Under the public services in customs the authors understand the tendency of the administrative operations of customs authorities in realization of their functions. These services are realized by administrative procedures and are re-

gulated at the departmental level. The quality of these services is associated with the efficiency of control and other activities of the customs authorities.

Key words: public services, customs services, customs, administrative regulation, administrative regulations, forms of customs services, public functions.

Качественное предоставление государственных услуг в современный период является одним их актуальных и востребованных направлений деятельности органов государственного управления и справедливо рассматривается отдельными исследователями в качестве одного из основных компонентов институциональных преобразований в системе государственной службы РФ [1, с. 103].

Эволюция понятия и правового регулирования государственных услуг неразрывно связана с изменением роли государства в жизни современного общества. Переход от концепции «полицейского государства» к концепции «сервисного государства» был обусловлен постепенным переосмыслением места государства в достижении оптимального баланса частных и публичных интересов в обществе. Именно в целях достижения подобного баланса появляются государственные услуги, которые первоначально только способствовали, содействовали реализации государственных функций, но позднее оказание государственных услуг становится одной из основных функций государства в лице его органов.

Одним из видов государственных услуг являются государственные услуги в области таможенного дела, или таможенные услуги, которые предоставляются заинтересованным лицам таможенными органами как органами исполнительной власти. Административные процедуры предоставления таможенных услуг являются важной частью таможенного администрирования в современных условиях.

При этом быстро меняющаяся экономическая обстановка предъявляет все более высокие требования к таможенному администрированию, призванному обеспечивать законность правоотношений, возникающих между участниками внешнеэкономической деятельности и государством в ходе реализации и защиты прав, свобод и законных интересов лиц при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу [2].

Несмотря на актуальность и достаточную степень разработанности темы государственных услуг, вопросы административно-правового регулирования предоставления таможенных услуг практически не исследованы. За исключением ряда работ представителей экономической науки комплексные, фундаментальные работы по данной тематике в рамках административно-правовых подходов отсутствуют [3, 4].

По нашему мнению, государственные таможенные услуги входят в систему услуг в сфере таможенного дела. Данная система включает в себя государственные таможенные услуги и околотаможенные услуги, или «квазитаможенные» услуги. Под последними нами понимаются услуги, предоставляемые лицами, осуществляющими деятельность в сфере таможенного дела, а именно: таможенными представителями, таможенными перевозчиками, владельцами складов временного хранения и др. Включение их в систему услуг в сфере таможенного дела обусловлено их особым правовым статусом. Осуществление деятельности по оказанию околотаможенных услуг для уча-

стников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) возможно только после выдачи таможенным органом свидетельства о включении в соответствующие реестры. Таким образом, несмотря на то, что околотаможенные услуги имеют частноправовой характер, оказаны они могут быть только после совершения таможенными органами определенных административных процедур разрешительного характера (ранее, до 2004 г., деятельность рассматриваемой категории лиц лицензировалась).

В рамках данной статьи исследуются вопросы государственных таможенных услуг, или государственных услуг в области таможенного дела (данные понятия в нашем понимании равнозначны).

В свою очередь, государственные таможенные услуги входят в систему государственных услуг. Российское законодательство содержит понятие государственной услуги, то есть услуги, предоставляемой федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, а также органом местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов РФ.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» государственная услуга – это деятельность по реализации функций органов, предоставляющих государственные услуги, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами РФ и нормативными правовыми актами субъектов РФ полномочий органов, предоставляющих государственные услуги [5].

При этом согласно подп. «д» п. 2 Указа Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами [6].

Учеными справедливо отмечается наличие путаницы в определении государственных услуг в нормативно-правовом массиве, а также смешения таких правовых категорий, как государственная услуга, функция и полномочие органов исполнительной власти [7].

Определение государственной услуги в области таможенного дела в действующем законодательстве отсутствует. Регламент Федеральной таможенной службы, утвержденный приказом ФТС России от 26.12.2012 № 2656 (далее – Регламент), закрепляет положение о том, что ФТС России в порядке и сроки, устанавливаемые Правительством РФ, осуществляет разработку административных регламентов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг, которые определяют административные процедуры, обеспечивающие осуществление функций ФТС России, эффективную работу главных управлений ФТС России и должностных лиц, реализацию прав граждан. Предоставление государственных услуг осуществ-

ляется на основе административных регламентов предоставления государственных услуг, устанавливающих необходимый уровень их качества и доступности [8].

Отметим, что данное положение Регламента определяет цели административных процедур, определенных регламентами, в качестве которых выступают обеспечение осуществления функций ФТС России и ее структурных подразделений, а также обеспечение реализации прав граждан. В то же время административная деятельность ФТС России по исполнению государственных функций и предоставлению государственных услуг свидетельствует о том, что помимо граждан заинтересованными в получении услуги или реализации функции лицами могут быть юридические лица и предприниматели, в том числе лица, осуществляющие деятельность в сфере таможенного дела, как специальные субъекты таможенных правоотношений.

Ученые предлагают определение государственных таможенных услуг в широком и узком контекстах. Государственная таможенная услуга (в широком контексте) – это общественно-экономическое благо в форме таможенной деятельности. В более узком контексте государственная таможенная услуга – это действия или последовательность действий, реализуемые специальными таможенными инструментами (включая таможенные процедуры, технологии, операции и т.п.) с целью повышения потребительской полезности сферы ВЭД для государства и участников внешнеторговой деятельности [3, с. 27].

По нашему мнению, *государственная услуга в области таможенного дела* представляет собой направление административной деятельности таможенных органов по реализации ими своих функций, которое выражается в определенных административных процедурах, осуществляемых должностными лицами таможенных органов по запросам заявителей (физических и юридических лиц) и регламентированных ведомственными нормативно-правовыми актами (административными регламентами).

Нами выделены следующие основные признаки государственной услуги в области таможенного дела:

1. Государственная услуга в области таможенного дела оказывается таможенным органом. Это может быть таможенный орган любого уровня (ФТС России, региональное таможенное управление, таможня, таможенный пост). Отдельные административные регламенты прямо прописывают адресат обращения заинтересованного лица за услугой.

2. Адресность государственной услуги в области таможенного дела, которая заключается в наличии конкретного лица, обратившегося за получением услуги (заинтересованного лица, заявителя). Данное лицо также может быть конкретно названо в соответствующем административном регламенте (например, правообладатель исключительных прав на товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара, авторских и смежных прав или его представитель). В противном случае получателем услуги может быть любое лицо (например, получателями государственной услуги по информированию об актах таможенного законодательства Таможенного союза, законодательства Российской Федерации о таможенном деле и об иных правовых актах Российской Федерации в области таможенного дела и консультированию по вопросам таможенного дела и иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов, являются лица, интересы

которых в отношении товаров затрагиваются решениями, действиями (бездействием) таможенных органов непосредственно или индивидуально).

3. Государственная услуга в области таможенного дела связана с реализацией своих прав физическими и юридическими лицами, выступающими заявителями услуги.

4. При предоставлении таможенной услуги происходит взаимодействие между субъектом оказания услуги (таможенным органом) и заявителем, которое носит административный характер.

5. Порядок предоставления и стандарт таможенной услуги содержится в административном регламенте, который утверждается приказом ФТС России либо приказами ФТС России и иного федерального органа исполнительной власти.

6. Заявительный характер таможенной услуги выражается в добровольности обращения за ней в таможенный орган. Это не обязанность лица, это его свободный выбор: обратиться за услугой или обойтись без нее. Последнее не является нарушением законодательства.

7. Каждая конкретная государственная услуга в области таможенного дела имеет конечный результат – то, что составляло интерес заявителя при обращении в таможенный орган. Данный результат может выражаться в получении документа (квалификационный аттестат специалиста по таможенным операциям, предварительное решение о классификации товаров по ТН ВЭД ТС и др.), получении информации (например, при предоставлении государственной услуги по информированию и (или) консультированию).

В настоящее время ведомственная нормативная правовая база ФТС России насчитывает около 16 административных регламентов, причем отдельные из них приняты ФТС России совместно с иными органами исполнительной власти в рамках проведения таможенными органами иных (помимо таможенного) видов контроля и надзора [9]. Следует обратить внимание на отсутствие в административных регламентах ФТС России единообразия в вопросе исполнения функций и услуг: ряд регламентов посвящены исполнению функций [10], другие – предоставлению государственных услуг [11]. Кроме того, оставляет желать лучшего юридическое и процедурное качество административных регламентов [12, 13].

Вопросы о разграничении понятия «государственная услуга» и понятия «функция государственного органа» возникли с момента появления института государственных услуг в административном регулировании. Ведущие ученые высказывают различные точки зрения по поводу соотношения этих понятий [14–17].

Анализ научных позиций в области таможенного контроля в целом, а также в области отдельных его направлений свидетельствует о том, что данные категории зачастую неоправданно отождествляются.

Под функциями организации (ведомства, органа, структуры) в науке традиционно понимаются основные направления деятельности, которые отражают цели, назначение, сущность данной организации. При этом, по мнению В. А. Юсупова, который рассматривает контроль как функцию государственного управления, контроль является фактором оптимизации и корреляции других функций государственного управления [18, с. 205].

В части соотношения понятия услуг и функций государственного органа нам близка позиция И. Л. Бачило, согласно которой число и содержание

услуг всегда зависят от специфики и содержания функций, выполняемых определенным органом. Если даже услуги будут рассматриваться как единый комплекс работ, обеспечиваемых на федеральном уровне (до 500 услуг), то в их обеспечении участвуют различные органы исполнительной власти в соответствии с их сферой ведения и полномочиями [16, с. 54]. Заслуживает внимание рассмотрение данным автором функции государственных и муниципальных органов по предоставлению услуг как одной из многих функций государственных и муниципальных органов.

Функции (обязанности) таможенных органов закреплены в ст. 12 Федерального закона «О таможенном регулировании в РФ».

Ученые также выделяют несколько групп функций таможенной службы России как социально-экономического института:

– по сфере распространения – внутренние и внешние;

– по содержанию – регулятивная, культурная, интегративная, а также функции организации и самоорганизации;

– по временному периоду выполнения функции таможенной службы – постоянные и временные;

– по характеру деятельности – общие и специальные [19, с. 149].

По мнению исследователей, в настоящее время ФТС России осуществляет следующие общегосударственные функции:

– занимается выработкой государственной политики в области таможенного дела;

– осуществляет нормативно-правовое регулирование в области таможенного дела;

– выполняет функции контроля и надзора в области таможенного дела;

– является агентом валютного контроля;

– исполняет специальные функции по борьбе с контрабандой, иными преступлениями и административными правонарушениями [20, с. 7–8].

В соответствии с п. 1 Положения о Федеральной таможенной службе ФТС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации функции по контролю и надзору в области таможенного дела, функции органа валютного контроля, функции по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, функции по проведению транспортного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также санитарно-карантинного, карантинного фитосанитарного контроля и государственного ветеринарного надзора в части проведения проверки документов в специально оборудованных и предназначенных для этих целей пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации (специализированные пункты пропуска), функции по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов Российской Федерации, а также иных связанных с ними преступлений и правонарушений [21]. (С 15 января 2016 г. руководство деятельностью Федеральной таможенной службы осуществляет Министерство финансов РФ [22].)

Необходимо отметить, что таможенная служба как федеральный орган исполнительной власти и социально-экономический институт государства осуществляет свою деятельность в соответствии с приоритетами государст-

венной политики и стратегическими целями социально-экономического развития страны, поэтому сущность и содержание выполняемых ею функций должны соответствовать значимым для общества и государства стратегическим целям и изменяться в соответствии с динамикой институциональной среды [19, с. 149–150].

Таможенные органы являются представителями государственной исполнительной власти и носителями его функций в области внешнеэкономической деятельности. Выделение в совокупности основных функций таможенных органов направления, связанного с предоставлением государственных услуг в области таможенного дела, – влияние административной реформы государственного управления. В то же время данные процессы не создали институт таможенных услуг как таковой. На практике происходит зачастую переименование традиционных функций таможенных органов в таможенные услуги. В качестве примера можно привести консультирование и информирование таможенных органов.

Подобная тенденция привела к научным позициям, согласно которым таможенный контроль вполне вписывается в общее определение «услуги» [23, с. 11].

Кроме того, в последние годы получили распространение исследования, проведенные представителями экономической науки, отдельных направлений таможенного контроля в контексте оказания государственных таможенных услуг [23–25].

Нами четко разграничиваются понятия «таможенный контроль» и «таможенная услуга». Таможенный контроль (система таможенного контроля) не может рассматриваться в качестве государственной услуги (либо ее формы). Таможенный контроль обязателен для всех лиц, перемещающих товары через таможенную границу. В то же время одним из отличительных признаков таможенной услуги (как и любой другой государственной услуги) является ее заявительный характер, который выражается в добровольности обращения лица за ней в административный орган.

Что касается соотношения таможенного контроля и государственных таможенных услуг, то, на наш взгляд, качественное администрирование последних обеспечивает реализацию таможенными органами своих функций, важнейшей среди которых является осуществление таможенного контроля. Качество и доступность таможенных услуг положительно сказывается на эффективности таможенного контроля. Большинство таможенных услуг играют обеспечительную, вспомогательную роль применительно к таможенному контролю и иным функциям таможенных органов, они влияют на подконтрольную сферу таможенного контроля, корректируют ее, в отдельных случаях сужают ее, меняют ее количественную и качественную структуру.

Все государственные таможенные услуги можно разделить на группы в соответствии со следующими критериями классификации:

1. В зависимости от предметной сферы оказания услуги таможенные услуги делятся на общие (универсальные) и специальные. К первой группе следует отнести информирование и консультирование. Данная категория государственных таможенных услуг способствует реализации всего комплекса функций таможенных органов. К специальным услугам относят те, которые связаны с исполнением определенной функции таможенных органов (напри-

мер, получение предварительного решения по классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС). Общие таможенные услуги являются услугами «в чистом виде», или, по выражению Н. В. Путило, «полноценными» государственными услугами [26, с. 5]. Специальные таможенные услуги так или иначе связаны с осуществлением таможенными органами своих основных функций посредством контрольно-надзорной, разрешительной и иной деятельности. Таким образом, добровольность обращения за предоставлением подобных таможенных услуг является условной. Инициатива обращения за специальной таможенной услугой обусловлена необходимостью заявителя получить разрешение таможенного органа на занятие определенной деятельностью (например, деятельностью по предоставлению услуг таможенного перевозчика) или упростить прохождение таможенного контроля при перемещении товаров в качестве декларанта (например, получение предварительного решения по классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС).

2. В зависимости от субъекта – получателя таможенной услуги государственные таможенные услуги делятся на:

– услуги для лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела;

– услуги для правообладателей;

– услуги для физических лиц, желающих получить статус специалиста по таможенным операциям;

– услуги для иных заинтересованных лиц.

Что касается потребителя государственных таможенных услуг, то отдельные авторы выделяют в их качестве не только участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД), но и само государство [27, 28]. На наш взгляд, рассмотрение государственных услуг в области таможенного дела в контексте административно-правового регулирования предполагает в качестве потребителя услуги только физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей (заинтересованных субъектов, заявителей).

3. Таможенные услуги делятся на платные и бесплатные. К первым, к примеру, относится получение предварительного решения по классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС (с 1 января 2015 г. подп. 135 п. 1 ст. 333.33 Налогового кодекса РФ предусмотрена государственная пошлина за принятие предварительных решений по классификации товаров по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза в размере 5000 рублей).

Большинство таможенных услуг оказываются таможенными органами безвозмездно (информирование, консультирование, внесение лиц в соответствующие реестры, получение предварительного решения о стране происхождения товара и др.).

4. В зависимости от административной процедуры по оказанию таможенной услуги таможенные услуги можно разделить на оказываемые в электронной форме и услуги, для которых такой механизм не предусмотрен.

Так, в качестве целевого индикатора совершенствования системы государственных услуг как одного из основных стратегических направлений развития таможенной службы РФ выступает доля государственных услуг, предоставляемых Федеральной таможенной службой в электронном виде в соответствии с административными регламентами, по которым обеспечена

возможность их получения в электронном виде, в общем объеме государственных услуг, предоставляемых Федеральной таможенной службой [29].

В то же время следует признать, что еще не разрешены до конца вопросы открытости и общедоступности информации о таможенной деятельности, обеспечения прав граждан на доступное, гласное и справедливое административное разбирательство, результатом чего становятся многочисленные обращения и жалобы участников внешнеэкономической деятельности в таможенные органы [2].

Проблемы таможенных услуг в контексте административной реформы, их административно-процедурного закрепления, повышения их доступности и качества с административно-правовых позиций практически не рассматривались. Эти вопросы должны стать в ближайшие годы объектом исследований ученых в сфере административного права. При этом можно прогнозировать исследования таможенных услуг как в контексте деятельности таможенных органов в целом, так и применительно к отдельным функциям или направлениям деятельности [30].

Таким образом, государственные таможенные услуги представляют собой значимый в условиях административной реформы институт, который сегодня активно развивается и совершенствуется в направлении удовлетворения интересов участников таможенных правоотношений, защиты их прав и свобод, обеспечения основных функций таможенных органов как органов исполнительной власти государства.

Эффективные и качественные государственные услуги в области таможенного дела содействуют увеличению скорости таможенных процессов, снижают издержки предпринимателей и конечного потребителя товара, позволяют повысить безопасность в сфере внешнеэкономической деятельности, что способствует развитию бизнеса и торговой деятельности на территории Единого экономического пространства [29].

Государственные таможенные услуги являются частью системы административно-правового регулирования отношений в сфере таможенного дела. По мнению Ю. Н. Старилова, система административно-правового регулирования должна формировать соответствующую нормативно-правовую основу как для государственных служащих и должностных лиц, так и для граждан, которым предоставляются административно-правовые средства борьбы с произвольным публичным управлением [31, с. 32]. Качественное административно-правовое регулирование государственных таможенных услуг, а также унифицированная практика по их предоставлению должны отразиться на эффективности контрольно-надзорной и иных направлений административной деятельности таможенных органов и исключить произвольность публичного управления в таможенной сфере.

Список литературы

1. **Крылова, Е. Г.** Становление системы государственной службы Российской Федерации : моногр. / Е. Г. Крылова. – М. : Социум, 2011.
2. **Гречкина, О. В.** Административная юрисдикция таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Гречкина О. В. – Челябинск, 2011. – 40 с.
3. **Макрусев, В. В.** Государственные таможенные услуги : моногр. / В. В. Макрусев, А. В. Сафронов. – 2-е изд. – М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2011. – 196 с.

4. **Гупанова, Ю. Е.** Разработка концептуальных, методологических и методических основ управления качеством таможенных услуг : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Гупанова Ю. Е. – М., 2013.
5. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
6. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 22.06.2010) // СПС «КонсультантПлюс».
7. **Смирнова, А. А.** Соотношение государственных услуг, функций и полномочий органов исполнительной власти / А. А. Смирнова // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 120–130.
8. Об утверждении Регламента Федеральной таможенной службы : Приказ ФТС России от 26.12.2012 № 2656 (Зарегистрировано в Минюсте России 26.03.2013 № 27888) // СПС «Гарант».
9. Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору и Федеральной таможенной службой государственной функции по осуществлению государственного ветеринарного надзора в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также исполнения Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору государственной функции по осуществлению государственного ветеринарного надзора в местах совершения таможенных операций на территории Российской Федерации, отличных от пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации, в отношении предназначенных для вывоза, ввезенных и перемещаемых транзитом через таможенную территорию Таможенного союза товаров, подлежащих государственному ветеринарному надзору : Приказ Минсельхоза России № 393, ФТС России № 2154 от 06.11.2014 (Зарегистрировано в Минюсте России 19.02.2015 № 36107) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.02.2015).
10. Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по исполнению государственной функции по осуществлению в пределах своей компетенции контроля за валютными операциями резидентов и нерезидентов, не являющихся кредитными организациями, связанными с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, а также ввозом в Российскую Федерацию и вывозом из Российской Федерации товаров, в соответствии с международными договорами государств – членов Таможенного союза, валютным законодательством Российской Федерации и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами органов валютного регулирования : Приказ ФТС России от 24.12.2012 № 2621 (ред. от 28.01.2015) (Зарегистрировано в Минюсте России 27.06.2013 № 28909) // Российская газета. – 2013. – № 157 (19 июля).
11. Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги выдачи и отзыва квалификационных аттестатов специалистов по таможенным операциям : Приказ ФТС России от 08.11.2011 № 2263 (ред. от 26.09.2014) (Зарегистрировано в Минюсте России 22.02.2012 № 23315) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2012. – 4 июня. – № 23.
12. О признании недействующим пункта 48.8 Административного регламента Федеральной таможенной службы и определяемых ею таможенных органов по предоставлению государственной услуги по принятию предварительных решений по классификации товаров по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, утв. Приказом ФТС России от 18.04.2012 № 760 : Решение ВАС РФ от 26.05.2014 № ВАС-15607/13. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

13. О признании недействующими пунктов 84, 86, 88 Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги выдачи и отзыва квалификационных аттестатов специалистов по таможенным операциям, утв. Приказом ФТС РФ от 08.11.2011 № 2263 : Решение Верховного Суда РФ от 21.01.2014 № АКПИ13-1164 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 11.
14. **Барциц, И. Н.** Понятие «публичная услуга» в контексте Федерального закона № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и вне его / И. Н. Барциц // Государство и право. – 2013. – № 10. – С. 40–51.
15. **Бачило, И. Л.** Государство социальное или сервисное? Информационно-правовой аспект / И. Л. Бачило // Право. – 2010. – № 1. – С. 3–11.
16. **Бачило, И. Л.** О неизбежном продолжении разговора о публичных услугах и более общих проблемах организации государственного управления (по поводу статьи И. Н. Барцица) / И. Л. Бачило // Государство и право. – 2014. – № 4. – С. 53–57.
17. **Кирин, А. В.** Актуальные проблемы административной реформы / А. В. Кирин, Н. И. Побежимова // Административное право и процесс. – 2014. – № 3. – С. 67–71.
18. **Юсупов, В. А.** Право и советское государственное управление (административно-правовой аспект проблемы) / В. А. Юсупов. – Казань : Изд-во Казанского государственного университета, 1976.
19. Управление таможенным делом : учеб. пособие / В. В. Макрусев, В. А. Черных, В. Т. Тимофеев, А. Ф. Андреев, М. В. Бойкова, И. Н. Колобова, В. Ю. Дианова, С. В. Барамзин, В. Ф. Волков ; под общ. ред. В. В. Макрусева, В. А. Черных. – СПб. : Троицкий мост, 2012.
20. Основы управления таможенными органами России : учеб. / В. В. Макрусев, В. Т. Тимофеев, И. Н. Колобова, С. В. Барамзин, А. Ф. Андреев ; под общ. ред. В. А. Черных. – М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2009. – С. 7–8.
21. О Федеральной таможенной службе (вместе с «Положением о Федеральной таможенной службе») : Постановление Правительства РФ от 16.09.2013 № 809 (ред. от 27.12.2014) // СПС «Гарант».
22. Вопросы Министерства финансов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 15.01.2016 № 12 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 3 (18 янв.). – Ст. 473.
23. **Бек, В. А.** Система таможенного контроля как форма государственной услуги регулирования сферы торговли объектами интеллектуальной собственности : автореф. дис. … канд. экон. наук / Бек В. А. – Хабаровск, 2012.
24. **Бреева, М. М.** Интеллектуальная собственность как стратегический ресурс страны и меры ее защиты в сфере таможенных услуг : дис. ... канд. экон. наук / Бреева М. М. – Тамбов, 2007.
25. **Пауков, А. А.** Управление качеством таможенных услуг по защите интеллектуальной собственности : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Пауков А. А. – М., 2004.
26. **Путило, Н. В.** Публичные услуги: между доктринальным понимаем и практикой нормативного закрепления / Н. В. Путило // Журнал российского права. – 2007. – № 6.
27. Основы таможенного дела : учеб. / под общ. ред. д-ра воен. наук, проф. А. Я. Черныша. – М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2012. – С. 315.
28. **Симахин, О. Г.** Теоретическое обоснование структуры и порядка функционирования инновационной системы управления государственными таможенными услугами / О. Г. Симахин // Вестник Российской таможенной академии. – 2011. – № 4. – С. 29.

29. О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2575-р (ред. от 15.04.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – 14 января. – № 2. – Ст. 109.
30. **Агамагомедова, С. А.** Соотношение понятий «таможенный контроль» и «таможенная услуга» (на примере обеспечения таможенными органами функции по защите интеллектуальной собственности / С. А. Агамагомедова // Таможенное дело. – 2013. – № 3. – С. 2–7.
31. **Старилов, Ю. Н.** Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве / Ю. Н. Старилов // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 29–45.

References

1. Krylova E. G. *Stanovlenie sistemy gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii: monogr.* [Public services system formation in the Russian Federation: monograph]. Moscow: Sotsium, 2011.
2. Grechkina O. V. *Administrativnaya yurisdiktsiya tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-prikladnoe issledovanie: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk* [Administrative jurisdiction of the customs in the Russian Federation: theoretical and applied research: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Chelyabinsk, 2011, 40 p.
3. Makrusev V. V., Safronov A. V. *Gosudarstvennye tamozhennye uslugi: monogr.* [State customs services: monograph]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo Rossiyskoy tamozhennoy akademii, 2011, 196 p.
4. Gupanova Yu. E. *Razrabotka kontseptual'nykh, metodologicheskikh i metodicheskikh osnov upravleniya kachestvom tamozhennykh uslug: avtoref. dis. d-ra ekon. nauk* [Development of conceptual, methodological and instruction bases for customs service quality management: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of economic sciences]. Moscow, 2013.
5. *Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: Federal'nyy zakon ot 27.07.2010 № 210-FZ (red. ot 15.02.2016)* [On organization of public and municipal services rendering: Federal Law from 27.07.2010 № 210-FZ (revised on 15.02.2016)]. RRS «ConsultantPlus».
6. *O sisteme i strukture federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti: Ukaz Prezidenta RF ot 09.03.2004 № 314 (red. ot 22.06.2010)* [On the system and structure of federal executive bodies: the decree of the President of the Russian Federation from 09.03.2004 № 314 (revised on 22.06.2010)]. RRS «ConsultantPlus».
7. Smirnova A. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* [The journal of the Russian Law]. 2015, no. 3, pp. 120–130.
8. *Ob utverzhdenii Reglamenta Federal'noy tamozhennoy sluzhby: Prikaz FTS Rossii ot 26.12.2012 № 2656 (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 26.03.2013 № 27888)* [On adoption of the Federal Customs Services Regulations: the order of FCS of Russia from 26.12.2012 № 2656 (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 26.03.2013 № 27888)]. RRS «Garant».
9. *Prikaz Minsel'khoza Rossii № 393, FTS Rossii № 2154 ot 06.11.2014 (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 19.02.2015 № 36107)* [The order of the Ministry of Agriculture of Russian № 393, FCS of Russia № 2154 from 06.11.2014 (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 19.02.2015 № 36107)]. Available at: http://www.pravo.gov.ru (accessed 25.02.2015).
10. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian newspaper]. 2013, no. 157 (19 July).
11. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti* [Bulletin of normative acts of federal executive bodies]. 2012, 4 June, no. 23.
12. *Prikaz FTS Rossii ot 18.04.2012 № 760: Reshenie VAS RF ot 26.05.2014 № VAS-15607/13. Dokument opublikovan ne byl* [The order of FCS of Russia from 18.04.2012

№ 760: the decision of SAC of Russia from 26.05.2014 № VAS-15607/13. The document has not been published]. RRS «ConsultantPlus».
13. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of Russia]. 2014, no. 11.
14. Bartsits I. N. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2013, no. 10, pp. 40–51.
15. Bachilo I. L. *Pravo* [Law]. 2010, no. 1, pp. 3–11.
16. Bachilo I. L. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2014, no. 4, pp. 53–57.
17. Kirin A. V., Pobezhimova N. I. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process]. 2014, no. 3, pp. 67–71.
18. Yusupov V. A. *Pravo i sovetskoe gosudarstvennoe upravlenie (administrativno-pravovoy aspekt problemy)* [Law and societ public administration (an administrative legal aspect of the problem)]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 1976.
19. Makrusev V. V., Chernykh V. A., Timofeev V. T., Andreev A. F., Boykova M. V., Kolobova I. N., Dianova V. Yu., Baramzin S. V., Volkov V. F. *Upravlenie tamozhennym delom: ucheb. posobie* [Customs management: tutorial]. Saint-Petersburg: Troitskiy most, 2012.
20. Makrusev V. V., Timofeev V. T., Kolobova I. N., Baramzin S. V., Andreev A. F. *Osnovy upravleniya tamozhennymi organami Rossii: ucheb.* [Foundations of customs management in Russia: textbook]. Moscow: Izd-vo Rossiyskoy tamozhennoy akademii, 2009, pp. 7–8.
21. *O Federal'noy tamozhennoy sluzhbe (vmeste s «Polozheniem o Federal'noy tamozhennoy sluzhbe»): Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.09.2013 № 809 (red. ot 27.12.2014)* [On the Federal customs service (together with "the Federal Custms Service Statute"): the enactment of the RF Government from 16.09.2013 № 809 (revises on 27.12.2014)]. RRS «Garant».
22. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2016, no. 3 (18 January), art. 473.
23. Bek V. A. *Sistema tamozhennogo kontrolya kak forma gosudarstvennoy uslugi regulirovaniya sfery torgovli ob"ektami intellektual'noy sobstvennosti: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [The system of customs supervision as a form of a state service regulating the field of intellectual property trade: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Khabarovsk, 2012.
24. Breeva M. M. *Intellektual'naya sobstvennost' kak strategicheskiy resurs strany i mery ee zashchity v sfere tamozhennykh uslug: dis. kand. ekon. nauk* [Intellectual property as a strategic resource of the country and protective measures thereof in the sphere of customs services: dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Tambov, 2007.
25. Paukov A. A. *Upravlenie kachestvom tamozhennykh uslug po zashchite intellektual'noy sobstvennosti: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Quality management of customs services regarding intellectual property protection: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Moscow, 2004.
26. Putilo N. V. *Zhurnal rossiyskogo prava* [The Journal of the Russian Law]. 2007, no. 6.
27. *Osnovy tamozhennogo dela: ucheb.* [Foundations of customs services]. Ed. by A. Ya. Chernysha. Moscow: Izd-vo Rossiyskoy tamozhennoy akademii, 2012, p. 315.
28. Simakhin O. G. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii* [Bulletin of Russian Customs Academy]. 2011, no. 4, p. 29.
29. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2013, 14 January, no. 2, art. 109.
30. Agamagomedova S. A. *Tamozhennoe delo* [Customs administration]. 2013, no. 3, pp. 2–7.
31. Starilov Yu. N. *Zhurnal rossiyskogo prava* [The Journal of the Russian Law]. 2005, no. 4, pp. 29–45.

Гречкина Ольга Владимировна
доктор юридических наук, профессор,
кафедра административного права,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
(Россия, г. Москва,
пр. Вернадского, 82, корпус 6)

E-mail: yourfac@ranepa.ru

Grechkina Olga Vladimirovna
Doctor of juridical sciences, professor,
sub-department of administrative law,
Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the
President of the Russian Federation
(building 6, 82 Vernadskogo avenue,
Moscow, Russia)

Агамагомедова Саниям Абдулганиевна
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: saniyat_aga@mail.ru

Agamagomedova Saniyat Abdulganievna
Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of management and economic security,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.9

Гречкина, О. В.

Государственные таможенные услуги: понятие, базовые характеристики, виды / О. В. Гречкина, С. А. Агамагомедова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 17–30. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-2

УДК 342.7
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-3

Г. Н. Комкова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Гарантии прав человека – один из элементов правового статуса личности. Однако эта категория в науке конституционного права исследована недостаточно. Актуальным является выявление сущности и формулировки содержания данной категории, а также классификация видов гарантии прав человека, поскольку единой классификации в науке конституционного права до сих пор не выработано.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа законодательства, а также основных позиций ученых-конституционалистов по проблемам выявления содержания и видов гарантий конституционных прав человека. Методологический потенциал включает диалектический и логический методы, что создало основу для проведения всестороннего и полного исследования конституционных гарантий прав человека, их классификации; применение системно-структурного метода позволило исследовать гарантии прав человека во взаимосвязи и взаимозависимости с другими правовыми категориями, такими как права человека и социальное государство.

Результаты. Исследовано содержание конституционных гарантий прав человека в современной России, проанализированы виды гарантий, дана собственная классификация видов конституционных гарантий прав человека.

Выводы. В результате проведенного исследования рассматриваются меры по развитию гарантирования прав человека в России. Дано определение конституционных гарантий прав человека. Выявляются особенности гарантирования различных видов конституционных прав и свобод: личных, политических, социально-экономических. Доказано, что основное назначение конституционных гарантий состоит в том, чтобы заставить государство исполнять свои обязанности в сфере реализации прав граждан. Дана авторская классификация конституционных гарантий прав человека, среди которых выделяются объективные, организационные и специальные. К объективным гарантиям отнесен конституционный строй государства, в рамках которого происходит реализация прав человека. Среди объективных гарантий выделяются экономические, политические, социальные, юридические, идеологические средства. Организационные гарантии – это деятельность органов государства, обеспечивающих реализацию и защиту прав человека. Проведена оценка органов государства с точки зрения их участия в гарантированности прав человека. Дана характеристика специальных гарантий – юридических средств обеспечения прав человека. По территории действия классифицированы и проанализированы международные, государственные, региональные и местные гарантии прав человека. Сделан вывод о том, что эффективное гарантирование конституционных прав человека в России возможно только при взаимных усилиях государства и человека.

Ключевые слова: права человека, социальное государство, гарантии прав человека в России, классификация гарантий прав человека.

G. N. Komkova

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF HUMAN RIGHTS IN RUSSIA: THE CONCEPT AND CLASSIFICATION

Abstract.

Background. Guarantees of human rights – one of the elements of the legal status of the individual. However, this category in the science of constitutional law has been studied insufficiently. It is urgent to identify the nature and formulation of the contents of this category, as well as to classify types of the guarantee of human rights as there hasn't been worked out any uniform classification in the science of constitutional law so far.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of the analysis of the legislation, as well as basic positions of scientists-constitutionalists on the problems of identifying the content and types of guarantees of constitutional rights. The methodological potential included dialectical and logical methods, which created the basis for a comprehensive and complete study of the constitutional guarantees of human rights, their classification; the use of the system-structural method allowed to investigate the guarantees of human rights in the relationship and interdependence with other legal categories – human rights and a social state.

Results. The author examined the content of the constitutional guarantees of human rights in modern Russia, analyzed the types of guarantees and gave her own classification of constitutional guarantees of human rights.

Conclusions. The study discusses measures to ensure the development of human rights in Russia, defines the constitutional guarantees of human rights and reveals peculiarities of ensuring different kinds of constitutional rights and freedoms: personal, political, social and economic. It is proved that the main purpose of the constitutional guarantee is to force the state to perform its duties regarding implementation of the rights of citizens. The article introduces the author's classification of constitutional guarantees of human rights, including objective, organizational and special. The objective guarantees refer to the constitutional order of the state in which human rights are realized. The objective guarantees function through economic, political, social, legal, ideological means. The organizational guarantees are an activity of the State to ensure the implementation and protection of human rights.The author has assessed the state bodies in terms of their involvement in the assurance of human rights. The researcher also characterizes special guarantees – legal means to ensure human rights. According to the territory of effect one classifies and analyzes international, national, regional and local guarantees of human rights. It is concluded that effective constitutional guarantees of human rights in Russia are possible only with mutual efforts of the state and the person.

Key words: human rights, social state, guarantee of human rights in Russia, classification of human rights guarantees.

Гарантии прав человека являются необходимым и важным элементом правового статуса личности. Однако в последние годы этот элемент подвергнут незаслуженному забвению, во многих учебниках по конституционному праву он даже не упоминается. Тем не менее сама система гарантирования прав и свобод человека в настоящее время, наоборот, находится в фокусе юридической и политической действительности, поскольку из-за последствий финансово-экономического кризиса гарантии прав человека приобрели особую значимость.

В ст. 2 Конституции РФ прямо предусмотрено, что не только признание, но и соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Общее начало, которое присуще реализации всего комплекса конституционных прав и свобод личности, состоит в их гарантированности. Именно гарантии права человека придают им свойство реальности. Как верно отмечает Б. С. Эбзеев, «права человека адекватны всякому демократически организованному обществу, и государство, претендующее на то, чтобы называться правовым, не вправе, а обязано в своем законодательстве предусмотреть и реально гарантировать юридическими и иными средствами эти права, которые в силу конституционного закрепления приобретают характер субъективных юридических прав» [1, с. 112]. Основное назначение конституционных гарантий состоит в том, чтобы заставить государство исполнять свои обязанности в сфере реализации прав граждан. Реальность прав и свобод проявляется через реальность их гарантий.

Термин «гарантия» происходит от французского слова *garantie* – «обеспечение, ручательство, порука» [2]. С точки зрения теоретиков права, «под гарантиями следует понимать систему социально-экономических, политических, нравственных, юридических, организационных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов» [3, с. 168]. В науке конституционного права гарантии прав человека рассматриваются как совокупность способов, средств, условий, позволяющих обеспечить наиболее полное удовлетворение потребностей человека и гражданина. Например, С. А. Авакьян под ними понимает «материальные, организационные, духовные и правовые условия и предпосылки, делающие реальностью осуществление основных прав и свобод, исполнение обязанностей человека и гражданина и обеспечивающие их охрану от незаконных ограничений и посягательств» [4, с. 682–683].

Таким образом, *под конституционными гарантиями прав человека* следует понимать совокупность способов, условий и средств обеспечения прав человека, закрепленных в конституции государства и выступающих в качестве обязанности государства и его органов.

Значение конституционных гарантий прав человека достаточно велико, поскольку данные условия и средства реализации человеком своих прав содержатся в конституционных нормах и обеспечиваются силой Конституции. Как отмечает А. А. Уваров, значение конституционных гарантий прав и свобод личности состоит в том, что они «становятся важной политической составляющей при принятии каких-либо ответственных политических решений по любым вопросам государственной жизни» [5, с. 82, 84].

Основным субъектом, на которого должна быть возложена обязанность гарантировать права и свободы человека, является государство и система формируемых им органов. Гарантии устанавливаются для всего комплекса прав и свобод граждан, закрепленных в Конституции страны. Однако если для личных и политических прав конституционные гарантии заключаются в обеспечении невмешательства органов публичной власти и должностных лиц в эту сферу индивидуального самоопределения личности, если это не вступает в противоречие с законом, то для социальных, экономических и культурных прав государственные гарантии носят позитивный характер. При обеспечении данных прав государство несет обязанности по созданию

материальных условий для их реализации. Например, для обеспечения права на бесплатное основное общее образование государство должно построить школы, обучить учителей, выпустить учебники и др., поскольку только при наличии этих условий данное право на образование будет реализовано в полной мере.

Практически во всех современных конституциях присутствует закрепление обязательств государства перед гражданином в социальной сфере. Достижение идеалов социального государства – это задача, которая будет ставиться перед каждым даже высокоразвитым и экономически благополучным обществом.

Россия, объявив себя «социальным государством», столкнулась с проблемой перехода от стратегии социалистической, государственно-патерналистской социальной защиты граждан к стратегии социально ориентированной на основе рыночной экономики. Однако в государствах с рыночной экономикой возникают противоречия между необходимостью развивать свободу конкуренции и предпринимательскую деятельность и социальной защищенностью различных групп населения, которые не смогли адаптироваться к рыночным условиям. Эффективная реализация социально-экономических прав во многом зависит от установленного государством оптимального баланса между этими двумя тенденциями.

Российское государство в нынешний непростой период финансово-экономического кризиса должно быть социальным. Такое государство берет на себя обязанность обеспечения социальной справедливости, благополучия своих граждан, их социальной защищенности, гарантирования всего спектра социально-экономических прав. Однако выполнение этой обязанности требует от государства и его органов значительных материальных, организационных, политических усилий.

Гарантии, по мнению некоторых юристов, включают в себя «совокупность факторов объективного (социально-экономический строй общества, состояние политической системы и т.п.) и субъективного (индивидуальное и массовое правосознание, уровень и особенности правовой культуры) свойства, которые оказывают или способны оказывать позитивное воздействие на правовой статус личности в целом, права и свободы в частности» [6, с. 14]. Именно поэтому для лучшего понимания содержания гарантий желательно их классифицировать. Так, например, А. И. Умиев под гарантиями прав и свобод личности понимает широкий комплекс условий экономического, политического, социального, юридического, духовного, идеологического характера, сформированных в данном обществе, действие которых направлено на максимальное обеспечение возможности индивида реализовать свои права и свободы [7, с. 11–13]. Р. В. Енгибарян и Ю. К. Краснов делят гарантии на общие и юридические. Общие они классифицируют на социально-экономические, к которым относят: обеспечение занятости, повышение жизненного уровня населения, создание эффективной социальной инфраструктуры и условий для роста экономики, а также политические, т.е. создание условий для граждан для участия в управлении государством. Под юридическими гарантиями Р. В. Енгибарян и Ю. К. Краснов понимают детально разработанную законодательную базу, позволяющую гражданам осуществлять свои права и защищать их через систему государственных органов [8, с. 286–288]. Извест-

ный исследователь прав человека Л. И. Глухарева гарантии прав человека рассматривает как условия и средства. По ее мнению, гарантии-условия – это социально благоприятная для человека среда, состоящая из элементов общественного и государственного строя, помогающих существованию прав (демократический режим, социальная правовая государственность, развитая правовая культура, экономическое благосостояние, устойчивое развитие и т.д.). Гарантии – средства обеспечения прав человека, по ее мнению, представляют собой социальные инструменты и технологии, используемые для целенаправленного воздействия на среду и поведение людей для обеспечения прав, когда одних условий оказывается недостаточно (экономические, политические, идеологические, воспитательные, правовые) [9, с. 277–280]. Рассматривая данные классификации гарантий прав человека, нельзя не отметить их оригинальность и серьезный научный подход. Однако, думается, что спектр гарантирования прав человека, закрепленный в Конституции Российской Федерации, значительно шире.

По нашему мнению, среди видов гарантий прав человека можно выделить объективные, организационные и специальные. Кроме того, по территории действия гарантии можно классифицировать на международные, общегосударственные, региональные и местные.

К *объективным гарантиям* можно отнести конституционный строй определенной страны, в рамках которого происходит реализация прав человека. Объективные гарантии призваны обеспечить благоприятную для реализации прав человека среду его обитания. Среди объективных гарантий выделяются экономические, политические, социальные, юридические, идеологические средства, действие которых направлено на максимальное обеспечение возможности личности реализовать свои права и свободы.

Экономические гарантии – это создание материальной основы, при которой возможно полноценное использование прав и свобод человеком. К ним можно отнести: рыночную экономику; многообразие форм собственности: частную, государственную, муниципальную и иные; единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансов, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности; защита и охрана всех форм и субъектов экономической деятельности; единое финансовое, валютное, кредитное и таможенное регулирование. Роль государства в развитии рыночной экономики, обеспечении экономической стабильности страны состоит в создании законодательства, определяющего правила поведения хозяйствующих субъектов, контроль за соблюдением установленных правил, а также их защита от всяких противоправных нарушений. Будет способствовать развитию экономических гарантий также регулирование мероприятий, направленных на поощрение экономически выгодных форм предпринимательской деятельности.

Политические гарантии предполагают проведение такой политики в государстве, которая будет способствовать политической стабильности, достижению гражданского согласия и развитию демократии. В Российской Федерации признаются политическое и идеологическое многообразие, политический плюрализм, что означает предоставление возможности оказывать влияние на политический процесс всем общественным организациям, деятельность которых носит политический характер. Цель осуществления поли-

тических гарантий заключается в эффективном регулировании индивидуальных, групповых и всеобщих интересов, имеющихся в обществе для достижения всеобщего согласия. Важным условием устойчивого политического положения государства выступает широкая социальная поддержка населением тех действий, которые осуществляются органами власти. Максимально возможная реализация прав и свобод возможна при сохранении политической и социальной целостности общества, поддержании оптимальных для общества пропорций между индивидуальной свободой и общественным благом.

Социальные гарантии связаны с закреплением в ст. 7 Конституции России положения о том, что Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Достойная жизнь может быть обеспечена лишь в том случае, если каждому человеку будут предоставлены подобающие и равные возможности удовлетворения всех насущных жизненных потребностей: в питании, проживании, здоровье, образовании и культуре.

Социальные гарантии должны обеспечить возможность для каждого члена общества достойного существования, а также закрепить социальную защиту наименее обеспеченных слоев населения, способствовать полноценному участию народа в социальном развитии страны и использовании его результатов для обеспечения прав и основных свобод человека. Именно в социальном государстве должны быть созданы равные возможности для всех граждан, оно выступает гарантом и защитником прав и свобод не какой-то одной или нескольких социальных групп, а всех членов общества.

Юридические гарантии состоят в создании устойчивой правовой среды реализации прав и свобод человека. Россия объявила себя правовым государством, что означает, что вся деятельность в сфере прав и свобод человека должна проходить в правовом пространстве. Государство, принимая законы и другие нормативные акты, обеспечивает четкие и ясные правила, соблюдать которые должны не только граждане государства, но и все должностные лица, органы публичной власти и общественные объединения. При этом сами нормативные акты должны соответствовать Конституции РФ, а также быть понятны и непротиворечивы.

Идеологические гарантии представляют собой систему идей, взглядов, теорий, заложенную в конституционном строе и его основах, обеспечивающих правильное восприятие не только человеком, но и служащими государства системы прав и свобод человека. Гуманитарное правосознание оказывает особое влияние на законодателей, которые призваны разрабатывать и принимать законы, обеспечивающие права человека, правоприменителей, которые должны в соответствии со своими идеологическими установками обеспечивать и защищать права и свободы человека, а также на представителей контролирующих органов, которые призваны обнаруживать и пресекать нарушения прав человека.

Следующий вид из классификации гарантий прав человека – *организационные гарантии*. Это деятельность органов государства, обеспечивающих реализацию и защиту прав человека. Эта деятельность должна соответствовать двум условиям: быть правомерной и исходить от компетентных государственных органов, учреждений и общественных организаций. Практически

все органы государства в большей или меньшей степени призваны гарантировать права и свободы человека. Ведь смысл существования демократического государства – это наиболее полное и последовательное осуществление прав своих граждан. Все виды органов государства, начиная с Президента, задействованы в механизме гарантирования прав человека. Президент как глава государства является гарантом прав и свобод человека, обеспечивает сбалансированную деятельность органов власти по их обеспечению. Органы законодательной власти создают правовые предпосылки для выявления и защиты правовых возможностей человека в стране на данном этапе ее исторического развития. Органы исполнительной власти призваны неукоснительно исполнять все нормативные предписания по обеспечению и защите прав человека от нарушений. Органы контрольной власти контролируют соответствие реальности правовым предписаниям, затрагивающим права и свободы человека. Суды на всех этапах реализации прав человека охраняют их от посягательств со стороны государства и других лиц и применяют государственное принуждение к лицам и организациям, нарушающим прав граждан.

Специальные гарантии – это юридические средства обеспечения прав человека. Под юридическими гарантиями понимаются закрепленные в законодательстве средства, специальные меры, которые призваны обеспечить правомерную реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина. Л. П. Рассказов под юридическими гарантиями понимает систему правовых средств и способов охраны и защиты прав человека и гражданина [10, с. 180–182].

Среди них можно выделить объективно существующую законодательную базу, позволяющую гражданам осуществлять свои права и защищать их через систему государственных органов, а также юридические технологии обеспечения и защиты прав человека. Среди юридических гарантий прав и свобод различают *условия*, которые обеспечивают их правомерную реализацию (гарантии реализации прав), и *средства* их защиты (гарантии защиты прав).

По территории действия можно выделить *международные*, *государственные, региональные и местные* гарантии прав человека. На международном уровне создана система международно-правовых актов, которые распространяются и на жителей России, обязывающих государство не только признавать, но и гарантировать права человека. В России на конституционном уровне закреплена обязанность государства соблюдать принципы международного гуманитарного права.

Общегосударственные гарантии закрепляются в Конституции и федеральных законах, они обеспечивают равные возможности для всех жителей России пользоваться определенными благами и равную судебную защиту. В субъектах Федерации создана своя система гарантирования прав человека, которая выступает в качестве дополнительной к федеральной. В некоторых субъектах РФ за счет собственных бюджетных средств создаются дополнительные условия и средства помощи социально незащищенным категориям граждан. Муниципальные гарантии прав человека предоставляют возможность органам местного самоуправления предоставлять дополнительные услуги своим жителям для более полной реализации своих прав на данной территории.

Таким образом, в процессе гарантирования прав и свобод человека обязательно присутствуют два субъекта: государство и его органы, призванные

обеспечить данный процесс, и сам гражданин, выступающий в качестве его инициатора. А. В. Черкасов полагает, что конституционно закрепленный процесс гарантирования прав и свобод представляет собой особую форму всеобщего взаимодействия элементов действительности, при которой «одни элементы выступают условием существования или взаимодействия между собой других элементов» [11, с. 11]. Гражданин России, живущий в социальном правовом государстве, может надеяться на взаимодействие с органами власти в деле реального обеспечения прав и свобод, социальных благ, гарантированных государством. Тем не менее в этом случае только возможностей государства и его органов оказывать такую поддержку недостаточно, необходимо, чтобы сам человек старался собственными усилиями способствовать наиболее полной реализации всех своих прав и свобод.

Список литературы

1. **Эбзеев, Б. С.** Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. – М. : Норма, 2007. – 384 с.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – 698 с.
3. **Мордовец, А. С.** Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / А. С. Мордовец ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Саратовская высшая школа МВД, 1996. – 223 с.
4. **Авакьян, С. А.** Конституционное право России: учебный курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2013. – Т. 1. – 719 с.
5. **Уваров, А. А.** Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина / А. А. Уваров // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 80–85.
6. **Волчанская, А. Н.** Государственные гарантии защиты прав человека в России: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Волчанская А. Н. – Саратов, 2013.
7. **Умиев, А. И.** Гарантии прав личности в конституционном праве Российской Федерации и международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Умиев А. И. – СПб., 2006.
8. **Енгибарян, Р. В.** Теория государства и права : учеб. пособие / Р. В. Енгибарян, Ю. К. Краснов. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2010. – 576 с.
9. **Глухарева, Л. И.** Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование) / Л. И. Глухарева. – М. : Юристъ, 2003. – 303 с.
10. **Рассказов, Л. П.** Теория государства и права: Углубленный курс : учебник / Л. П. Рассказов. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2015. – 559 с.
11. **Черкасов, А. В.** Гарантии защиты конституционных прав несовершеннолетних : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Черкасов А. В. – СПб., 2005.

References

1. Ebzeev B. S. *Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitutsionnye obyazannosti* [The personality and the state in Russia: mutual responsibility and constitutional obligations]. Moscow: Norma, 2007, 384 p.
2. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [The great encyclopedic dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 1998, 698 p.
3. Mordovets A. S. *Sotsial'no-yuridicheskiy mekhanizm obespecheniya prav cheloveka i grazhdanina* [A social and juridical mechanism of ensuring human and civil rights]. Saratov: Saratovskaya vysshaya shkola MVD, 1996, 223 p.
4. Avak'yan S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyy kurs: v 2 t.* [Constitutional law in Russia: educational course in 2 volumes]. 4th ed. Moscow: Norma, 2013, vol. 1, 719 p.

5. Uvarov A. A. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2005, no. 7, pp. 80–85.
6. Volchanskaya A. N. *Gosudarstvennye garantii zashchity prav cheloveka v Rossii: teoretiko-pravovoy aspekt: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [State guarantees of human rights protection in Russia: a theoretical and legal aspect: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Saratov, 2013.
7. Umiev A. I. *Garantii prav lichnosti v konstitutsionnom prave Rossiyskoy Federatsii i mezhdunarodnom prave: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Guarantees of personal rights in the Constitutional Law of the Russian Federation and international law: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Saint-Petersburg, 2006.
8. Engibaryan R. V., Krasnov Yu. K. *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie* [State and law theory: tutorial]. 2nd ed. Moscow: Norma, 2010, 576 p.
9. Glukhareva L. I. *Prava cheloveka v sovremennom mire (sotsial'no-filosofskie osnovy i gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie)* [Human rights in the modern world (sociophilosophical bases and state and legal regulation)]. Moscow: Yurist", 2003, 303 p.
10. Rasskazov L. P. *Teoriya gosudarstva i prava: Uglublennyy kurs: uchebnik* [State and law theory: an advanced course: tutorial]. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2015, 559 p.
11. Cherkasov A. V. *Garantii zashchity konstitutsionnykh prav nesovershennoletnikh: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Guarantees of under-age constitutional rights protection: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Saint-Petersburg, 2005.

Комкова Галина Николаевна
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: komkova_galina@mail.ru

Komkova Galina Nikolaevna
Doctor of juridical sciences, professor, head of sub-department of constitutional and municipal law, dean of the Faculty of law, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

УДК 342.7
Комкова, Г. Н.
Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация / Г. Н. Комкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 31–39. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-3

УДК 342.97
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-4

О. В. Романовская

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. С 1 января 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ранее на уровне субъектов Российской Федерации принимались законы, регулирующие отношения в сфере государственно-частного партнерства. Цель работы – определить основные характеристики государственно-частного партнерства в конституционном праве, провести анализ понятия, выделить его особенности с учетом закрепления в законах субъектов Российской Федерации.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа действующих нормативных актов, определяющих систему государственно-частного партнерства. В качестве методов исследования были использованы метод анализа нормативно-правового регулирования, сравнительно-правовой метод.

Результаты. Выделены формы влияния государственно-частного партнерства на конституционные принципы организации государственной власти.

Выводы. Государственно-частное партнерство является разновидностью гражданско-правового договора. Наличие властного элемента не превращает частного партнера в носителя публичной власти, не свидетельствует о делегировании государственной власти негосударственной организации.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, государственная власть, делегирование, административный договор.

O. V. Romanovskaya

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

Abstract.

Background. Adopted on July 13, 2015 the Federal Law № 224-FZ “On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and the Introduction of Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” came into force on January 1, 2016. Earlier, at the level of subjects of the Russian Federation there were adopted a series of laws regulating relations in the sphere of public-private partnership. The purpose of the study is to define basic characteristics of the public-private partnership in the constitutional law, to analyze the concept and to identify its characteristics taking into account its fixation in the laws of subjects of the Russian Federation.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of the analysis of the existing legislation, defining a system of public-private partnership. The method of analysis of normative and legal regulation and the comparative legal method were used as research methods.

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-50051.

Results. The author distinguished forms of influence of the public-private partnership on the constitutional principles of state power organization.

Conclusions. The public-private partnership is a kind of civil contract. The presence of the powerful element does not make the private partner a holder of public authority, does not indicate delegation of state power to non-governmental organizations.

Key words: public-private partnership, government, delegation, administrative contract.

С 1 января 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 224-ФЗ). С учетом того, что муниципальные органы не отнесены к органам государственной власти, ограничимся при анализе особенностей указанного Федерального закона лишь государственно-частным партнерством (далее – ГЧП).

Обратим внимание, что до принятия данного документа тема ГЧП была предметом научных исследований и объектом правового регулирования на уровне субъектов Российской Федерации. В регионах были приняты: Закон Московской области от 22 июня 2013 г. № 64/2013-ОЗ «Об участии Московской области в государственно-частном партнерстве», Закон Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 г. № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах», Закон Республики Дагестан от 1 февраля 2008 г. № 5 «Об участии Республики Дагестан в государственно-частных партнерствах», Закон Республики Калмыкия от 18 декабря 2008 г. № 59-IV-З «О государственно-частном партнерстве в Республике Калмыкия», Закон Республики Татарстан от 1 августа 2011 г. № 50-ЗРТ «О государственно-частном партнерстве в Республике Татарстан», Закон Республики Тыва от 2 ноября 2009 г. № 1552 ВХ-2 «Об участии Республики Тыва в государственно-частных партнерствах», Закон Ивановской области от 14 июля 2010 г. № 84-ОЗ «О государственно-частном партнерстве в Ивановской области», Закон Кемеровской области от 29 июня 2009 г. № 79-ОЗ «Об основах государственно-частного партнерства» и др. Это далеко не полный перечень нормативных актов. Если же учесть еще те законы, которые были признаны утратившими силу после принятия федерального акта, то можно увидеть, что институт ГЧП первоначально был сформирован на уровне субъектов РФ. В последующем, в том числе, в силу его распространенности он был воспринят в общегосударственном масштабе [1].

Понятие ГЧП было предметом целого ряда диссертационных исследований. Выделим некоторые из них. Так, А. В. Белицкая [2] определяла ГЧП как одну из форм взаимодействия между государством и частным бизнесом, которая нуждается в надлежащем правовом регулировании как вида инвестиционной деятельности. По своей классификации ГЧП – вид инвестиционной деятельности, находящийся в одном ряду с государственным и частным инвестированием (различия только в субъекте). Автор представляет собственное определение, которое в целом совпадает с определением, которое представлено в анализируемом законе. А. В. Белицкая выделяла понятия публичного и частного партнеров, принципы ГЧП, объект ГЧП и др.

В соответствии со ст. 3 Закона № 224-ФЗ ГЧП – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, заключенного в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [3].

Как видно из представленных определений, ГЧП представляет собой форму привлечения частных финансовых ресурсов для решения публичных целей. Последние могут пониматься как в узком смысле, так и в широком. Если говорить об узком значении, то публичной целью будет строительство значимых для всей страны объектов, таких как, например, строительство моста через Керченский пролив, строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва – Казань» (в проектах с продолжением до Пекина). В широком смысле перечень задач может расширяться. Именно поэтому Закон № 224 упоминает и муниципально-частное партнерство, в рамках которого значимым может быть строительство небольшого моста, имеющего местное значение.

Статья 7 Закона № 224 определяет перечень объектов соглашения о ГЧП, к которым могут относиться (приведем только некоторые из них):

– частные автомобильные дороги или участки частных автомобильных дорог, мосты, защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты (объекты, используемые при капитальном ремонте, ремонте и содержании автомобильных дорог), элементы обустройства автомобильных дорог, объекты, предназначенные для взимания платы (в том числе пункты взимания платы), объекты дорожного сервиса;

– транспорт общего пользования, за исключением метрополитена;

– объекты железнодорожного транспорта;

– объекты трубопроводного транспорта;

– морские порты, речные порты, специализированные порты, объекты их инфраструктур, в том числе искусственные земельные участки, портовые гидротехнические сооружения, за исключением объектов инфраструктуры морского порта, которые могут находиться в федеральной собственности, не подлежат отчуждению в частную собственность;

– воздушные суда, аэродромы, аэропорты, технические средства и другие предназначенные для обеспечения полетов воздушных судов средства, за исключением объектов, отнесенных к имуществу государственной авиации или к единой системе организации воздушного движения;

– гидротехнические сооружения, стационарные и (или) плавучие платформы, искусственные острова;

– объекты здравоохранения, в том числе объекты, предназначенные для санаторно-курортного лечения и иной деятельности в сфере здравоохранения;

– объекты образования, культуры, спорта, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, иные объекты социального обслуживания населения.

В. Г. Истомин выделяет следующие особенности отношений ГЧП:

1) для отношений государственно-частного партнерства характерен специфический субъектный состав, включающий в себя публичного и частного партнеров;

2) цель государственно-частного партнерства заключается в удовлетворении государственного, публичного интереса, выполнении задач, являющихся функцией государства или местного самоуправления;

3) распределение между сторонами рисков, затрат и прибыли от участия в проекте государственно-частного партнерства;

4) объектом партнерства обычно выступает имущество, находящееся в сфере публичного интереса и контроля [4].

В то же время при анализе Закона № 224-ФЗ видно, что законодатель упустил из виду правовые основы обеспечения реализации государственного интереса. Строительство некоторых объектов может выходить за рамки одной цели – создания транспортной инфраструктуры (возьмем для примера данный объект). Так, строительство второй ветки Суэцкого канала для Египта – не просто способ пополнения бюджета, а в силу значимости получаемых доходов является формой материального обеспечения суверенитета. Попыткой выявить конституционное значение ГЧП стала диссертация И. А. Губанова [5], обозначившего необходимость формирования новых социальных институтов, способных стать факторами ускоренной и общесистемной модернизации той или иной сферы производства или области распределения. Автор определяет направления регулятивной деятельности государства в заявленной сфере: «Во-первых, оно вырабатывает стратегию и принципы, на которых действуют отношения бизнеса с обществом в целом и с публичной властью в частности. Во-вторых, оно формирует институциональную среду для разработки и реализации партнерских проектов. В-третьих, оно непосредственно занимается организацией и управлением государственно-частным партнерством, разрабатывает формы и методы, а также его конкретные механизмы. При реализации проектов ГЧП государство получает возможность беспрепятственно и эффективно реализовывать свои функции через контроль, регулирование и соблюдение общественных интересов».

Можно согласиться с И. А. Губановым, что с помощью ГЧП государство решает ряд значимых задач, не связанных с коммерческой сущностью проектов: это децентрализация публичной власти; привлечение негосударственных организаций к реализации публичных интересов; улучшение качества управления государственной собственностью. Автор использует значимый термин – «частичная приватизация некоторых функций государства». К сожалению, дальше ввода в оборот столь значимого понятия И. А. Губанов не идет, хотя концепция приватизации государственной власти становится все более популярной в западноевропейских странах. В свете данной логики следует привести понимание ГЧП И. В. Выдриным: «Публично-частное партнерство можно рассматривать и как **форму взаимодействия** органов государственной и муниципальной власти с институтами гражданского общества в целях установления сотрудничества в сферах политического, социального и экономического развития Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований» [6].

В указанном аспекте интересно для исследований возложение на ГЧП таких сфер деятельности, которые традиционно определяются как прерогати-

ва государства. Начинателем аутсорсинга в военной сфере можно считать Министерство обороны США, решавшее в конце 90-х гг. прошлого века проблему обеспечения жильем 1,5 млн военнослужащих. Первоначально подбором и обеспечением жильем занималось Министерство обороны. В качестве объектов управления состояло около 300 000 единиц жилищного фонда, большая часть из которого предназначалась для семей военнослужащих. Министерство обороны показало себя не как самый эффективный собственник. К 1995 г. срок эксплуатации объектов уже приближался к 35 годам, из общего объема более 60 % нуждалось в капитальном ремонте. В 1995 г. Министерство обороны осуществило аудит жилищных объектов, по результатам которого была дана общая оценка необходимых расходов – 16 млрд долл. США. Отсутствие таких средств позволило Министерству предложить Конгрессу США перевести их на участие в проектах ГЧП.

Министерство обороны разработало специальную программу, согласно которой произошло разделение по родам войск с передачей соответствующих полномочий по участию в ГЧП. Были поставлены два ключевых требования: а) ликвидация непригодного жилья к 2010 г.; б) участие частного партнера должно составлять две трети от общих расходов. Программа была признана полностью эффективной, обновление и ремонт жилых объектов практически был закончен в 2008 г. (с опережением на два года). Долг в 16 млрд долл. США был упразднен за 12 лет. Государство не участвовало в капитальных вложениях. При этом анализ позитивного опыта показал уменьшение издержек на 11 % [7]. Кстати, применение механизмов ГЧП в военно-промышленном комплексе обсуждается и в Российской Федерации [8]. В. П. Николаев представляет конкретные рекомендации: «Государственную поддержку предприятий ОПК целесообразно осуществлять в рамках федеральных целевых программ, направленных в первую очередь на обеспечение реализации государственной программы вооружения. К таким программам можно отнести:

– ФЦП «Развитие оборонно-промышленного комплекса»;

– ФЦП «Развитие ядерного оружейного комплекса»;

– ФЦП «Развитие гражданской авиационной техники»;

– ФЦП «Развитие гражданской морской техники»;

– ФЦП «Развитие электронно-компонентной базы и радиоэлектроники» [9].

Использование ГЧП в оборонном секторе присутствует и в Великобритании. В 1996 г. Министерство обороны Великобритании (по-видимому, следуя опыту США) стало вовлекать частную инициативу в общую государственную политику по уменьшению расходов на оборону и безопасность страны. При этом ГЧП стало неотъемлемой частью таких направлений деятельности Министерства обороны Великобритании, как повышение квалификации военнослужащих, пошив обмундирования, разработка программного обеспечения [10].

Взаимодействию международного и внутригосударственного права в правовом регулировании ГЧП посвящена диссертация А. А. Родина [11]. Обращает внимание, что автор среди сфер возможного взаимодействия указывает не только традиционные – транспорт, энергетика, здравоохранение, но и оборону и пенитенциарную систему, которые ученые-юристы привыкли относить к монополии государства. А. А. Родин специально подчеркивает,

что «механизм правового регулирования ГЧП не имеет однозначной отраслевой принадлежности, он носит комплексный характер, при явном доминировании публично-правовых начал».

ГЧП рассматривалось В. И. Русаковым [12], обозначившим его периодизацию с момента принятия законов, регулирующих смежные отношения, как разновидность инвестиционного соглашения. Так, первый период (1996–2008 гг.) начинается с момента начала действия Федерального закона от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», который стал юридической базой ГЧП в сфере поиска и добычи полезных ископаемых. В последующем, по мнению автора, в течение первого десятилетия XXI в. были приняты нормативные правовые акты, позволяющие ускорить запуск механизмов ГЧП. К таким актам относятся: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», которые способствовали распространению механизмов ГЧП. Второй период (с 2009 г.) начинается с подготовки проекта Закона о ГЧП и его публичного обсуждения, этот законопроект нацелен на более полное регулирование отношений по ГЧП. В. И. Русаков отмечает, что в этот период также были приняты Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» и Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах».

Подобный расширительный подход характерен для всей логики исследования. Так, В. И. Русаков отчасти распространяет особенности ГЧП на Фонд «Сколково», государственную корпорацию ГК «Олимпстрой». Обращает внимание, что автор признает возможность конфликта публичных и частных интересов и предлагает следующий выход: «В целях избегания такого конфликта делаются предложения о внесении в проект ФЗ о ГЧП положений об обязательном раскрытии информации и публичной отчетности: 1) об основных характеристиках инвестиционного проекта, важнейших условиях соглашения о ГЧП и его участниках, а также, в частности, об объеме выделяемых инвестиций как публичным, так и частным партнерам; 2) о наличии взаимозависимых лиц в сделках, совершаемых в рамках ГЧП; предоставив право контроля за такими сделками Счетной палате Российской Федерации, а также Общественной палате РФ в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля»; 3) о ходе реализации инвестиционного проекта».

Финансово-правовая составляющая ГЧП отражена в диссертации К. А. Макаревича [13], в которой делается акцент на деятельность, имеющую целью «повышение качества государственного управления в сфере публичной инфраструктуры и государственных услуг». А. Н. Лукина [14] идет дальше, обозначая ГЧП как административно-правовую форму реализации исполнительной власти и местного самоуправления, «в рамках которой органы публичной власти (органы государственной власти и органы местного самоуправления) вступают в партнерские отношения с частными лицами в целях реализации публичного интереса в виде эффективного и качественного исполнения функций, возложенных на публичную сторону отношений путем привлечения в экономику частных инвестиций». Автором установлены юри-

дические признаки ГЧП, позволяющие считать его самостоятельной формой реализации исполнительной власти:

– субъектный состав, состоящий из органов исполнительной власти и частного партнера, а также связи между ними;

– цель – реализация публичного интереса посредством административно-правового регулирования;

– ГЧП регулируется законодательством Российской Федерации, прежде всего правовыми актами управления, и характеризуется отсутствием равенства между субъектами правоотношений, приоритетом публичного интереса, формированием условий сотрудничества частных инвесторов с органами исполнительной власти;

– содержание ГЧП раскрывается не только взаимодействием субъектов и объектов таких правоотношений, но и через процесс последовательно принимаемых решений органами исполнительной власти, начиная с момента формирования потребности в осуществлении возложенных на них задач путем реализации проектов ГЧП и заканчивая достижением поставленной цели такого проекта.

ГЧП, по мнению автора, «возникает только при осуществлении государственного управления и направлено на реализацию публичного интереса путем возложения отдельных задач государства на частного хозяйствующего субъекта».

З. А. Саидов, в целом признавая административно-правовую природу ГЧП, считает, что в данном спектре отношений присутствует комплексная правовая природа, в которой есть место цивилистическим началам [15].

С отнесением ГЧП к видам управленческой деятельности не согласны цивилисты. Так, указывается: «Тот факт, что одной из сторон соглашения о ГЧП всегда выступает публичное образование, не означает, что оно проявляет себя в качестве властного субъекта и реализует именно свою публичную компетенцию, а не гражданскую правоспособность… На первый взгляд из этого можно сделать вывод, что соглашение о ГЧП действительно является актом, в котором отражается именно **публичный, общественный интерес**. Однако мы полагаем, что при вступлении публичного образования во взаимодействие с частным субъектом публичный партнер стремится к непосредственному удовлетворению своего собственного интереса (интереса как субъекта гражданского права). Публичный интерес в соглашении о ГЧП не находит своего непосредственного выражения, заключение соглашения выступает лишь предпосылкой его удовлетворения» [16]. Д. А. Самоловов относит соглашение о ГЧП к самостоятельным гражданско-правовым договорам, причисляя их к непоименованным договорам [17].

Четкая система аргументов отнесения ГЧП к разновидности гражданско-правового договора выстроена в коллективной монографии Санкт-Петербургской школы права [18]. В работе отмечается: «Соглашения о публично-частном партнерстве являются разновидностью договоров с инвестиционными условиями (инвестиционными соглашениями), они выделяются в ряду иных инвестиционных соглашений тем, что в них участвует публично-правовое образование». Авторы признают, что в юридической науке есть точка зрения об отнесении ГЧП к разновидности административно-правового дого-

вора. Однако это, по мнению авторов, не влияет на природу договорных отношений, что позволяет сформулировать итоговый вывод: «Участие публично-правового образования в соглашении о публично-частном партнерстве не меняет его частноправовой природы, поскольку после принятия решения об участии в таком соглашении и определения в нем условия своего участия уполномоченный орган заключает соглашение с частным инвестором (договаривается с ним)».

Нередко ученые-юристы, обращаясь к зарубежному опыту, указывают на институциональное воплощение ГЧП – создание совместного предприятия, с которым публичный партнер зподписывает соглашение о ГЧП (Закона Латвии «О публично-частном партнерстве», Закон Болгарии «О публично-частном партнерстве», законодательство Франции для ГЧП на уровне местных властей) [19].

Подведем итоги.

1. ГЧП является разновидностью гражданско-правового договора. Участие в нем публичного партнера не отменяет указанной природы и не может превращать данный вид правоотношений в административно-правовой.

2. Наличие властного элемента в ГЧП не превращает частного партнера в носителя публичной власти, не свидетельствует о делегировании государственной власти негосударственной организации.

3. Цель ГЧП – не в удовлетворении повседневных потребностей, которые могут быть достигнуты с помощью стандартных механизмов – государственного контракта, государственной субсидии, трансферта, а заключается в удовлетворении значимого публичного интереса, выполнении задач, являющихся функцией государства или местного самоуправления.

4. Установление особых форм контроля со стороны публичного партнера обусловлено объектом регулирования, затрагивающего важные общесоциальные сферы.

Список литературы

1. **Романовский, Г. Б.** Исполнительная власть в субъектах Российской Федерации. Комментарии законодательства и судебной практики : моногр. / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская. – Пенза : Информационно-издательский центр ПензГУ, 2007. – 260 с.
2. **Белицкая, А. В.** Государственно-частное партнерство: понятие, содержание, правовое регулирование : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Белицкая А. В. – М., 2011. – 24 с.
3. Государственная власть в субъектах Российской Федерации: понятие, организация, принципы / под ред. Г. Б. Романовского. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 288 с.
4. **Истомин, В. Г.** Государственно-частное и муниципально-частное партнерство: характеристика возникающих отношений в контексте развития правового регулирования / В. Г. Истомин // Конкурентное право. – 2016. – № 2. – С. 44–48.
5. **Губанов, И. А.** Государственно-частное партнерство в реализации функций российского государства: вопросы теории и практики : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Губанов И. А. – СПб., 2010. – 27 с.
6. **Выдрин, И. В.** Публично-частное партнерство как форма взаимодействия государства и общества / И. В. Выдрин // Современное право. – 2015. – № 8. – С. 5–16.
7. Практическое руководство по вопросам эффективного управления в сфере государственно-частного партнерства / Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк ; Женева, 2008. – 128 с.

8. **Шишков, Б. Е.** Механизмы государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе / Б. Е. Шишков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 12. – С. 88–97.
9. **Николаев, В. П.** Реализация инвестиционных проектов в оборонно-промышленном комплексе с использованием механизмов государственно-частного партнерства / В. П. Николаев // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 8. – С. 91–95.
10. **Билль, М. В.** Зарубежный опыт нормативно-правового регулирования и организации государственно-частного партнерства / М. В. Билль // Российский юридический журнал. – 2014. – № 6. – С. 27–34.
11. **Родин, А. А.** Взаимодействие международного и внутригосударственного права в правовом регулировании государственно-частного партнерства : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.10 / Родин А. А. – М., 2010. – 20 с.
12. **Русаков, В. И.** Правовой режим инвестиций, объединяемых участниками государственно-частного партнерства : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Русаков В. И. – СПб., 2014. – 31 с.
13. **Макаревич, К. А.** Финансово-правовое регулирование государственно-частного партнерства в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.04 / Макаревич К. А. – М., 2013. – 28 с.
14. **Лукина, А. Н.** Административно-правовое регулирование государственно-частного партнерства в России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14 / Лукина А. Н. – М., 2016.
15. **Саидов, З. А.** Государственно-частное партнерство в механизме административно-правового регулирования экономики / З. А. Саидов // Российская юстиция. – 2015. – № 9. – С. 46–51.
16. **Качкин, Д. В.** Соглашение о государственно-частном партнерстве как гражданско-правовой договор / Д. В. Качкин, Р. Р. Репин // Закон. – 2015. – № 10. – С. 147–156.
17. **Самоловов, Д. А.** Соглашение о государственно-частном партнерстве как гражданско-правовой договор / Д. А. Самоловов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 8. – С. 21–30.
18. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / С. А. Белов, Е. В. Гриценко, Д. А. Жмулина [и др.] ; под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – 528 с.
19. **Килинкаров, В. В.** Институциональные публично-частные партнерства: общее понятие и правовые рамки / В. В. Килинкаров // Юрист. – 2015. – № 7. – С. 15–21.

References

1. Romanovskiy G. B., Romanovskaya O. V. *Ispolnitel'naya vlast' v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii. Kommentarii zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki: monogr.* [Executive authority in subjects of the Russian Federation. Comments to the legislation and court practice: monograph]. Penza: Informatsionno-izdatel'skiy tsentr PenzGU, 2007, 260 p.
2. Belitskaya A. V. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: ponyatie, soderzhanie, pravovoe regulirovanie: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.03* [Public-private partnership: the notion, content, legal regulation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2011, 24 p.
3. *Gosudarstvennaya vlast' v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, organizatsiya, printsipy* [The state authority in subjects of the Russian Federation: the notion, organization, principles]. Ed. by G. B. Romanovskiy. Moscow: Yurlitinform, 2016, 288 p.
4. Istomin V. G. *Konkurentnoe pravo* [Competition law]. 2016, no. 2, pp. 44–48.

5. Gubanov I. A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v realizatsii funktsiy rossiyskogo gosudarstva: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.01* [Public-private partnership in realization of functions of the Russian State: theoretical and practical problems: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Saint-Petersburg, 2010, 27 p.
6. Vydrin I. V. *Sovremennoe pravo* [Contemporary law]. 2015, no. 8, pp. 5–16.
7. *Prakticheskoe rukovodstvo po voprosam effektivnogo upravleniya v sfere gosudarstvenno-chastnogo partnerstva* [Practical guidelines to efficient management in the field of public-private partnership]. New York; Zheneva, 2008, 128 p.
8. Shishkov B. E. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* [Property relations in the Russian Federation]. 2015, no. 12, pp. 88–97.
9. Nikolaev V. P. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* [The Law in Armed Forces]. 2015, no. 8, pp. 91–95.
10. Bill' M. V. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Juridical Journal]. 2014, no. 6, pp. 27–34.
11. Rodin A. A. *Vzaimodeystvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v pravovom regulirovanii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.10* [Interaction of international and domestic law in legal regulation of public-private partnership: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2010, 20 p.
12. Rusakov V. I. *Pravovoy rezhim investitsiy, ob"edinyaemykh uchastnikami gosudarstvenno-chastnogo partnerstva: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.03* [The legal status of investments joined by participants of public-private partnership: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Saint-Petersburg, 2014, 31 p.
13. Makarevich K. A. *Finansovo-pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.04* [Financial and legal regulation of public-private partnership in the Russian Federation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2013, 28 p
14. Lukina A. N. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.14* [Administrative and legal regulation of public-private partnership in Russia: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2016.
15. Saidov Z. A. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice]. 2015, no. 9, pp. 46–51.
16. Kachkin D. V., Repin R. R. *Zakon* [The Law]. 2015, no. 10, pp. 147–156.
17. Samolovov D. A. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* [Proerty relations in the Russian Federation]. 2015, no. 8, pp. 21–30.
18. Belov S. A., Gritsenko E. V., Zhmulina D. A. et al. *Publichno-chastnoe partnerstvo v Rossii i zarubezhnykh stranakh: pravovye aspekty* [Public-private partnership in Russia and foreign countries: legal aspects]. Moscow: Infotropik Media, 2015, 528 p.
19. Kilinkarov V. V. *Yurist* [The lawyer]. 2015, no. 7, pp. 15–21.

Романовская Ольга Валентиновна
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Romanovskaya Olga Valentinovna
Doctor of juridical sciences, professor, head of sub-department of state and legal disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: vlad93@sura.ru

УДК 342.97
Романовская, О. В.
Конституционно-правовые основы государственно-частного партнерства / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 40–50. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-4

УДК 321.01 «18» Градовский
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-5

И. А. Ромайкин

ВЗГЛЯДЫ А. Д. ГРАДОВСКОГО НА ПРИРОДУ ВЕРХОВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПОНИМАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Рассмотрение наследия дореволюционных юристов представляется в настоящее время весьма своевременным, поскольку оно содержит многие идеи, не утратившие своей научной ценности. Творчество А. Д. Градовского в этой связи – показательный пример. В статье рассмотрена та часть учения Градовского о государстве, на которую не так часто обращают внимание, – его взгляды на верховную государственную власть. Целью работы является комплексное исследование учения Градовского о верховной власти в свете современного понимания государства.

Материалы и методы. Автор использовал сочинения Градовского, где изложены основные положения его концепции верховной государственной власти, а также достаточно широкий круг публикаций современных специалистов для обоснования своих выводов, достигнутых в ходе исследования. Для этого использовались исторический, сравнительный, логический и системный методы.

Результаты. В результате исследования были раскрыты основные аспекты учения Градовского о верховной власти с точки зрения современной теории государства и права. Было установлено, что такие свойства государственной власти, как единство, верховенство и нераздельность, выделяемые Градовским, находят свое научное обоснование и сегодня и вызывают особый интерес в связи с рассмотрением устройства государственной власти в федеративном государстве и с соотношением с принципами разделения властей и федерализма.

Выводы. Таким образом, исследование вопросов природы и сущности верховной государственной власти, основанное на взглядах дореволюционного правоведа и представленное через призму современной юридической науки, позволило глубже взглянуть на проблемы места и роли верховной власти в государстве, соотношения государственной власти с государством. Государственная власть предстает как фундаментальный признак государства, многие характеристики которой являются одновременно и характеристиками государства. Все это важно для современного понимания государства.

Ключевые слова: государство, верховная государственная власть, органы государственной власти.

I. A. Romajkin

THE VIEWS OF A. D. GRADOVSKY ON THE ORIGIN OF SUPREME POWER AND THEIR MEANING FOR MODERN UNDERSTANDING OF THE STATE

Abstract.

Background. The study of the heritage of lawyers, who wrote their works before the revolution, is very topical nowadays because there are a lot of very valuable ideas. The works by A. D. Gradovsky are a model example. The author considered

a part of Gradovsky's views concerning the state, which is often neglected by scientists – his views on the state power. The purpose of the work is to generally investigate the Gradovsky's teaching about supreme power in connection with modern understanding of the state.

Materials and methods. The author used the works by Gradovsky describing the main points of his conception of supreme power. The researcher also paid attention to publications of modern experts in order to prove his conclusions, being a result of his investigations. Historical, comparative, logical and systematical methods were used in the study.

Results. During the investigation the main aspects of the works by Gradovsky concerning supreme power with the point of views of the modern theory of state and law were revealed. It was estimated that such characteristics of supreme power as unity, dominance, inseparability, described by Gradovsky, find its' scientific grounds nowadays and represent a special interest in connection with principles of division of powers and federalism.

Conclusions. Thus, the research of questions of the origin and essence of supreme state power based on the works by the law scientist of the XIX century and represented from the point of view of modern juridical science allows to take a deeper look at the problems of place and role of supreme power and correlate state power with the state. The state power is a fundamental symbol of the state, many features of which are characteristics of the state. All of it is important for modern understanding of the state.

Key words: state, supreme state power, bodies of state power.

Александр Дмитриевич Градовский (1841–1889) принадлежит к числу известнейших юристов и государствоведов своего времени. Он прожил недолгую, но чрезвычайно насыщенную жизнь, которая была целиком посвящена научной работе. В настоящее время его имя вспоминается преимущественно в связи с его изысканиями в области истории развития местного управления в России (как известно, этому посвящена его докторская диссертация [1]), и гораздо реже обращается внимание на его работы по общему государственному праву и теоретические трактовки государственно-правовых категорий, несмотря на то, что в этой области он также оставил юридической науке богатое наследие. Градовский был человеком со специфическими и оригинальными взглядами на государственные явления и на российскую историю. Научное мировоззрение ученого сложилось в большей части под влиянием позитивистской философии (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. С. Милль, Г. Г. Льюис и др.). Однако позитивизм Градовского «имел свои особенности, он являлся своеобразным синтезом двух его разновидностей – социологического и юридического. При исследовании вопросов, связанных с государством, А. Д. Градовский тяготел к социологическому позитивизму… В теории права у А. Д. Градовского доминировали идеи юридического позитивизма» [2]. Градовский трепетно относился к реформаторскому курсу Александра II и возлагал на него большие надежды. Убийство императора и последовавшие контрреформы, воспринятые ученым как крушение своих надежд и ожиданий, вызвали его отход от либерально-консервативных убеждений к полному неприятию происходящего в стране [3]. Среди его учеников можно назвать М. И. Свешникова и И. И. Дитятина, которые также занимались вопросами местного управления.

Здесь мы хотели бы рассмотреть его взгляды на природу верховной государственной власти и проследить, каким образом его идеи могут помочь нам в понимании сущности государства.

Государственную (верховную) власть, наряду с территорией и населением, Градовский считает одним из элементов государства [4, с. 20], подчеркивая при этом, что она, так же как и два других признака, нуждается в детальном и глубоком уяснении. И естественно, эти элементы взаимосвязаны между собой. Будучи сторонником органической теории происхождения государства, Градовский отмечает, что становлению собственно государственной власти, т.е. власти особого вида, предшествовала власть патриархальная и территориальная, развивающаяся по мере перехода от кочевой жизни к оседлой. Выделяя существенные черты, или признаки, верховной власти, Градовский опирается на анализ исторического развития различных государств.

Поскольку государственная власть – один из коренных элементов государства, она является властью национальной и распространяется на все классы одинаково. Границы государства определяют сферу владычества государственной власти в пределах данного политического союза. Поскольку все подданные одинаково подчинены верховной власти и между нею и гражданами (подданными) нет посредствующих групп, получается, что государственная (верховная) власть *непосредственна*. Однако это вовсе не исключает наличие посредствующих властей, когда речь идет о собственно верховном управлении.

Так, рассматривая русскую монархию, Градовский замечает, что посредствующие власти действуют от имени императора, но в пределах представленных им прав самостоятельны. Это вполне удовлетворяет требованию разделения властей [5, с. 143].

Все это приводит нас к общенациональности верховной власти, потому что она является воплощением народной самостоятельности в ряду других народов [4, с. 27]. Государственная власть не допускает постороннего вмешательства в свои дела, она является верховной. По сути, здесь идет речь о верховенстве государственной власти как о ее свойстве, качестве. Верховенство государственной власти подчеркивает ее исключительность в пределах государства, так как все прочие власти «подчиняются ее требованиям» [4, с. 27]. Верховная государственная власть является как бы осью, стержнем, на которой покоится вся конструкция государственного устройства.

Полагаем, что именно поэтому Градовский и приходит к принципам всеобъемлемости и неделимости государственной власти. Но неделимость ее связана с неделимостью государства – аналогичные свойства части и целого. Установление национального единства предполагает неделимость государственной власти и, следовательно, ее преемство. Преемство мыслится Градовским как неотъемлемая черта государственной (верховной) власти, поскольку государство как союз существует непрерывно и «государственная власть по существу своему непрерывна» [5, с. 164].

Одним из существенных признаков верховной власти является ее единство и нераздельность, и порядок преемства должен соответствовать этому признаку. Иными словами, вопрос о преемстве государственной власти есть вопрос о ее единстве и единстве и неделимости всего государства.

Преемство государственной власти должно удовлетворять многочисленным требованиям, но более всего – началу государственного единства, потому что правильный ход государственного управления, согласно воззрениям Градовского, предполагает «полное единство страны с интересами правящего лица» [4, с. 167]. В этом снова проявляется взаимосвязь государственной власти и народа как составных элементов государства.

А поскольку существует такое единство, то государственная власть выражает народную волю, она непреодолима. Это, на наш взгляд, не что иное, как одно из проявлений ее верховенства. Другим таким проявлением выступает выделяемая Градовским повсеместность, то есть распространение ее на все места и лица в государстве. В принципе, это можно охарактеризовать как *всеобщность* государственной власти, означающей, что помимо нее в государстве не существует и не может существовать никакой иной власти в силу указанных выше признаков и ее природы как таковой. Она связана с народом и территорией, является воплощением воли народа и имеет действие по всему государству в пределах его государственных границ. Она объемлет все государство.

Однако существо государственной власти может быть раскрыто и с другой стороны. Градовский прибегает к указанию на цели и функции государственной власти, при этом он не называет сами цели, а говорит лишь о степени, в которой государственная власть может касаться различных сторон общественной жизни. Характеризуя государство как юридическое установление, он замечает, что оно «имеет своим назначением определить правомерность отношений между отдельными лицами, установить известные формы для самого себя и определить условия деятельности своих органов и их отношение к частным лицам и ко всему государству» [4, с. 29]. По большому счету, здесь названы главные цели государства, на осуществление которых направлена деятельность государственной власти. Стремясь реализовать их, она действует принудительно и непрерывно и раскрывается в законодательной, исполнительной и судебной функциях. Это для Градовского очень важно: во всех трех функциях действует одна, а не три разных власти; законодательная деятельность есть начало функций государства и предполагает деятельность лица или установления, стоящего выше закона, судебная и административная деятельность же предполагает участие подзаконных органов, «облеченных строго определенными правами и несущих ответственность за неправильное пользование этими правами» [5, с. 144]. Эти функции обеспечивают друг друга и таким образом, в своем роде, придают действию государственной власти *полноту*. В этой связи весьма уместным представляется мнение С. А. Котляревского, который считал, что функции логически и исторически предшествуют органам и между ними и органами власти нет полного соответствия [6]. Поэтому всякая классификация властей государства условна и относительна [6].

Касаясь теоретических воззрений А. Д. Градовского на существо верховной государственной власти, стоит упомянуть еще об одном: о носителе этой верховной власти, т.е. о главе государства, или правителе. Фигуре правителя Градовский также уделяет достаточно внимания, особенно в связи с монархической формой правления, существовавшей тогда, в том числе, и в России.

Говоря об императорской (или королевской) власти, Градовский различает права и преимущества (или личные прерогативы) этой власти. Правами он называет совокупность коренных атрибутов верховной власти вообще, которые не зависят от формы правления, преимущества (прерогативы) – личные привилегии императора как представителя верховной власти. Получается, что собственно императорская власть проявляется как бы с двух сторон: преимущества верховной власти демонстрируют, показывают ее верховенство, а ее права по существу есть ее реализация в сфере общегосударственного управления. Это, конечно же, напрямую связано с монархической формой правления, предполагающей особый статус императора как воплощения в его власти и его персоне идеи государственного могущества и независимости. Но, однако, и в монархиях сам монарх может обладать различными правовыми статусами, в зависимости от того, конституционная это монархия или абсолютная. Так, комментируя ст. 1 основных законов Российской империи, провозглашающую российского императора неограниченным и самодержавным, Градовский пишет: «…эпитет “неограниченный” выражает, что воля императора не стеснена известными юридическими нормами; “самодержавие” же выражается в том, что император не разделяет своих верховных прав ни с каким установлением или сословием в государстве. Все это, как известно, не имеет места в монархиях конституционных» [7, с. 3]. Кстати, позже на это замечание Градовского отреагировал упоминавшийся нами С. А. Котляревский, указав, что «самодержавной в современном русском государственном праве называется власть, которая служит источником для всякой другой власти в государстве… Отсюда вытекает, что монарху принадлежит высший учредительный авторитет» [8, с. 155–156].

Компетенция собственно императорской власти заключается в ее действии в тех случаях, когда определенное обстоятельство не может быть решено простой силой законов, а требуется личное вмешательство правителя. Все прочие задачи управления и суда относятся к ведению упоминавшихся нами посредствующих, или подчиненных, властей. Поэтому, говоря о фигуре правителя в целом, надо отметить, что она, безусловно, занимает особое положение в государстве и в структуре государственной власти. Не будет преувеличением сказать, что фигура государя выступает неким воплощением верховенства и законности государственной власти в смысле ее исключительности и всеобщности. Правитель, образно говоря, венчает государственную власть, завершая ее иерархическую структуру.

В этой связи, обозревая концепцию верховной государственной власти А. Д. Градовского в целом, нельзя не отметить, что она весьма стройна и логична. Государственная власть предстает в своем роде как важнейший атрибут государства, который, развиваясь вместе с самим государством, проходит в своем развитии определенные исторические этапы, или стадии. Историчность государственной власти у Градовского заключается в ее эволюции от патриархальной ее формы к власти собственно государственной, т.е. к власти особого рода, которая не просто отличает государство от догосударственных образований, а является фундаментальной основой государства, наряду с нацией и занимаемой ею территорией. Связь и взаимодействие между этими элементами наблюдается Градовским во всех проявлениях государственной власти: она выражает народную волю, действует непосредственно и в пределах государственных границ. Она в некотором роде имеет и нравственное

измерение, поскольку связана с единством государства, единством народа и его интересов, которые воплощает и защищает эта власть в лице ее носителя – правителя государства. Исследователи научного наследия А. Д. Градовского отмечают, что он был сторонником волевой теории государственной власти: государственная власть была наделена правом «повелевать», каждый ее акт – это акт общей воли всего государства, исполняемой «общей, совокупной силой» [2]. И это, в принципе, отчетливо было видно из указанных им признаков государственной власти, которые мы рассмотрели выше. Это вытекает хотя бы из того, что в государственной власти в концентрированном виде содержится национальная воля. Это своего рода абсолютная универсальность, особая исключительность государственной власти, согласная с теми свойствами, которыми Градовский и характеризовал государственную власть: суверенитетом, неделимостью, абсолютностью, повсеместностью, непреодолимостью, неответственностью [2]. Особенно ярко это, конечно же, проявляется в монархиях. Однако непреодолимость, всеобщность и неответственность вовсе не означают какого-то произвола власти. «Ученый разделял идею самоограничения государственной власти правом. Юридическим выражением самоограничения государственной власти являлись основные законы (конституции), содержащие политико-юридические положения, в рамках которых должна действовать государственная власть» [2]. Повторимся, что верховная государственная власть предстает здесь в качестве основы, фундамента, который лежит в основании всей конструкции государства. А потому Градовский и раскрывал сущность государственной власти таким образом, чтобы стала отчетливо видна глубина полноты, пронизывающей весь организм государства, и глубина ответственности, которая лежит на ней, как на первейшей опоре государственного механизма.

Здесь мы переходим собственно к связи верховной государственной власти с государством. Мы уже отмечали выше, как Градовский определял основные направления деятельности государства как юридического установления. По сути, тем самым Градовский дает собственное определение государства, несмотря на то, что сам он, рассматривая элементный состав государства, руководствовался знаменитой дефиницией Канта о том, что государство есть «масса людей, живущих под одними юридическими законами» [4, с. 4], пусть и с некоторыми оговорками. Из этого замечания Градовского о государстве как юридическом установлении органично вытекает вывод о том, что государство как политический союз, образованный народом на определенной территории, основывается на законах (праве), которые издает государственная власть. Это вывод подтверждается собственными строчками Градовского: «…масса людей должна подчиняться общим юридическим законам, но эти законы должны исходить от какой-нибудь власти, ибо без власти нет закона» [4, с. 5]. Следовательно, государственная (верховная) власть выступает организующим началом, действующим в государстве посредством права. Вспомним, что она таким образом определяет правомерность отношений в государстве, устанавливает известные формы деятельности государства и условия такой деятельности своих органов, т.е. механизма государства. Учитывая такую превалирующую и системообразующую роль верховной власти, можно, на наш взгляд, поставить некоторые вопросы. Как соотносится верховная государственная власть с государством? Как она проявляется

в нем? Какое значение имеет исследование и раскрытие признаков государственной власти для уяснения сущности государства?

Касаясь этих вопросов, можно заметить следующее. В теории государства и права существует устойчивое понимание государственной власти как одного из важнейших признаков, или атрибутов, государства. При этом признаки, которыми наделяется государственная власть в разных исследованиях, некоторыми авторами напрямую связываются с отличительными чертами государства [9, с. 128]. Это дает право юристам-теоретикам определять само государство как суверенную политико-территориальную организацию публичной власти определенных социальных сил, обладающую аппаратом управления и принуждения, делающую свои веления общеобязательными и решающую как классовые, так и общесоциальные задачи [10, с. 387], или, выражаясь более обобщенно, государство есть особый способ организации власти, которая раскрывается посредством государственного механизма, или органов. При этом авторы особо подчеркивают суверенность государственной власти [9, с. 128].

Мы знаем, что слово «суверенитет» означает в переводе с французского «верховная власть». «Понятия “верховный” – по отношению к властителю, или “высшая”, когда применяется к власти, включает в себе сравнение и соотношение с другими властями и их носителями» [11, с. 63]. Следовательно, суверенитет есть не что иное, как «феномен верховенства власти, а фактическое и реальное выражение суверенитета государства и есть наличие в государстве верховной власти» [11, с. 63].

Поэтому, когда Градовский говорит о невмешательстве посторонних сил в дела государственной власти и характеризует ее сущность как верховную, это и есть постоянно реализуемая суверенность государственной власти и отсюда самого государства, так как оно основывается на самостоятельной верховной власти. Суверенитет государства и есть высшая форма такого верховенства государственной власти [9, с. 129].

Общенациональность государственной власти тоже связана с суверенитетом. Ведь это есть не что иное, как воплощение полновластия народа, покрывающего всю территорию государства. Такое понимание власти очень актуально сейчас, когда во многих конституциях разных государств и Конституции России народ называется единственным источником власти и носителем суверенитета именно в силу того, что он исторически связан с территорией своего проживания, является хранителем традиций такого общежития. Исключительное право народа учредить основы государственного строя напрямую связано с государственным единством. «Первичность права народа на верховную власть в государстве позволяет ему устанавливать основы конституционного строя, учреждать систему институтов власти, в случае необходимости корректировать или пересматривать ее (в соответствии с правовыми принципами и конституционными нормами), определять общие цели и основные направления деятельности законодательных, исполнительных и судебных органов как составных звеньев, ветвей, вырастающих из мощного ствола верховной, учредительной власти народа и подконтрольных ей» [12, с. 14]. Все это подтверждает полноту народной воли, которая содержится в государственной власти. «Фундаментальный принцип… заключается в признании и конституционном закреплении доминирующего положения в обществе и государстве народа, выступающего в качестве особой юридической

личности, которая стоит над всеми властями и обладает первоначальным и неотчуждаемым верховенством, является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации. В силу этого источником государственного суверенитета является суверенитет многонационального народа… который, принимая Конституцию и сохраняя за собой учредительную власть, определяет пределы полномочий учреждаемой ею государственной власти, возлагаемые на государство обязанности перед народом, различными социальными структурами, личностью и пр.» [13]. Народ, наряду с другими компонентами общегосударственных отношений, выступает, по мнению ученых [14], существенной их константой по отношению к конституции, а значит, и к верховной власти, являясь не просто носителем и источником власти, но ее учредителем.

Полнота государственной власти, как мы видели выше, реализуется и посредством принципа разделения властей, который совсем не означает буквального расщепления свойств власти на законодательную, исполнительную и судебную. Поскольку государственная власть имеет один источник и обладает верховенством и исключительностью на всей территории государства, то разделение властей по существу означает различие в задачах и методах реализации этой власти. Вспомним, ведь Градовский, говоря о разделении властей, писал, что этот принцип не предполагает «образование среди государства трех или двух суверенных органов власти с особыми функциями» [5, с. 144]. Принцип разделения властей находит свое применение, когда речь заходит об осуществлении различных прав государственной власти. Значит, разделение властей является только хорошим способом наиболее оптимального осуществления таких прав. Именно поэтому государственная власть, реализуя различные свои права в разных сферах посредством деятельности органов с различными функциями, основываясь на принципе разделения властей, по существу остается нераздельной. Следовательно, и полнота государственной власти также ничуть не умаляется. «Именно единство и разделение государственной власти выступают в качестве единого системного правового принципа, поскольку только разделение и объединение власти в их неразрывном единстве составляют суть государственного властвования, отражают его сущностные связи и закономерности» [15, с. 157]. Авторы подчеркивают, что принцип разделения властей никак не противоречит принципу единства государственной власти [12, с. 15], так как «речь идет не о делимости государственной власти, которая мыслится как содержание суверенитета. Разграничиваются функции власти, обретающие институциональное выражение» [16, с. 150]. Единство государственной власти всегда рассматривалось как необходимое условие ее существования и функционирования [17, с. 45].

Более того, как отмечают современные исследователи, «государственная власть, организованная с целью исполнения своего функционального назначения, всегда будет иметь единые направления деятельности, задачи и цели, определяемые целями и задачами, стоящими перед государством, страной и населяющим ее народом. Отсюда выводится единство организационно-правовой деятельности и построения государственного аппарата как материального носителя власти в государстве» [11, с. 64]. Государственный аппарат предстает внешним выражением единства и непосредственности государственной власти.

Непосредственность государственной власти проявляется в действии собственно верховной, т.е. вышестоящей, и подчиненной власти, которую Градовский назвал посредствующей. Посредствующая власть, как низший уровень организации государственной власти, также обладает свойством верховности, поскольку сама по себе государственная власть едина и неделима и лишь действует через механизм органов управления. Посредствующая власть доводит действие государственной власти до своего уровня, ничуть не умаляя своей суверенности и единства, а, наоборот, подчеркивая его. Единство государственной власти, таким образом, подчеркивает и единство механизма государства, или системы государственных органов, через которые эта власть действует и проявляет свою полноту, о чем уже мы говорили выше.

Непосредственность государственной власти проявляется и в другом качестве: она подчеркивает организующую функцию государства (точнее, его власти), которое действует через принимаемые законы. И это также имеет отношение к уровням власти: если вышестоящий орган принимает определенный нормативный акт, касающийся всего государства, то, в том числе, для его лучшей и правильной реализации более низшие уровни (органы) власти издадут на основании и во исполнение его другие акты, развивающие и конкретизирующие его положения. Но в целом вертикаль государственной власти действует единообразно, несмотря на то, что уровни ее организации (высший и подчиненный) реализуют ее с некоторыми различиями, – это не говорит о различиях в проявлении власти, а лишь о различиях в способах ее проявления. Такая трактовка имеет большое значение для современных федеративных государств, где существует практика разграничения полномочий между федеральными органами власти и органами государственной власти субъектов этих стран. По сути, эти полномочия и их объем на каждом властном уровне и есть, выражаясь очень обобщенно, различные способы и механизмы реализации единой государственной власти.

Опираясь на все вышеизложенное, можно подтвердить правильность приведенного нами выше определения, согласно которому государство есть особым образом организованная верховная (государственная) власть, которая предстает в нем как комплексное и многомерное явление, пронизывающее своими системными властно-суверенными связями весь государственный организм. Черты государства являются в то же время и чертами государственной власти, которые, проявляясь по-разному в разных качествах, свидетельствуют о важнейших характеристиках сущности государства – единства и верховенства на всей своей территории и во всей полноте своей власти. Кроме этого, исследование способов организации верховной государственной власти окажется полезным и для понимания формы правления того или иного государства, ее взаимосвязи с государственным режимом и государственным устройством, с историческими и культурными традициями правосознания и правового мышления народа [18, с. 14], т.е. каким образом верховная власть выражается в культурно-исторических условиях конкретных государств. Мы увидели, таким образом, что воззрения дореволюционного правоведа, отделенного от нас более чем столетием, оказываются очень современными, и все это лишний раз подтверждает, что в обращении к наследию прошлого кроется один из первейших ключей к пониманию многих процессов и явлений настоящего.

Список литературы

1. **Градовский, А. Д.** История местного управления в России / А. Д. Градовский. – СПб. : Печатня В. Головина, у Владимирской церкви, 15, 1868.
2. **Брояка, Ю. В.** Политико-правовые воззрения А. Д. Градовского : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Брояка Ю. В. – Саратов, 2006.
3. **Плященко, Т. Е.** Политические и исторические взгляды А. Д. Градовского : автореф. дис. … канд. ист. наук / Плященко Т. Е. – Воронеж, 2004.
4. Общее государственное право. Лекции проф. А. Д. Градовского. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 2 лин., 7, 1885.
5. **Градовский, А.** Начала русского государственного права / А. Градовский. – СПб. : Типография М. Стасюлевича, Вас. остр., 2 лин., 7, 1875. – Т. I.
6. **Кроткова, Н. В.** Проблема разделения властей в государственно-правовом учении С. А. Котляревского / Н. В. Кроткова // Право и политика. – 2006. – № 12.
7. Конспект «Начал русского государственного права, состав. профессором А. Градовским». – СПб. : Хромолитография А. Траншеля, Стремянная улица, 12, 1878.
8. **Котляревский, С. А.** Юридические предпосылки русских Основных Законов / С. А. Котляревский. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912.
9. **Любашиц, В. Я.** Государственная власть: понятие, особенности функционирования / В. Я. Любашиц // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1.
10. **Радько, Т. Н.** Теория государства и права: учебник для бакалавров / Т. Н. Радько. – М. : Проспект, 2012.
11. **Волков, А. Д.** Сущность государственного суверенитета / А. Д. Волков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 5–2.
12. **Барнашов, А. М.** Государственная власть как форма организации общества / А. М. Барнашов // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 283.
13. **Эбзеев, Б. С.** Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма / Б. С. Эбзеев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 14–23.
14. **Эбзеев, Б. С.** Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – М., 2005.
15. **Осетров, С. А.** Разделение власти: испытание временем / С. А. Осетров // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11–1 (122).
16. **Дудко, И. Г.** Разделение властей: теоретические воззрения и российская практика / И. Г. Дудко // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 3.
17. **Миронов, А. Л.** Проблемы единства государственной власти в условиях ее разделения / А. Л. Миронов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – Вып. 33. – С. 36–44.
18. **Серегин, А. В.** Форма государственного правления (вопросы теории) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Серегин А. В. – Ростов н/Д, 2014.

References

1. Gradovskiy A. D. *Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii* [The history of local self-government in Russia]. Saint-Petersburg: Pechatnya V. Golovina, u Vladimirskoy tserkvi, 15, 1868.
2. Broyaka Yu. V. *Politiko-pravovye vozzreniya A. D. Gradovskogo: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Political and legal views of A. D. Gradovsky: author's abstract of dissertation to aplly for the degree of the candidate of juridical sciences]. Saratov, 2006.
3. Plyashchenko T. E. *Politicheskie i istoricheskie vzglyady A. D. Gradovskogo: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Political and historical views of A. D. Gradovsky: author's abstract

of dissertation to aplly for the degree of the candidate of juridical sciences]. Voronezh, 2004.
4. *Obshchee gosudarstvennoe pravo. Lektsii prof. A. D. Gradovskogo* [General state law. Lectures of professor A. D. Gradovsky]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, Vas. ostr., 2 lin., 7, 1885.
5. Gradovskiy A. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* [Origins of the Russian state law]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, Vas. ostr., 2 lin., 7, 1875, vol. I.
6. Krotkova N. V. *Pravo i politika* [Law and politics]. 2006, no. 12.
7. *Konspekt «Nachal russkogo gosudarstvennogo prava, sostav. professorom A. Gradovskim»* [Synopsis "Origins of the Russian state law, written by professor A. Gradovsky"]. Saint-Petersburg: Khromolitografiya A. Transhelya, Stremyannaya ulitsa, 12, 1878.
8. Kotlyarevskiy S. A. *Yuridicheskie predposylki russkikh Osnovnykh Zakonov* [Juridical prerequisites of Russian Fundamental Laws]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1912.
9. Lyubashits V. Ya. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic bulletin of Rostov State University]. 2003, vol. 1.
10. Rad'ko T. N. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov* [Theory of state and law: textbook for bachelors]. Moscow: Prospekt, 2012.
11. Volkov A. D. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Topical problems of humanities and natural sciences]. 2014, no. 5–2.
12. Barnashov A. M. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2004, no. 283.
13. Ebzeev B. S. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2013, no. 11, pp. 14–23.
14. Ebzeev B. S. *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii* [The person, the people, the state in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow, 2005.
15. Osetrov S. A. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University]. 2014, no. 11–1 (122).
16. Dudko I. G. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University]. 2009, no. 3.
17. Mironov A. L. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Tver State University. Series: Law]. 2013, iss. 33, pp. 36–44.
18. Seregin A. V. *Forma gosudarstvennogo pravleniya (voprosy teorii): avtoref. dis. d-ra yurid. nauk* [The form of government (theoretical problems)]: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences. Rostov-on-Don, 2014.

Ромайкин Иван Александрович
аспирант, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

Romajkin Ivan Alexandrovich
Postgraduate student, Ogarev Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

E-mail: mord5@mail.ru

УДК 321.01 «18» Градовский

Ромайкин, И. А.

Взгляды А. Д. Градовского на природу верховной государственной власти и их значение для современного понимания государства / И. А. Ромайкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 51–61. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-5

УДК 342
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-6

Н. В. Макеева, Ж. А. Миряева

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблемы российского федерализма многогранны и характерны не только для этапа его становления. Россия пережила и продолжает переживать неоднократные изменения содержания своей федеративной модели, в силу чего российский федерализм представляет собой важный и интересный объект для комплексного сравнительно-правового анализа. Цель работы – проанализировать возможные направления реформирования модели российского федерализма.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе всестороннего анализа законодательных актов, в которых закреплены основы российской модели федерализма. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового и формально-юридического анализа.

Результаты. Исследованы этапы становления модели российского федерализма с определением проблем его построения на каждом из них. Авторы полагают, что процесс дальнейшей федерализации страны находится во взаимосвязи и взаимообусловленности с определением региональной политики и территориальной структуры Российской Федерации.

Выводы. Практическое функционирование российского федерализма немыслимо без установления эффективного взаимодействия центра и регионов, обеспечения целесообразных в данных условиях методов управления. Перспективным направлением реформирования российской государственности на современном этапе является построение модели реального федерализма, отвечающего историческим традициям и современному состоянию страны. Без осуществления указанных мер невозможна реализация идей демократического и правового государства.

Ключевые слова: федерализм, генезис федерализма, модель федерализма, федеративные отношения, региональная политика.

N. V. Makeeva, Zh. A. Miryaeva

RUSSIAN FEDERALISM: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract.

Background. Problems of the Russian federalism are versatile and characteristic not only of the stage of its establishment. Russia has experienced and is still going through repeated changesof the content of its federative model. By virtue thereof the Russian federalism appears to be an important and interesting object for a complex comparative-legal analysis. The aim of the work is to analyze possible paths of reforming the Russian federalism model.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of a comprehensive analysis of legislative acts appointing the foundations of the Russian federalism model. The methodological potential included methods of comparative-legal and forma-juridical analysis.

Results. The authors researched the stages of establishment of the Russian federalism model along with determination of its formation problems at each of those

stages. The authors believe that the process of further federalization of the country correlates and interdepends on the regional policy and territorial structure of the Russian Federation.

Conclusions. Actual functioning of the Russian federalism is impossible without establishing an efficienc interaction between the center and regions, providing management methods reasonable in the given conditions. Formation of a model of Russian federalism that meets historical traditions and the contemporary condition of the country is a promising path of reformation of the Russian statehood at the modern stage. It is impossible to realize the ideas of a democratic and lawful state without implementing the above-mentioned measures.

Key words: federalism, genesis of federalism, federalism model, federative relations, regional policy.

Изначально как геополитические, так и военно-исторические условия возникновения и развития Российского государства вовсе не побуждали к созданию сложносоставного, многоуровневого государства, поэтому весьма справедлив тезис о длительном развитии российской государственности в форме унитарного государства. Однако последовательно Россия пришла к идее федерализации.

Так, по мнению А. Д. Гулякова, «советский федерализм формировался “сверху” в условиях континентальных евроазиатских пространств и пытался применить идеалистическую схему выстраивания отношений центра с субъектами на основе марксистской идеологии» [1, с. 39]. Именно советская модель федерализма может выступать в качестве примера координации полицентрического общества антидемократическими методами путем формирования федеративного государства.

По мнению В. В. Гайдука [2, с. 34–35], советский федерализм в своем развитии прошел ряд этапов:

– «ленинско-сталинский» этап датируется 1917–1953 гг. В нормативно-правовых актах данного периода были закреплены некоторые аспекты автономизации, а именно компетенция органов власти союзных республик (в Конституции СССР 1936 г.) и правовой статус автономных республики и области (в Конституции РСФСР 1937 г.);

– «хрущевский» этап датируется второй половиной 1953 г. – 1964 г. На законодательном уровне произошло расширение прав союзных республик путем определения законодательной компетенции республики;

– «брежневский» этап демонстрирует стремление к унитаризации государства, при этом в Конституции СССР 1977 г. все же прослеживаются некоторые черты автономизации;

– «горбачевский» этап можно считать переходным к формированию истинно федеративного государства.

За советским периодом, по мнению М. В. Гликич-Золотаревой, последовал период новой России, федеративная форма государственного устройства которой последовательно пережила три этапа [3, с. 76]:

– парад суверенитетов (1990–1993 гг.);

– парад заключения договоров (1993–1999 гг.);

– укрепление вертикали власти (1999 г. – настоящее время).

Первый из указанных этапов демонстрирует нестабильность федеративной государственности, которая находит выражение в стремлении целого

ряда субъектов Российской Федерации к автономизации, образованию конфедеративного государства. Принятие субъектами Российского государства деклараций о государственном суверенитете, проведение соответствующих референдумов, противоречие федеральному законодательству законодательства субъектов Российской Федерации – вот основные и далеко не единственные признаки данного исторического периода выстраивания федеративной государственности новой России.

Второй этап, именуемый «парадом заключения договоров», предполагал возможность для субъектов РФ заключения договора о разграничении полномочий и предметов ведения с федеральным центром. Подобный договорный процесс справедливо вызывал неоднозначную оценку и тревогу, так как нормы заключаемых договоров вторгались в сферу федерального регулирования, таким образом, стала фактически утверждаться договорная модель федерализма. Было заключено 42 договора о разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, что, однако, не укрепило российский федерализм.

На смену параду договоров пришел этап укрепления властной вертикали, который продолжается и по сей день. К счастью, для России она нашла в себе силы пресечь центробежные тенденции. Стабилизировать ситуацию помогло создание восьми федеральных округов. Однако децентрализация власти неминуемо сменилась избыточной ее централизацией.

Не следует рассматривать российскую модель федерализма как нечто фундаментальное, не подверженное изменениям. Так, неоднократно видоизменялось содержание стабильной на первый взгляд федеративной формы государственного устройства нашей страны.

Так, по мнению Н. В. Панкевича [4], современный российский федерализм последовательно проходит ряд этапов, в рамках которых существенно меняется его модель. Как справедливо отмечает указанный исследователь содержательных аспектов федерализма, временные рамки (границы) этапов весьма размыты, что обусловлено как многофакторностью самого федерализма, так и непрерывностью его развития.

Первый этап Н. В. Панкевич датирует 1990–1992 гг. и полагает, что Россия в указанный период развивалась, следуя модели конкурентного федерализма.

Распределение ресурсов между центром и субъектами сменилось моделью дуалистического федерализма, которая условно преобладала в территориальных границах России в 1993–1998 гг. Парад договоров существенно реконструировал модель дуалистического федерализма в ее классическом варианте. Асимметричность федеративной модели, отсутствие как экономической, так и политической стабильности – основные характеристики данного этапа в развитии федеративной формы государственного устройства.

Третий этап, по мнению Н. В. Панкевича, характеризуется стремлением к унитаризму и «советской» модели федерализма. Уже с 1999 г. региональные элиты утрачивают возможность некой автономизации, достигнутые (завоеванные ими в предыдущие периоды) элементы суверенитета.

Процесс дальнейшей федерализации нашей страны неразрывно связан с определением не только региональной политики (взаимоотношения между федеральным центром и регионами), но и территориальной структуры (изменение числа субъектов Российской Федерации).

Выстраивание взаимовыгодных отношений между федеральным центром и регионами позволит адаптировать реализуемую региональную политику к экономическим и политическим реалиям каждого субъекта Российской Федерации.

Так, в конце марта 2013 г. Правительство утвердило программу «Региональная политика и федеративные отношения» на срок до 2020 г. с общим объемом расходов в 154 млрд рублей. «Указанная программа предусматривает, в частности, совершенствование разграничения между уровнями публичной власти, в том числе посредством передачи отдельных федеральных полномочий исполнительным органам субъектов РФ». Вторым наиболее существенным предложением программы является «актуализация распределения доходных источников между уровнями бюджетной системы», которая, однако, конкретизируется лишь в части совершенствования системы субвенций, которая «не должна приводить к увеличению разрыва в уровнях бюджетной обеспеченности субъектов РФ» [5, с. 54].

В настоящее время действует государственная программа «Региональная политика и федеративные отношения», которая была утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 307[1]. Как отмечается в документе, основная цель программы состоит в обеспечении сбалансированного развития регионов.

В соответствии с положениями Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, «государственная региональная политика направлена на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни»[2].

Несомненно, значение региональной политики в последние годы существенно возросло, что является следствием не только и не столько предыдущих этапов (парада суверенитета и парада договоров), сколько экономических диспропорций между субъектами Российской Федерации. Достижение целей и задач, заявленных в указанных выше нормативно-правовых актах, позволит достигнуть равновесия в осуществлении региональной политики и сохранить целостность российской государственности.

Современная модель российского федерализма неидеальна, имеющиеся экономические, а нередко и политические диспропорции позволяют целому ряду исследователей теоретических и практических проблем федерализма заявлять о кризисе российской федеративной государственности. Среди последних и Н. М. Добрынин, который указывает следующие недостатки (пороки) российской федеративной государственности:

– стремление к унитаризму, сильному (единому) государству, сложившееся исторически, в сочетании с крахом общественных ценностей в результате распада Советского Союза не могли не сказаться на стабильности российской модели федерализма;

[1] URL: http://base.garant.ru/70644074/#block_3

[2] URL: http://base.garant.ru/194365/

– асимметричность Российской Федерации, отсутствие единых критериев для социально-экономического и политического развития субъектов, наличие существенных диспропорций в указанных сферах;

– формирование Российской Федерации по смешанному (национально-территориальному) принципу также оказывает негативное воздействие на устойчивость федеративной модели, особенно в этом направлении преуспевает национальный принцип построения федерации. Указанную точку зрения о самобытности (уникальности) построения российской федеративной модели поддерживает и М. Х. Фарукшин;

– «учреждение федеральных округов привело к растущему отчуждению регионов от федерального центра, демонтажу существовавших механизмов обратной связи между центром и регионами» [6, с. 22].

Спецификой российского федерализма выступает «“матрешечный” принцип построения федерации, когда один субъект федерации (автономный округ) входит в состав другого, по Конституции РФ равноправного с ним, субъекта федерации (области или края)» [7, с. 7].

Дискуссионной является проблема модели федерализма, которая была бы наиболее востребованной в современных политических реалиях России. В настоящее время конкурентными выступают три модели функционирования федеративной государственности:

– модель кооперативного федерализма;

– модель «параллельного» федерализма;

– модель «унитарного» федерализма.

Выбор первой из предложенных моделей обусловлен целом рядом обстоятельств: политическими, историческими и формально-юридическими. Так, с юридической точки зрения именно данная модель закреплена в действующем Основном законе Российской Федерации. С политической точки зрения данный выбор также более чем очевиден, так как формирование федеративной государственности протекало в контексте весьма сложных и неоднозначных взаимоотношений федерального центра и регионов (выше уже был исследован так называемый этап «парада суверенитетов»). Исторически опыт совместного проживания на единой территории различных национальностей и народов также выступал в качестве основы для формирования и развития модели кооперативного федерализма. Указанная модель предусматривает разграничение компетенции и предметов ведения между федеральным центром и регионами следующим образом:

– исключительная компетенция Федерации (ст. 71 Конституции РФ);

– вопросы совместного ведения Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ);

– исключительная компетенция субъектов РФ (ст. 73 Конституции РФ).

В отличие от данной модели, модель «параллельного» федерализма предусматривает деление компетенции на два типа, каждый из которых обладает принципом исключительности. Указанная модель предполагает наличие исключительной компетенции Федерации и исключительной компетенции субъекта Федерации. Стабильности государства данная модель не гарантирует, так как субъекты Федерации ликвидацию вопросов совместного ведения рассматривают как показатель их автономизации. Модель «параллельного»

федерализма может выступать в качестве переходной модели при построении конфедеративного государства.

Модель «унитарного» федерализма предполагает, что государство выбирает в качестве вектора движения курс на централизацию всех государственных институтов, при этом федеративным оно остается лишь формально. Данная модель – своего рода аналог регионалистского государства. Однако при регионализме формально унитарное государство стремится к федерализации, модель «унитарного» федерализма предполагает обратное движение. Указанная модель в некоторых трудах именуется моделью «императивного» федерализма. Так, по мнению А. К. Родионовой, «в России сформирована и функционирует императивная модель российского федерализма, которая является результатом активизации интеграционных признаков федерализма посредством централизации методов государственного управления» [8].

К сожалению, среди предложенных моделей федерализма отсутствует модель, оптимальная для России в существующих экономических и политических реалиях. Несомненно, что модель кооперативного федерализма обладает рядом преимуществ, особенно с формально-юридической стороны.

Наличие в российской политической действительности элементов «унитарного» («императивного») федерализма вызывает ряд неблагоприятных последствий, а именно:

– политическая изоляция регионов;

– диспропорции региональных экономических запросов;

– существенное снижение законодательной самостоятельности регионов и др.

При этом усиление централизаторских тенденций не способствует стабильности государственного устройства. Дисбаланс власти ведет к ослаблению федеративных отношений. «Об этом свидетельствует вынужденная практика решения Президентом Российской Федерации точечных государственных проблем “в ручном режиме”, растущее недоверие населения большинства регионов органам власти субъектов как к действенному властному институту, в отличие от главы государства» [9, с. 37].

Асимметричность модели федерализма – еще один весьма дискуссионный вопрос. Достаточно часто асимметричность федерации позиционируется как существенная проблема, подлежащая немедленному решению в силу того, что угрожает стабильности государства. Российская Федерация асимметрична, хотя Основной закон закрепляет равенство субъектов Федерации.

Необходимо отметить, что большинство федераций асимметричны и данный факт не влияет на их целостность, однако критика асимметричности затрагивает только российскую модель федерализма. Так, в статье «Конституционные основы российского федерализма: нерешенные проблемы» Ю. Солодухина прямо указывается, что «если разностатусность субъектов РФ закреплена в Конституции (ч. 1, 2 ст. 5), то различна и степень отношения между федеральным центром и регионами» [10].

Наряду с проблемой асимметричности обсуждается проблема экономических, политических и территориальных диспропорций между субъектами, в частности необходимость пересмотра смешанного принципа построения федерации и оптимизации числа ее субъектов.

«Практическое функционирование федеративного государства немыслимо без установления эффективного взаимодействия центра и регионов, обеспечения целесообразных в данных условиях методов управления. Основные принципы образования федеративного государства изначально предполагают его рациональное и эффективное функционирование в интересах федерации и ее субъектов» [11, с. 165].

Формирование новой модели российского федерализма возможно, по мнению Н. М. Добрынина, только в результате модернизации системы имеющихся федеративных отношений с учетом политических и экономических реалий.

Модернизация системы федеративных отношений немыслима без реформирования нормативно-правового регулирования модели российского федерализма путем оптимизации нормативного материала в указанной сфере.

Вторым шагом модернизации, основанном на экономическом критерии, является укрупнение субъектов Российской Федерации (по мнению Н. М. Добрынина, оптимальным будет 40–50 субъектов РФ).

Результатом модернизационных преобразований должно быть создание «региона нового типа, характеризующегося новой системой регионального управления, широким объемом полномочий и развитым экономическим базисом, поддерживающим функционирование субъектного статуса» [12, с. 24–25].

Так, по мнению А. Е. Конькова, «именно на повышение эффективности федерализма за счет сокращения степени его асимметричности направлен один из основных трендов нынешнего политического развития России – укрупнение регионов путем их объединения друг с другом» [13, с. 30].

Однако курс на укрупнение регионов должен быть чрезвычайно продуманным и взвешенным. Здесь не допустим механистический рационализм. «За рубежом к перекраиванию территориально-административных единиц подходят крайне осторожно. Российская история также доказывает, что экспериментирование с территориальным делением страны должного эффекта не приносило» [14, с. 203–204].

«Любая федеративная конструкция несет в себе потенциальные трудности для правотворчества, создавая известные трудности при разграничении полномочий и осуществлении законодательной деятельности» [15, с. 60–61].

Сохранение целостности государства, единства населения, несомненно, основополагающая задача, решение которой возможно только при построении модели федерализма, которая будет не только отвечать современным реалиям, но и иметь прочную историческую основу.

Список литературы

1. **Гуляков, А. Д.** Множественность моделей федерализма и использование компаративистского подхода в их исследовании / А. Д. Гуляков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 1. – С. 37–41.
2. **Гайдук, В. В.** Институт федерализма: политико-правовое исследование : автореф. дис. … д-ра полит. наук / Гайдук В. В. – М., 2008.
3. **Гликич-Золотарева, М. В.** Государственно-территориальное устройство как фактор развития России: прошлое и настоящее / М. В. Гликич-Золотарева // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2009. – № 4. – С. 65–79.
4. **Панкевич, Н. В.** Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации / Н. В. Панкевич. – Екатеринбург, 2008. – 194 с.

5. **Прудентов, Р. В.** Проект рамочной программы реформ в сфере государственного устройства России / Р. В. Прудентов // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 8. – С. 53–58.
6. **Добрынин, Н. М.** От федерализма к корпоративному государству / Н. М. Добрынин // Свободная мысль. – 2005. – № 6. – С. 22–32.
7. **Фарукшин, М. Х.** Современный федерализм: российский и зарубежный опыт / М. Х. Фарукшин. – Казань, 1998. – 336 с.
8. **Родионова, А. К.** Федерализм: политико-институциональная организация и практика функционирования : дис. … д-ра полит. наук / Родионова А. К. – Чита, 2009.
9. **Гуляков, А. Д.** Факторы развития федерализма в контексте российского и германского государственного строительства / А. Д. Гуляков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 3. – С. 29–38.
10. **Солодухин, Ю.** Конституционные основы российского федерализма: нерешенные проблемы / Ю. Солодухин // Федерализм. – 2003. – № 2. – С. 21–36.
11. **Гуляков, А. Д.** Федерализм в прошлом и настоящем (сравнительное политико-правовое исследование) / А. Д. Гуляков // Сравнительно-правовые и политические исследования. – 2014. – Т. 2, № 2. – С. 161–167.
12. **Добрынин, Н. М.** Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства РФ : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Добрынин Н. М. – Тюмень, 2004. – 39 с.
13. **Коньков, А. Е.** Проблемы и тенденции моделирования федерализма в России / А. Е. Коньков // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2009. – № 4. – С. 24–37.
14. **Гуляков, А. Д.** Основные модели федерализма (сравнительный историко-государствоведческий анализ) : моногр. / А. Д. Гуляков. – М., 2016. – 243 с.
15. **Гуляков, А. Д.** Правотворческая политика в условиях федеративного государства (на примере Российской Федерации) / А. Д. Гуляков // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 56–67.

References

1. Gulyakov A. D. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Law policy and law life]. 2016, no. 1, pp. 37–41.
2. Gayduk V. V. *Institut federalizma: politiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. d-ra polit. nauk* [The institution of federalism: a political-legal research: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of political sciences]. Moscow, 2008.
3. Glikich-Zolotareva M. V. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and state-managerial planning]. 2009, no. 4, pp. 65–79.
4. Pankevich N. V. *Modeli federativnogo ustroystva: zakonomernosti politicheskoy transformatsii* [Models of federative systems: regularities of political transformation]. Ekaterinburg, 2008, 194 p.
5. Prudentov R. V. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2013, no. 8, pp. 53–58.
6. Dobrynin N. M. *Svobodnaya mysl'* [The free thought]. 2005, no. 6, pp. 22–32.
7. Farukshin M. Kh. *Sovremennyy federalizm: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt* [Modern federalism: Russian and foreign experience]. Kazan, 1998, 336 p.
8. Rodionova A. K. *Federalizm: politiko-institutsional'naya organizatsiya i praktika funktsionirovaniya: dis. d-ra polit. nauk* [Federalims: political-institutional organization and actual functioning: dissertation to aplly for the degree of the doctor of political sciences]. Chita, 2009.
9. Gulyakov A. D. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law]. 2015, no. 3, pp. 29–38.
10. Solodukhin Yu. *Federalizm* [Federalism]. 2003, no. 2, pp. 21–36.

11. Gulyakov A. D. *Sravnitel'no-pravovye i politicheskie issledovaniya* [Comparative-legal and political research]. 2014, vol. 2, no. 2, pp. 161–167.
12. Dobrynin N. M. *Novyy federalizm: kontseptual'naya model' gosudarstvennogo ustroystva RF: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk* [New federalism: a conceptual model of the Russian state system: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Tyumen, 2004, 39 p.
13. Kon'kov A. E. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and state-managerial planning]. 2009, no. 4, pp. 24–37.
14. Gulyakov A. D. *Osnovnye modeli federalizma (sravnitel'nyy istoriko-gosudarstvovedcheskiy analiz): monogr.* [Proncipal models of federalism (a comparative historical and state studying analysis): monograph]. Moscow, 2016, 243 p.
15. Gulyakov A. D. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad juridical journal]. 2014, no. 4, pp. 56–67.

Макеева Наталья Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Makeeva Natal'ya Vladimirovna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of state and law theory and political science, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: makeeva-nv@yandex.ru

Миряева Жанна Александровна
научный сотрудник, НИЦ по проблемам современного федерализма, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Miryaeva Zhanna Aleksandrovna
Researcher, the Research Center of problems of modern federalism, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: zhanna198888@mail.ru

УДК 342
Макеева, Н. В.
Российский федерализм: проблемы и перспективы / Н. В. Макеева, Ж. А. Миряева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 62–70. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-6

УДК 343.3/.7
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-7

О. В. Безрукова, Н. А. Живодрова

НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Цель работы – на основе анализа материалов судебной практики рассмотреть проблемы, связанные с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Материалы и методы. Статья подготовлена на основе анализа норм Уголовного кодекса Российской Федерации, приговоров судов г. Пензы, г. Волгодонска, г. Белгорода и др. в целях рассмотрения вопросов, связанных с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Основные методы, использованные при написании статьи, – логический, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты. Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Проанализированы виды ответственности за такой вид неисполнения. Рассмотрены особенности и проблемы квалификации ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». Исследованы приговоры судов, сделаны выводы и предложения по совершенствованию нормы ст. 156 УК РФ.

Выводы. Авторы резюмировали следующее: в настоящее время довольно актуальной остается проблема законодательного урегулирования деятельности по профилактике домашнего насилия и жестокого обращения с ребенком не только лишь уголовно-правовыми средствами, но и мерами других отраслевых законодательств.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовно-правовая охрана, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, жестокое обращение, формы физического и психического насилия, иные недопустимые способы воспитания, материалы судебной практики.

O. V. Bezrukova, N. A. Zhivodrova

FAILURE OF MINORS EDUCATION DUTIES: AN ANALYSIS OF COURT PRACTICE MATERIALS

Abstract.

Background. The purpose of the work is to consider the problems related to failure of duties on education of minors on the basis of the analysis of court practice.

Materials and methods. This article was prepared on the basis of the analysis of norms of the Criminal code of the Russian Federation, decisions of courts of Penza, Volgodonsk, Kursk, etc. in order to address issues related to failure of duties on education of minors. When writing the article the follwoing methods were used – logical, comparative-legal, formal-legal.

Results. The article is devoted to the study of issues related to failure of duties on education of minors. The authors analyzed the types of liability for this kind of failure, describes the characteristics and problems of qualification of article 156 of the Criminal code of the Russian Federation “Failure of duties on education of minors”

and researched court rulings, conclusions and proposals on improvement of the norms of article 156 of the Criminal code.

Conclusions. The authors concluded the following: at the present time the necessity of legislative regulation of activities on prevention of domestic violence and child abuse not only by criminal-legal means, but also by actions of other sectoral legislations is quite an important issue.

Key words: juvenile, criminal legal protection, failure of duties on education of minors, child abuse, physical and mental violence, other unacceptable methods of education, court practice materials.

Вопрос о взаимоотношениях в семье в настоящее время приобрел государственный характер, обращая на себя внимание как со стороны граждан и общественности, так государственных структур различных уровней.

Если обратиться к судебной статистике, можно увидеть, что количество осужденных по ст. 156 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту – УК РФ) [1] в 2013 г. составляет 1732 человека, в 2014 г. – 1211, что свидетельствует о снижении количества осужденных. Но указывает ли это на положительную тенденцию снижения преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ?

Достаточно наглядно привести показатели только лишь за первое полугодие 2015 г., где число осужденных за преступление по ст. 156 УК РФ составляет 655 человек, а это уже половина количества осужденных за 2014 г., и, к сожалению, данный процесс идет по негативному сценарию.

Вопросы уголовно-правовой охраны несовершеннолетних, общественных отношений, которые обеспечивают их нормальное развитие и воспитание, исключающих жестокое обращение с ними, приобрели особую актуальность. Анализируя деятельность компетентных органов государственной власти в данной сфере, можно сделать вывод о том, что существующие в настоящее время нормы Уголовного кодекса РФ не достигают целей охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, а также не обеспечивают превенции жестокого отношения с ними, в том числе и со стороны родителей.

Установив уголовную ответственность в ст. 156 УК РФ, законодатель пытался обеспечить выполнение родителями конституционной обязанности воспитывать своих детей и заботиться о них (ст. 38 Конституции РФ).

Статья 63 Семейного кодекса РФ (далее по тексту – СК РФ) [2] детализирует вышеуказанное конституционное положение. Так, согласно данной нормы родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей, а также обеспечить получение детьми основного общего образования. Обязанности родителей симметричны правам ребенка (ч. 2 ст. 54 СК РФ). Так, ребенок имеет право на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства. Надлежащее исполнение воспитательных функций в отношении несовершеннолетних является одной из приоритетных задач нашего государства, так как результаты воспитания отражаются на процветании общества в целом. Поэтому, наряду с уголовным законодательством, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей предусмотрена как административная (ст. 5.35 КоАП РФ), так гражданско-правовая (ст. 1073–1075 ГК РФ), а также и семейно-правовая (ст. 69, 73 СК РФ) ответственность [3, с. 131].

Основным объектом рассматриваемого состава преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие право каждого ребенка на воспитание и заботу. В качестве факультативного объекта выступают жизнь, здоровье, свобода, достоинство несовершеннолетнего, который подвергся жестокому обращению с ним.

Норма, содержащаяся в ст. 156 УК РФ, толкуется неоднозначно, так как она содержит два оценочных понятия: «неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» и «жестокое обращение». Уточнение содержания приведенных оценочных понятий требует однозначного определения в целях недопущения вынесения необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовных дел, а также для полной и правильной квалификации совершенных деяний. Так, содержание первого понятия в настоящее время можно считать определенным правоприменителем. Анализируя судебно-следственную практику применения ст. 156 УК РФ, можно сделать вывод, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего включает в себя совершение следующих действий (бездействия):

– нарушение нормального психического развития и формирования личности;

– отсутствие соответствующих нормам санитарии и гигиены условий для проживания, а также возможности социальной адаптации (посещение дошкольных и общеобразовательных учреждений);

– частичное обеспечение питанием, одеждой, медицинским обслуживанием.

Исходя из изложенного, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних представляет собой отсутствие необходимой заботы о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии несовершеннолетнего. Второе оценочное понятие является дискуссионным [4, с. 27].

Представители правоохранительных структур под жестоким обращением понимают оставление без пищи, теплой одежды, систематическое унижение, оскорбление, истязание несовершеннолетних, нанесение им побоев и т.д.

Так, следует отметить и позицию ряда представителей подразделений по делам несовершеннолетних, согласно которой вопрос о возбуждении уголовных дел по ст. 156 УК РФ должен разрешаться тогда, когда имеются неоспоримые доказательства содеянного. Существующее состояние продиктовано несовершенством действующей уголовно-правовой нормы. При этом в случаях квалификации уголовно-правовых деяний нередко понимание жестокого обращения сводится только к оценке физического воздействия на ребенка, выявление применения сексуального насилия требуют самостоятельной квалификации. Так, под жестоким физическим обращением, по мнению Т. В. Шипуновой, следует понимать «насильственное воздействие на ребенка, которое ведет или может привести к причинению физического вреда». Данная точка зрения оспаривается Н. Н. Кадыровой, ввиду того что жестокость по отношению к несовершеннолетнему может выражаться как в причинении ему физических страданий, так и в нанесении психологической травмы.

Приведем пример из судебной практики. Мировым судом г. Каменки Пензенской области 10 декабря 2010 г. был осужден Черный С. В. по ст. 156

УК РФ. Так, его действия выражались в систематическом неисполнении обязанностей по воспитанию своего несовершеннолетнего сына, к тому же его действия были связаны с жестоким обращением. Это выражалось в ведении им аморального образа жизни, в систематическом злоупотреблении спиртными напитками, он причинял побои жене, унижал ее достоинство как публично, так и наедине, оскорблял супругу нецензурной бранью, все эти действия происходили в присутствии сына, что выразилось у последнего в развитии нервных заболеваний. Также Черный С. В. причинял физическую боль своему сыну[1].

Семейное законодательство, характеризуя содержание понятия «жестокое обращение», определяет только его отличительные признаки, такие как физическое или психическое насилие, а также покушение на половую неприкосновенность несовершеннолетних (ст. 69 СК РФ).

Физическое насилие над ребенком может быть самым разнообразным и включать в себя, например, побои, избиение несовершеннолетнего, нанесение телесных повреждений, которые причиняют вред здоровью, нарушают его развитие или лишают жизни, введение ему отравляющих веществ или медицинских препаратов, вызывающих одурманивание (например, снотворных, не назначенных врачом), а также попытки удушения или утопления ребенка.

И. Н. Туктарова в своем исследовании дополнила перечень форм физического насилия, добавив такими разновидностями жестокого обращения, как лишение одежды и крова в холодное время года, медицинской помощи, закрытие в помещении на долгое время, унижение достоинства, принуждение к выполнению бессмысленной и утомительной работы.

Например, приговором мирового суда Ленинского района г. Пензы С. была осуждена по ст. 156 УК РФ. Ее действия были связаны с жестоким обращением, которое выражалось в том, что С. в отсутствии повода и виновных действий, неправильно понимая процесс, способы и методы воспитания ребенка, неоднократно применяла в отношении малолетней дочери физическое насилие, причиняя своими действиями малолетней физическую боль и телесные повреждения. Физическое насилие было выражено нанесении 5–6 ударов ладонью руки в область лица, также в нанесении не менее трех ударов ремнем в область спины и лица. Тем самым были причинены телесные повреждения в виде ссадины правой околоушной области, кровоподтек в области глаз и щечных областей, что согласно п. 9 «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» расценивается как вред, не причинивший вреда здоровью. Допрошенная в ходе судебного заседания дочь С. подтвердила факты причинения физической боли и телесных повреждений[2].

В научной литературе высказана точка зрения, согласно которой к формам психического насилия можно относить пренебрежение, отверже-

[1] Приговор мирового суда г. Каменка Пензенской области. – URL: http://kamensky1.pnz.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=3417901&delo_id=1540006

[2] Приговор мирового суда Ленинского района г. Пензы. – URL: http://leninsky1.pnz.msudrf.ru/modules.php name=sud_delo&op=sd&number=1611931&delo_id=1540006

ние, терроризирование, изоляцию, растление, издевки за проявление естественных эмоций (радости, горя и т.п.), периодическая критика в адрес несовершеннолетнего, угрозы причинения физического вреда, лишение общения с друзьями и другими людьми, склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ и т.п. *Например, приговором мирового суда г. Томари гр. К. осуждена по ст. 156 УК РФ. К., являясь матерью несовершеннолетнего ребенка, не исполняла родительские обязанности по воспитанию своих детей, в том числе умышленно, неоднократно допустила жестокое обращение по отношению к своей дочери. К. систематически злоупотребляла спиртными напитками, содержала дочь в антисанитарных условиях в квартире, в результате чего она длительное время находилась дома с заболеванием, не имела возможности посещать МБОУ СОШ и общаться со сверстниками, никаких мер к изменению ситуации не предпринимала, что мешало нормальному психическому и физическому развитию личности ребенка и что может в дальнейшем негативно сказаться на общем эмоциональном развитии ребенка. К. 5 мая 2013 г., примерно в 7 часов 55 минут, умышленно отправила несовершеннолетнего сына одного в дошкольное учреждение без сопровождения взрослого, вследствие чего подвергла жизнь и здоровье несовершеннолетнего опасности, поскольку последний мог оказаться жертвой стаи бездомных собак, которых впоследствии педагог отогнала от испуганного и плачущего сына К., тем самым причинила ребенку психические и нравственные страдания*[1].

К сексуальному насилию по отношению к детям относят большое число сопровождающих его действий: демонстрацию порнографического содержания видеофильмов, половых органов; принуждение детей к обнажению; прикасание к раздетому ребенку; склонение совершать сексуально окрашенные телодвижения, а также занимать соответствующие позы, вовлечение в оргии и ритуалы, половые акты в естественных и извращенных формах. Однако следует иметь в виду, что вышеперечисленные действия над ребенком могут выступать основанием для привлечения к уголовной ответственности по ряду самостоятельных составов преступлений [5, с. 15].

Приведем пример. Приговором мирового суда г. Волгодонска Овчинникова Н. В. была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 116, ст. 156 УК РФ. Овчинникова Н. В., являясь на основании постановления Администрации г. Волгодонска опекуном малолетней П. и лицом, на которое возложены обязанности воспитывать малолетнюю П., действуя умышлено в период с 10.05.2015 по 20.07.2015, т.е. в течение длительного времени, проживая вместе с малолетней П., ненадлежащим образом исполняла свои обязанности по воспитанию малолетней П., при этом жестоко с ней обращалась. Овчинникова систематически в период времени с 10.05.2015 по 20.07.2015, будучи в состоянии алкогольного опьянения, выражалась в адрес малолетней П. грубой нецензурной бранью, оскорбляла ее, говорила, что продаст ее, что она будет работать проституткой, тем самым Овчинникова Н. В. унижала человеческое достоинство малолетней П. Кроме того, Овчинникова Н. В., используя запрещенные законом способы и

[1] Приговор мирового суда г. Томари. – URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-16-gorodskogo-okruga-tomarinskij-s/act-216904179/

методы воспитания, систематически избивала малолетнюю П., игнорируя обязанности по воспитанию малолетней, своими действиями и поведением отрицательно воздействовала на ее нравственное и духовное развитие, что нарушало нормальное физическое, нравственное и духовное развитие, формирование личности малолетней П., при этом Овчинникова Н. В. не кормила малолетнюю П., заставляла ее собирать на улице бутылки, в связи с чем малолетней П. приходилось в мусорных баках искать продукты питания и употреблять их в пищу. Она же 05.07.2015 беспричинно, умышленно, на почве личных неприязненных отношений, имея умысел, направленный на причинение физической боли малолетнему внуку А., реализуя который нанесла ему не менее пяти ударов рукой в область головы и тела, после чего продолжая реализацию свого преступного умысла, направленного на причинение физической боли малолетнему А., один раз ударила его головой об стенку комнаты, тем самым причинив малолетнему А. физическую боль[1].

Изучение судебной практики показывает, что существуют такие формы антиобщественного поведения специальных субъектов, которые правоприменителем всегда оцениваются как жестокое обращение с несовершеннолетними, не создавая сложностей с квалификацией содеянного. К ним относится, в частности, систематическое применение к потерпевшему физического насилия в его классических вариантах – в виде нанесения побоев или причинения вреда здоровью путем совершения действий. Другие же ситуации получают в правоприменительной практике неоднозначную оценку. К их числу принадлежит бездействие обязанных лиц. На то, что жестокое обращение возможно в форме бездействия, указывают многие специалисты. Так, О. В. Пристанская среди разновидностей жестокого обращения с несовершеннолетними, характерных для преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, называет и несколько таких, которые совершаются путем бездействия: 1) оставление в опасности и без помощи малолетнего; 2) попустительство насилию над детьми со стороны третьих лиц или домашних животных; 3) попустительство матерью по отношению к совершению сожителем или супругом преступлений против половой неприкосновенности своих детей. Ю. Е. Пудовочкин, в свою очередь, считает, что жестокое обращение включает ряд поступков, которые могут совершаться как путем действий, так и бездействия, например лишение еды и одежды, а также возможности посещать школу. И. Г. Гутиева обращает внимание на то, что наряду с физическим и сексуальным насилием к жестокому обращению относится отсутствие заботы о несовершеннолетнем. По ее мнению, жестокое обращение в форме бездействия имеет место, в частности, в случаях оставления без ухода новорожденных детей. Н. В. Коваль предлагает закрепить понятие жестокого обращения с несовершеннолетним в примечании к ст. 156 УК РФ: физическое (психическое) насилие, оставление в опасности, посягательство на половую неприкосновенность, вовлечение в совершение преступлений или антиобщественных деяний, сексуальная или экономическая эксплуатация, а равно создание опасности для его жизни и здоровья, физического, психического или нравственного развития [6, с. 10].

[1] Приговор мирового суда г. Волгодонск Ростовской области. – URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-g-volgodonska-rostovskoj-oblasti-s/act-224593296/

В судебно-следственной практике встречаются многочисленные примеры осуждения по ст. 156 УК РФ лиц, которые не проявляют должной заботы о малолетнем, когда именно это обстоятельство рассматривается судами как жестокое обращение. *Так, приговором мирового суда г. Кузнецка Пензенской области от 2 июня 2015 г. Чумакова С. Ю. была привлечена к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию двоих несовершеннолетних детей. Суд признал, что Чумакова С. Ю. жестоко обращалась с детьми, в частности, оставляла их в холодное время в неотапливаемом помещении, в антисанитарных условиях, без питания и воды, в результате чего создавалась опасность для их жизни и здоровья; отсутствие заботы о личной гигиене детей, непредоставление им медицинской помощи, что выразилось в ухудшении здоровья детей*[1].

Очевидно, однако, что при таком подходе стирается грань между бездействием как неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и бездействием как жестоким обращением с ребенком, хотя в соответствии с законом должны быть установлены оба этих обязательных признака состава преступления. Не случайно в приговорах судов в подобных случаях, как правило, не дифференцируется, в чем выражается неисполнение обязанностей по воспитанию, а в чем – жестокое обращение с несовершеннолетним. *Например, приговором мирового судьи судебного участка № 77 Свердловского района г. Красноярска Л. была признана виновной в совершении преступления по ст. 156 УК РФ за ненадлежащее исполнение в отношении малолетней дочери родительских обязанностей, соединенное с жестоким обращением*[2]. *При этом в качестве обоснования квалификации суд указал в приговоре то, что виновная не заботилась о полноценном питании ребенка, имеющего врожденные патологии и нуждающегося в особом уходе, не приобретала игрушки, не обеспечивала одеждой, не водила на прогулки, не предоставляла квалифицированную медицинскую помощь, не предприняла мер к оформлению инвалидности и пенсии по инвалидности ребенку, не собирала документы на пособие по уходу за ребенком, отказалась поместить ребенка в специальное детское учреждение ввиду трудной жизненной ситуации, систематически в присутствии ребенка употребляла наркотические средства, что в совокупности причиняло вред физическому и психическому развитию дочери. Апелляционным приговором Свердловского районного суда г. Красноярска квалификация содеянного оставлена без изменения.* Между тем из указанных судебных актов не ясно, в чем именно выразилось бездействие со стороны виновной по неисполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и действие в виде жестокого обращения. Подобное отсутствие четкости в понимании содержания приведенных оценочных признаков состава ст. 156 УК РФ приводит к расширительному толкованию понятия «жестокое обращение с малолетним» и отождествлению его с понятием «неисполнение обязанностей по его воспитанию» [7, с. 112, 113].

[1] Приговор мирового суда г. Кузнецка Пензенской области. – URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-1-kuzneckogo-rajona-penzenskoj-oblasti-s/act-223433147/

[2] Приговор Свердловского районного суда г. Красноярска. – URL: http://rospravosudie.com/court-sverdlovskij-rajonnyj-sud-g-krasnoyarska-krasnoyarskij-kraj-s/act-100367395/

Согласно утратившему силу Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [8], «…жестокое обращение с детьми может проявляться не только в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними либо в покушении на их половую неприкосновенность, но и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей). Применение иных недопустимых способов воспитания может проявляться в лишении питания, одежды, сна и отдыха, неоказании медицинской и иной помощи и т.п.» (п. 11).

В диспозиции ч. 2 ст. 150–151 УК РФ содержится такое понятие, как «обязанность по воспитанию несовершеннолетнего», что не соотносится с понятием, содержащимся в ст. 156 УК РФ, которое дополнено оценочной категорией «неисполнение и ненадлежащее исполнение». Такое несоответствие норм можно объяснить тем, что законодатель хотел выделить обособленные составы преступления, которые разграничили бы нарушения в исполнении обязанностей в воспитании несовершеннолетнего. Таким образом, законодатель связал неисполнение и ненадлежащее исполнении с жестоким обращением.

Подтверждением является приговор Лунинского районного суда Пензенской области, по которому Кириченко А. П. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 151 УК РФ, ее деяние было выражено в демонстрации своим несовершеннолетним детям примера выправшивания денег или иных материальных ценностей у посторонних и использовании при этом своих несовершеннолетних детей, чтобы разжалобить лиц, к которым обращаются с выпрашиванием, тем самым вовлекала детей в занятие попрошайничеством. Дети были задержаны сотрудниками полиции. Своими действиями К. приобщила малолетних детей к систематическому выпрашиванию денег или иных материальных ценностей, т.е. вовлекла последних в систематическое занятие попрошайничеством. Вырученные от систематического занятия попрошайничеством деньги и материальные ценности малолетние по указанию К. отдавали последней, которая расходовала их по собственному усмотрению для проживания наряду с получаемыми ею ежемесячными детскими пособиями на несовершеннолетних детей, нарушая права и законные интересы детей[1]. На этом примере можно проследить, что мать занимается воспитанием детей, прививая им асоциальный образ жизни, что не соответствует целям государства в области воспитании достойного члена общества.

В 2013 г. в диспозиции ст. 156 УК РФ произошли изменения, а именно слова «педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения» были заменены словами «педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, ли-

[1] Приговор Лунинского районного суда. – URL: https://rospravosudie.com/court-luninskij-rajonnyj-sud-penzenskaya-oblast-s/act-422226562/

бо иной организации». Таким образом, в данной статье был расширен круг субъектов преступления.

Субъект в анализируемом преступлении всегда специальный. Это лица, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего в силу закона либо семейно-брачных отношений (родители, усыновители, опекуны, попечители) либо выполняющие свои должностные (служебные) обязанности (педагоги, работники культуры, сотрудники комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, сотрудники уголовно-исполнительной системы и другие работники образовательных, воспитательных, лечебных и иных учреждений).

Для квалификации деяния по ст. 156 УК РФ в каждом случае необходимо доказывать, что обязанности виновного по воспитанию несовершеннолетнего закреплены в нормах действующего законодательства, в противном случае будет отсутствовать состав преступления. Так, например, *приговором мирового суда Белгородского района г. Белгорода Простит Т. О. была признана виновной в совершении преступления по ст. 156 УК РФ. Суд установил, что Простит Т. О. ненадлежащим образом исполняла обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, являясь педагогическим работником, на которого возложены обязанности осуществлять надзор за несовершеннолетним, соединенное с жестоким обращением с несовершеннолетним. Простит Т. О., являясь учителем физической культуры, находилась на рабочем месте с целью подготовки учеников шестого класса к проведению районных соревнований «Зарница», в нарушение п. 2.17 должностной инструкции «Учитель физической культуры», с согласия своего мужа В., являющегося учителем ОБЖ, приняла решение о замене в этот день урока в 6 классе урока ОБЖ на урок физической культуры. После этого в течение перемены Простит Т. О. сказала ученикам 6 класса идти в спортивный зал и готовиться к уроку физической культуры. Несовершеннолетний Ф.И.О., являясь учеником 6 класса, находя в спортивном зале, самовольно открыл запасную дверь и вместе с одноклассниками вышел на улицу, где начал заниматься на спортивной площадке. Таким образом, Простит Т. О. не обеспечила во время образовательного процесса надлежащего порядка и дисциплины среди учеников шестого класса. После начала урока Простит Т. О., намереваясь выяснить, по какой причине дети нарушили дисциплину и без разрешения вышли на улицу, построила учеников шестого класса в шеренгу и потребовала выйти тому, кто открыл дверь. Ф.И.О. вышел из шеренги, сказав, что это он. Простит Т. О., считая, что Ф.И.О. ведет себя нагло, на почве внезапно возникших неприязненных отношений, умышленно нанесла Ф.И.О. один удар левой рукой по щеке. После этого Простит Т. О., действуя умышленно, с целью причинения физической боли с силой схватила Ф.И.О. за правое ухо. При этом Простит Т. О., желая унизить достоинство Ф.И.О., умышленно высказала в его адрес оскорбления. Когда Ф.И.О. хотел уйти, Простит Т. О. схватила его руками за рубашку и умышленно, с силой дернув его, поставила в строй учеников. Действиями учителя Ф.И.О. были причинены физическая боль и нравственные страдания. Несовершеннолетний Ф.И.О. испытал чувство стыда и унижения перед другими учениками. Простит Т. О. несет ответственность за жизнь и здоровье учащихся во время образовательного процесса и за нарушение прав и свобод учащегося. Таким образом, Про-*

стит Т. О., действуя умышленно, совершила ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию ученика 6 класса Ф.И.О. При этом Простит Т. О. имела возможность применить в отношении несовершеннолетнего Ф.И.О. иные средства воспитательного воздействия, не связанное с насилием. Простит Т. О. совершила в отношении несовершеннолетнего Ф.И.О. насильственные действия, причинившие физическую боль, не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ[1]. На основании вышеизложенного полагаем, что в настоящее время назрела необходимость дополнить ст. 156 УК РФ словами: «фактическим воспитателем».

В практике имеются случаи совершения преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ в отношении двух и более несовершеннолетних, что повышает общественную опасность данного деяния. Исходя из диспозиции анализируемой нормы, законодатель, по сути, поставил знак равенства между преступлениями, совершенными в отношении одного несовершеннолетнего и в отношении двух и более. Данный количественный признак следовало бы ввести в виде квалифицированного состава преступления. *Например, приговором мирового судьи судебного участка № 3 Шевченко Г. А. признана виновной в совершении преступления по ст. 156 УК РФ. Являясь родителем троих несовершеннолетних детей, умышленно ненадлежащим образом исполняла обязанности по воспитанию детей и жестоко обращалась с ними. Жестокое обращение было выражено в лишении их пищи, одежды, в неудовлетворении иных жизненно важных потребностей, а также не осуществляла уход за детьми, содержала их в антисанитарных условиях, не занималась их воспитанием. Данные действия причинили детям физические и психические страдания*[2].

Можно констатировать, что в настоящее время диспозиция ст. 156 УК РФ не учитывает более опасных видов посягательств. Довольно распространенными являются случаи рецидива совершенного преступления, квалифицирующиеся по ст. 156 УК РФ.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что действующее уголовное законодательство не раскрывает, что же понимается под «жестоким обращением». Исходя из диспозиции ст. 156 УК РФ, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего должно сочетаться с жестоким обращением, которое должно носить систематический характер действий (бездействия). Судебно-следственная практика изобилует примерами сурового физического воздействия на детей. К сожалению, домашнему насилию и жестокому обращению с ребенком на сегодняшний день противодействуют только лишь репрессивные методы, т.е. меры юридической ответственности. Реагирование на прецеденты насилия случается только после того, как оно свершилось. В Российской Федерации не существует правовой преемственности по проблемам домаш-

[1] Приговор мирового суда Белгородского района г. Белгорода. – URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-4-mirovogo-sudi-belgorodskogo-rajona-belgorodskoj-oblasti-s/act-215498049/

[2] Приговор мирового суда г. Сердобска Пензенской области. – URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-1-serdobskogo-rajona-penzenskoj-oblasti-s/act-220710570/

него насилия вследствие недостаточной предупредительной деятельности с неблагополучными семьями. Эта халатность в деятельности органов государственной власти зачастую приводит к трагическим результатам.

Таким образом, в настоящее время довольно актуальным остается вопрос о необходимости урегулирования на законодательном уровне деятельности, связанной с профилактикой насилия в семье и жестокого обращения с ребенком не только лишь уголовно-правовыми мерами, но и средствами других отраслевых законодательств.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. **Плаксина, Т. А.** Бездействие как форма жестокого обращения с несовершеннолетним в составе преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ / Т. А. Плаксина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 131.
4. **Холопова, Е. Н.** Актуальные проблемы ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего / Е. Н. Холопова, Е. Л. Козлова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2011. – № 2. – С. 27.
5. **Гармаш, А.** Защита детей от жестокого обращения и насилия / А. Гармаш, И. Суслова // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 29. – С. 15.
6. **Коваль, Н. В.** Жестокое обращение с детьми (криминологические и уголовно-правовые проблемы) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Коваль Н. В. – М., 2013. – 20 с.
7. **Помогалова, Ю. В.** Актуальные вопросы применения уголовной ответственности за жестокое обращение с детьми / Ю. В. Помогалова // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 3. – С. 112–113.
8. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 7. Утратило силу.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1996, no. 25, art. 2954.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1996, no. 1, art. 16.
3. Plaksina T. A. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of Altay Academy of Economics and Law]. 2014, no. 3, p. 131.
4. Kholopova E. N., Kozlova E. L. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii* [Problems of juvenile justice]. 2011, no. 2, p. 27.
5. Garmash A., Suslova I. *EZh-Yurist.* [The Lawer journal]. 2012, no. 29, p. 15.
6. Koval' N. V. *Zhestokoe obrashchenie s det'mi (kriminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy): avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Child abuse (criminological and criminal-legal problems): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2013, 20 p.
7. Pomogalova Yu. V. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [The human: crime and punishment]. 2014, no. 3, pp. 112–113.
8. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 1998, no. 7. Void.

Безрукова Олеся Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

Bezrukova Olesya Vladimirovna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of criminal law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Живодрова Надежда Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: jivodrova@mail.ru

Zhivodrova Nadezhda Anatolievna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of criminal law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 343.3/.7

Безрукова, О. В.

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: анализ материалов судебной практики / О. В. Безрукова, Н. А. Живодрова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 71–82. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-7

УДК 340.12
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-8

П. А. Гук, Е. П. Гук

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. Принципы права всегда вызывали интерес как у теоретиков, так и практиков в разные периоды развития российского государства. Принцип единства судебной практики впервые был закреплен в ходе Судебной реформы 1864 г. и обеспечивал в применении нижестоящими судебными инстанциями судебных решений Сената по аналогичным делам. В современный период принцип единства судебной практики поддерживается Верховным Судом РФ. В целях единообразного понимания и применения нормативных правовых актов при разрешении правовых споров судебным органам необходимую помощь оказывает судебная практика высшего судебного органа в форме постановлений Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, что способствует определенности и единообразию применения норм права в конкретных спорах. Постановления Конституционного Суда РФ, содержащие правовые позиции правил и толкования норм права, формируют единообразный подход к разрешению юридических дел. Принцип единства судебной практики в процессе правоприменения сохраняет свою актуальность в настоящее время и требует последовательной теоретической проработки. Цель работы – раскрыть закономерность возникновения принципа единства судебной практики, его понимание и применение в разные периоды российской государственности, показать важность высших судебных инстанций в поддержании данного принципа в судопроизводстве.

Материалы и методы. Реализация поставленных задач была достигнута на основе анализа действующего федерального законодательства, судебной практики высших судебных инстанций, законодательства Российской империи, судебной практики Сената. Методологическую основу исследования составили методы сравнительно-правового и системного анализа, формально-юридический и исторический подход к пониманию данного правового явления.

Результаты. Исследование принципа единства судебной практики позволят правоприменителю при рассмотрении дел придерживаться единообразного понимания нормативных правовых актов, содержащихся в судебных актах высших судебных органов, понять необходимость их наиболее точного применения.

Выводы. Принцип единства судебной практики и применение норм законодательства позволит поддерживать их единообразие на всех уровнях рассмотрения дел судебными органами.

Ключевые слова: принцип права, принцип единства судебной практики, судебная реформа, высший судебный орган, применение норм законодательства, единство судебной практики, судопроизводство.

P. A. Guk, E. P. Guk

THE PRINCIPLE OF COURT PRACTICE UNITY IN THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM

Abstract.

Background. The principles of law have always aroused interest both among theoreticians and practitioners in various periods of development of the Russian

state. The principle of unity of court practice was consolidated during the Judicial reform of 1864 and ensured implementation of court decisions of the Senate by subordinate juridical instances on similar cases. At the present time the principle of court practice unity is maintained by the Supreme Court of Russia. With the purpose of uniform understanding and application of normative legal acts when settling legal arguments by judicial bodies the necessary assistance is offered by the court practice of the Plenum and the Presidium of the Supreme Court of Russia promoting definitness and uniformity of application of rules of law in certain disputes. Containing legal positions of rules and interpretations of rules of law, decrees of the Constituional Court of Russia shape a uniform approach to settling juridical cases. The principles of court practice unity remain topical at the present times and require consecutive theoretical examination. The aim of the work is to reveal regularities of occurrence of the principle of court practice unity, its understanding and application in various periods of the Russian statehood, to display the importance of supreme juridical instances in maintaining the given principle in the judicial system.

Materials and methods. The research goals were achieved through analyzing the active legislation, court practice of higher judicial instances, legislation of the Russian empiry, court practice of the Senate. The methodology included the methods of comparative-legal and system analysis, formal juridical and historical approaches to understanding the given legal phenomenon.

Results. The research of the court practice unity enables a law-enforcer to adhere to a uniform understanding of normative legal acts contained in judicial acts of higher judicial instances when considering cases, to understand a necessity of the most accurate application thereof.

Conclusions. The principle of court practice unity and application of legislation norms will make it possible to maintain the uniformity thereof at all levels of case consideration by judicial bodies.

Key words: principle of law, principle of court practice unity, judicial reform, supreme judicial body, application of legislation norms, unity of court practice, judicial system.

В современных условиях формирования правого государства особое значение имеет предсказуемость в применении нормативных правовых актов судебными органами и формирование высшей судебной инстанцией единообразной судебной практики применения норм права в судопроизводстве. Для обеспечения и поддержания единообразия в применении норм права немаловажную роль играет принцип единства судебной практики. Содержание данного принципа – это вопрос о толковании норм права высшим судебным органом и реализация актов судебного толкования нижестоящими судебными инстанциями.

Исторические аспекты. Зарождение, формирование и развитие принципа единства судебной практики связывается с началом судебной реформы 1864 г., когда были провозглашены и получили свое развитие такие принципы, как состязательность, гласность, несменяемость судей, независимость суда от администрации.

О единстве понимания и применения законов судебными инстанциями говорится в работе М. А. Филиппова «Судебная реформа в России», в которой дается глубокий анализ судебной реформы и деятельности судов, в частности, автор пишет: «Судебная практика, не имевшая системы, определенных начал, произвольно изменяла основные гражданские законы, каждый суд толковал закон как хотел, превратно их толкуя. Конец такому безначалию

был положен Высочайшим указом от 24 сентября 1862 г. об основных началах судебной реформы. Суды должны были решать дела по точному разуму существующих законов, Указом предоставлялось право единственно кассационному суду (правительствующему сенату) наблюдать за точным исполнением законов. Кассационный суд стал единым верховным истолкователем истинного смысла закона и направляющей силой для всех судов России к единству действия и понимания законов» [1, с. 55–57].

В ст. 5 Учреждения судебных установлений (Книга первая. Общее учреждение судебных установлений. Введение) закреплено, что «Сенат в качестве верховного кассационного суда, не решая дел по существу в общем порядке судопроизводства, наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными установлениями Империи» [2, с. 387].

Вопрос об обязательности применения разъяснений кассационных департаментов Сената судебными органами Российской империи оставался дискуссионным, но со временем разъяснения Сената приобрели характер обязательных. Исследуя данную проблему, А. В. Калиниченко отмечает, что, «определив пределы кассационного рассмотрения дел, Сенат установил для подведомственных ему судов и общие правила толкования законов: толкование закона, даваемые кассационным департаментом, должны служить руководством для всех судебных мест при решении однородных дел. Принятые решения публиковались для всеобщего сведения для руководства к единообразному истолкованию и применению законов. В дальнейшем эта практика была распространена на гражданский кассационный департамент, общие собрания департаментов и соединенные присутствия первого и кассационных департаментов Сената» [3].

М. В. Немытина в своей работе «Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв.» пишет: «Кассационный пересмотр не касается вопроса о фактических обстоятельствах дела. Кассация обеспечивает единообразное толкование и применение законов. В то же время решение кассационного суда преследует цель правильного разрешения конкретного дела» [4, с. 156].

Сенат поддерживал и реализовал принцип единства судебной практикой в системе судов российской империи путем толкования законов и их единообразного применения.

Конечно, высказывались точки зрения, что этим ущемляется независимость судебных органов, их творческий подход к рассмотрению споров и применению норм права. С такой критикой выступил профессор Г. Ф. Шершеневич, он, в частности, указал на то, что «судебная практика рабски ловит каждое замечание кассационного департамента, старается согласовать свою деятельность со взглядом сената. Авторитет кассационных решений отучил практиков от самостоятельного мышления, собственного юридического анализа» [5, с. 241].

Советский период характеризуется жестким позитивизмом, но в то же время постановления Пленума Верховного Суда СССР и РСФСР давали разъяснения по вопросам судебной практики по определенной категории и считались руководящими, обязательными для нижестоящих инстанций, в целях обеспечения единообразного применения нормативных правовых актов [6, с. 22–26]. В этот период говорить о принципе единства судебной практики

не приходилось, приоритет имел принцип законности, который не утратил своего значения и в современный период.

Принцип единства судебной практики в судопроизводстве при рассмотрении дел. Ни в одном нормативном правовом акте, процессуальном или материальном, такое упоминание отсутствует.

Есть принципы единства, закрепленные в земельном, налоговом, финансовом праве. В ст. 3 ФКЗ «О судебной системе РФ» говорится о единстве судебной системы и о том, каким путем обеспечивается единство судебной системы.

Профессор В. В. Ершов раскрывает природу принципов права, связывает их с категориями «закономерность» и «сущность», основания всеобщей связи, отражающие объективные закономерности и сущность единой многоуровневой системы форм национального и международного права, *реализуемых в государстве, обеспечивающие предсказуемость, ожидаемость и единообразие правотворческих и правореализационных процессов*, и предлагает признать основополагающие (общие) принципы национального и международного права, реализуемые в государстве, неоспоримым правом для правотворческих и правореализующих органов и лиц; рассматривать их в качестве фундаментальных форм национального и международного права, реализуемых в государстве [7, с. 5–36].

Профессор Н. А. Гущина раскрывает понятие «единство судебной практики» и определяет «как правильное, единообразное истолкование и применение законодательства и актов верховной судебной власти всеми судами общей юрисдикции в рамках правового пространства Российской Федерации» [8, с. 84–89].

Нормативная основа единства судебной практики. Содержится в ст. 126 Конституции РФ о даче разъяснений по вопросам судебной практики. Реализация единства судебной практики Верховным Судом РФ, в соответствии с действующим законодательством (ст. 126 Конституции РФ, ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», ФКЗ «О Верховном Суде РФ» от 05.02.2014, ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ, КоАП РФ) осуществляется через толкование норм права Пленумом, Президиумом, судебными коллегиями Верховного Суда РФ, которые обеспечивают единство применения норм права судебными органами.

В соответствии со ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде РФ» установлено, что Пленум Верховного Суда РФ рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ.

О природе постановлений Пленума Верховного Суда РФ «как источнике права», о прецедентном характере его постановлений, об обязательной силе их применения достаточно много высказано мнений как в советский период, так и в современный [9–17]. Но вопрос об обязательности его постановлений так и не решен на законодательном уровне, что, по нашему мнению, влияет единообразие и единство судебной практики, которую создает Пленум.

В силу ст. 7 ФКЗ «О Верховном Суде РФ» высший надзорный орган, Президиум Верховного Суда РФ в целях обеспечения единства судебной практики проверяет судебные акты, вступившие в законную силу в порядке

надзора, и фактически контролирует принцип единства судебной практики, получивший закрепление в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ. Рассматривает отдельные вопросы судебной практики, в его ответах фактически даются разъяснения нормам права для правильного применения их судами. Президиум утверждает Обзоры судебной практики, содержащие наиболее актуальные дела по вопросам применения и толкования норм права, вопросы и ответы по проблемным вопросам применения законодательства.

Судебные коллегии Верховного Суда РФ проверяют судебные акты в апелляционном и кассационном порядке по гражданским, экономическим, административным и уголовным делам, поддерживая единство судебной практики применения и толкования норм права, а в некоторых случаях и сами дают толкование нормам права в конкретном деле для правильного ее применения.

Неправильное истолкование норм права, применение и (или) толкование норм права служит основанием для отмены (изменения) судебного акта вышестоящей инстанцией (апелляция, кассация, надзор), которым в силу закона предоставлено право проверять в апелляционной инстанции правильность истолкования материального и процессуального закона в порядке п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ, п. 3 ч. 2 ст. 270 АПК РФ. В апелляции административного судопроизводства, предусмотренного п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ, неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ, влечет отмену судебного решения. Эти положения предоставляют возможность высшей судебной инстанции, судебным коллегиям Верховного Суда РФ проверить не только применение закона, но и правильность его толкования и в случаях ошибочного толкования нормы права дать свое толкование норме права в конкретном деле.

В соответствии с ч. 2 ст. 291-14 АПК РФ, ч. 2 ст. 390 ГПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 329 КАС РФ при рассмотрении дела в кассационном порядке судебной инстанцией проверяются правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права нижестоящей инстанцией, если допущена ошибка в применении или толковании норм права, судебный акт отменяется или изменяется.

Полномочия Президиума Верховного Суда РФ, закрепленные в п. 5 ч. 1, ч. 2 ст. 342 КАС РФ, п. 5 ч. 1, ч. 2 ст. 391-12 ГПК, п. 5 ч. 1, ч. 2 ст. 308-11 АПК РФ, дают ему возможность при рассмотрении дела в порядке надзора проверять правильность применения и толкования норм материального и процессуального права, а в случае, если допущена ошибка в применении и толковании норм материального права, он имеет право отменить или изменить судебные акты, приняв новое судебное постановление, не передавая дело на новое рассмотрение. В таких случаях Президиум формулирует новый смысл примененной нормы права или подтверждает ранее данное толкование норме права им самим или Пленумом, поскольку его задача состоит еще в обеспечении и поддержании единства судебной практики.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 23 декабря 2013 г. № 29-П отметил, что «вытекающее из статьи 126 Конституции Российской Федерации и конкретизированное в Федеральном конституционном законе от

7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ “О судах общей юрисдикции в Российской Федерации” правомочие Пленума Верховного Суда Российской Федерации давать судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации в целях обеспечения единства судебной практики (пункт 1 части 4 статьи 14) направлено на поддержание единообразия в толковании и применении норм права судами общей юрисдикции и является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы» [18].

А. А. Петрунина полагает, что, исходя из анализа действующих норм законодательства, принцип единства судебной практики является одним из руководящих для российской системы правосудия. Следование принципу единства судебной практики помогает судьям принимать законные решение исходя из смысла законодательства, исключая неопределенность в толковании законодательных норм при принятии решений по аналогичным спорам [19, с. 72–75].

Вышесказанное позволяет нам отметить, что под принципом единства судебной практики (закреплен он законодательно или нет, или выработан высшими судебными органами) следует понимать основополагающее начало, идею, обеспечивающую судам в судопроизводстве единообразное применение нормативных правовых актов и их толкование, выработанное высшими судебными органами, при разрешении юридических дел.

Принцип единства судебной практики, поддерживаемый высшими судебными органами, снижает риски в толковании и применении норм права, обеспечивает единство судебной практики, выработанной высшими судебными органами, снимает неопределенность и создает последовательность в применении норм права нижестоящими судами в российском судопроизводстве.

Список литературы

1. **Филиппов, М. А.** Судебная реформа в России / М. А. Филиппов. – СПб., 1871. – Т. 1. – Ч. 1.
2. Судебная власть России. История. Документы. – М., 2003. – Т. 3.
3. **Калиниченко, А. В.** Сенат в системе судебной власти Российской империи : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Калиниченко А. В. – Краснодар, 2011.
4. **Немытина, М. В.** Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. / М. В. Немытина. – Саратов, 1999.
5. **Шершеневич, Г. Ф.** Наука гражданского права в России / Г. Ф. Шершеневич. – М., 2003.
6. **Гук, П. А.** Судебная практика Верховного Суда РФ: актуальность применения / П. А. Гук // Арбитражный и гражданский процесс. – 2004. – № 2.
7. **Ершов, В. В.** Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2016. – № 3.
8. **Гущина, Н. А.** Формирование единства практики реализации юридических норм и правовых позиций высшей судебной власти при рассмотрении гражданских дел / Н. А. Гущина // Современное право. – 2014. – № 10.
9. **Демидов, В. В.** О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ / В. В. Демидов // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 3. – С. 21–24.
10. **Иванов, Н.** Постановления Пленума Верховного Суда РФ как обязательный «прецедент» / Н. Иванов // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 30–32.

11. **Исаев, М. И.** Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права / М. И. Исаев // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1947. – Вып. V. – С. 81–87.
12. **Линская, Ю. В.** О правовой природе постановлений Пленума Верховного Суда РФ / Ю. В. Линская // Закон и право. – 2006. – № 11. – С. 61–63.
13. **Мадьярова, А. В.** Разъяснения Верховного Суда РФ в механизме уголовно-правового регулирования / А. В. Мадьярова. – СПб., 2002.
14. **Мартынчик, Е.** Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике / Е. Мартынчик, Э. Колоколова // Российская юстиция. – 1994. – № 12. – С. 20–22.
15. **Марченко, М. Н.** Источники права / М. Н. Марченко. – М., 2005.
16. **Наумов, А. В.** Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства / А. В. Наумов // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 59–63.
17. **Рарог, А. И.** Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ / А. И. Рарог // Государство и право. – 2001. – № 2. – С. 51–57.
18. Собрание законодательства РФ. – 2014. – 6 января. – № 1. – Ст. 79.
19. **Петрунина, А. А.** Принцип единства судебной практики как фактор развития правовой культуры / А. А. Петрунина // Правовая культура. – 2015. – № 1 (20).

References

1. Filippov M. A. *Sudebnaya reforma v Rossii* [Judicial reform in Russia]. Saint-Petersburg, 1871, vol. 1, part. 1.
2. *Sudebnaya vlast' Rossii. Istoriya. Dokumenty* [Judicial authority in Russia. History. Documents]. Moscow, 2003, vol. 3.
3. Kalinichenko A. V. *Senat v sisteme sudebnoy vlasti Rossiyskoy imperii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [The Senate in the judicial system of the Russian Empire: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Krasnodar, 2011.
4. Nemytina M. V. *Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [Court in Russia: second part of XIX – early XX centuries]. Saratov, 1999.
5. Shershenevich G. F. *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* [Civil law science in Russia]. Moscow, 2003.
6. Guk P. A. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Arbitrary and civil process]. 2004, no. 2.
7. Ershov V. V. *Rossiyskoe pravosudie* [Russian justice]. 2016, no. 3.
8. Gushchina N. A. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. 2014, no. 10.
9. Demidov V. V. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 1998, no. 3, pp. 21–24.
10. Ivanov N. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2006, no. 2, pp. 30–32.
11. Isaev M. I. *Uchenye zapiski VNIISZ* [Proceedings of ARISL]. Moscow, 1947, iss. V, pp. 81–87.
12. Linskaya Yu. V. *Zakon i pravo* [Order and law]. 2006, no. 11, pp. 61–63.
13. Mad'yarova A. V. *Raz"yasneniya Verkhovnogo Suda RF v mekhanizme ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Clarification of the Supreme Court of Russia in the mechanism of criminal law regulation]. Saint-Petersburg, 2002.
14. Martynchik E., Kolokolova E. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 1994, no. 12, pp. 20–22.
15. Marchenko M. N. *Istochniki prava* [Law sources]. Moscow, 2005.
16. Naumov A. V. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2011, no. 2, pp. 59–63.
17. Rarog A. I. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2001, no. 2, pp. 51–57.
18. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2014, 6 January, no. 1, art. 79.
19. Petrunina A. A. *Pravovaya kul'tura* [The culture of law]. 2015, no. 1 (20).

Гук Павел Александрович
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правосудия,
Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Gukpola@mai.ru

Guk Pavel Aleksandrovich
Doctor of juridical sciences, associate
professor, professor at sub-department
of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Гук Евгения Павловна
помощник прокурора, Прокуратура
Железнодорожного района г. Пензы
(Россия, г. Пенза, ул. Луначарского, 5)

E-mail: Gukpola@mai.ru

Guk Evgeniya Pavlovna
Deputy prosecutor, Prosecutor's office
of the Zhelesnodorozhny district of Penza
(5 Lunacharskogo street, Penza, Russia)

УДК 340.12

Гук, П. А.

Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве / П. А. Гук, Е. П. Гук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 83–90. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-8

УДК 340
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-9

А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ФЕДЕРАЛИЗМА

Аннотация.

Актуальность и цели. В теории государства и права теория государства отстает от теории права. Таким образом, возникает необходимость активизировать изучение государства. Естественным выходом из ситуации является развитие сравнительного государствоведения, которое можно применить к проблеме федерализма в частности. Существует более чем 100 определений федерализма – от очень узких до очень широких. Представляется, что определение М. Х. Фарукшина лучше. Но мы бы хотели видеть федерализм как процесс с определенным набором элементов и связей между ними.

Материалы и методы. Структурный анализ используется в статье, когда мы представляем федерализм как процесс. В дополнение к этому схема «Учреждение федеративного государства» описывает различные стадии этого процесса и реализацию различных задач при этом. Заключительная схема представляет сложный состав модели федерализма, отражая ее предпосылки (или факторы, влияющие на возникновение), этапы развития, а также ключевые черты и направления развития.

Результаты. Инновационные схемы, разработанные авторами, показывают, что федерализм – это процесс, который имеет некоторые общие черты и особенности в различных странах. Различные модели федерализма могут быть классифицированы согласно геополитической и исторической типологии. Авторы утверждают, что имел место пионерский, латиноамериканский, имперский и республиканский постимперский, народный (или общинный), постколониальный, советский и российский федерализм.

Выводы. Существует также множество этапов федерализма. Дофедеративная стадия была свидетельницей только слабых объединений, наподобие античных союзов-городов, Священной Римской империи германской нации, Объединенных Провинций Нидерланды. Первые федеративные государства (США, латиноамериканские страны) появились только как этап модернизации. Европа в этом процессе отставала от Нового Света. Территориальные политические кризисы, последовавшие за Первой мировой войной, способствовали образованию Австрии и СССР. Постмодернизация вызвала новые вызовы для унитарных государств, и процесс федерализации продолжается по всему миру.

Ключевые слова: сравнительное государствоведение, федерализм, процесс учреждения федеративных государств, модели федерализма, этапы развития федерализма, история федерализма, сравнительный федерализм.

A. D. Gulyakov, A. Yu. Salomatin

COMPARATIVE STATE STUDYING AND PROBLEMS OF FEDERALISM

Abstract.

Background. In the Theory of State and Law the theory of State lags behind the theory of law. So there is a necessity to intensify studies of the state. To make it better it's natural to develop Comparative State Studying and apply it to the problems

of federalism in particular. There are more than 100 definitions of federalism – from very narrow to very broad ones. It seems to us that the definition made by M. X. Farukshin is more suitable. But we would like to see federalism as a process with some elements and links between them.

Materials and methods. The structural analysis is used in the article when we present federalism as a process. In addition, the scheme "Federative state establishment" depicts different stages of this process fulfilling different tasks. The final scheme gives a complex composition of a model of federalism reflecting its prerequisites (or factors of influence on its emergence), as well as stages, key features and directions of the development.

Results. Due to the innovative schemes, worked out by the authors, they put forward their concept that federalism is a process which has some common features and peculiarities in different countries. Various models of federalism can be classified according to geopolitical and historical backgrounds. The authors claim that there have been Pioneering, Latin American, Imperial and Republican Post-Imperial, Folk (or Community), Post-Colonial, Soviet and Russian models of federalism.

Conclusions. There is a multitude of stages of federalism. The Pre-federative stage witnessed only weak associations, like ancient unions of towns, the Holy German Empire, the United Provinces of Netherlands. The first federative states (USA, Latin American countries) appeared only as a result of modernization. Europe lags behind in this process after the New World. Territorial and political crises after the First World War furthered the formation of Austria and USSR. Post-Modernization has inspired new challenges for Unitarian states and the process of federalization continues across the world.

Key words: Comparative State Studying, federalism, frocess of establishment of federative states, models of federalism, stages in the development of federalism, history of federalism, comparative federalism.

Еще 15 лет назад известный российский конституционалист В. Е. Чиркин указывал на слабую разработку проблем сравнительного государствоведения [1, с. 35]. Сам же предмет **государствоведения** он определял как «возникновение и тенденции развития государства и его институтов, взаимоотношения государства с другими общественными явлениями в структурной связи: государство – общество – коллектив – человек, организация, функции и методы деятельности государства и его различных органов, роль должностных лиц и государственных служащих, соотношение государства и местного самоуправления» [2, с. 12].

Выделение **теории государства** (или государствоведения) и **теории права** (правоведения) вполне логично и разумно. Оно не подвергает сомнению существование стержневой юридической дисциплины – теории государства и права. Более того, подобное обособление двух ее частей служит на пользу науке, поскольку позволяет более равномерно и одновременно более адресно изучать две близкие системы – систему государства и систему права. Не секрет, что при известной увлеченности многими юристами теорией права теория государства превращается чуть ли не в падчерицу в этом тандеме теорий. **Сюжеты, связанные с государством, юристы не должны отдавать в монополию политологов**, поскольку последние изучают государство под совершенно иным углом зрения, а именно как элемент политической системы. Государство же в обществе на самом деле самодостаточно и самостоятельно, и только такое государство способно защитить общество от стихийных процессов нестабильности и саморазрушения.

Логично, что наряду с государствоведением существует и **сравнительное государствоведение**, чьим объектом «является государственность во всех ее проявлениях (генезис, эволюция, упадок) и, исходя из самого определения этого научного направления, сопоставление института государства у различных народов...» [3, с. 7]. Однако реальное развитие этой дисциплины наталкивается на трудности сбора и качественного обобщения компаративистского материала. Скажем, констатации различий между восточным (или азиатским) и античным государствами уже недостаточно. Нужно вычленение единиц для сравнения внутри упомянутых классов государств.

Хотелось бы и какой-то иной типологии государств, выходящей за рамки традиционных формационного и цивилизационного подходов, которая бы устраняла их очевидные недостатки. Например, мы придерживаемся точки зрения, что эту новую государственную классификацию можно было бы назвать **интегративной**. Она исходит из приоритетного значения природно-климатического фактора, который самым непосредственным образом влияет на экономику, но при этом признается, что развитие государства определяется также этническо-демографическими, культурно-управленческими и религиозными обстоятельствами. «В рамках государства каждого формационного типа (т.е. рабовладельческого, феодального, буржуазного) можно выделить несколько государственных моделей и несколько стадий их развития. При этом стадии развития, с нашей точки зрения, никоим образом не следует ассоциировать с рождением, расцветом и смертью цивилизаций, поскольку не всегда и не везде конкретная модель государственного развития является полностью автономной, не связанной с другими моделями» [4, с. 34]. Так, на основе геостратегического положения крупных территорий на Древнем Востоке (Месопотамии, Египта, Индии, Китая) и их природно-климатических условий можно сделать вывод об особенностях развития главной отрасли экономики – аграрной и о совокупном влиянии всех этих факторов на структуру государства в каждом конкретном районе [4, с. 35]. Примерно аналогичный подход можно использовать при построении моделей федерализма.

***

Вопрос о формах государственного устройства, в частности федерализме, является весьма важным для сравнительного государствоведения. Сразу же на ум приходят самые простейшие вопросы: почему унитарная форма государства оказалась более распространенной; когда и в связи с чем возникают федеративные государства; какие различия существуют между разными федерациями и насколько они важны?

Существует более 100 определений **федерализма**. Среди них, кроме достаточно традиционного взгляда, что федерализм – это форма государственного устройства, фигурируют мнения, что это принцип государственного устройства, концепция государственного устройства, способ реализации государственных полномочий, способ организации государственной власти по «вертикали» и «горизонтали» и т.д. [5, с. 6–7].

В чем-то можно согласиться с позицией, что «федерализм является нормативным понятием и ценностной концепцией, обладающей идеологическим содержанием, что отличает ее от концепции федерации, конфедерации или ассоциированного государства, имеющих описательный характер» [6, с. 24].

Ближе к истине мнение, что «федерализм – это разрешенная проблема, образ жизни» [7, с. 89].

Однако, расширяя понятие федерализма, делая его более емким, следует все же соблюдать чувство меры. Явно идеалистическим и не соответствующим жизненным реалиям является высказывание, что это «путь к объединению людей в мирное и гармоничное сообщество на всех уровнях территориальной организации государственной и общественной власти» [8, с. 17]. В этой фразе отсутствуют какие-либо четкие критерии. Она не учитывает того, что федерации могут быть очень разными с неодинаковой степенью «гармонии», централизации и децентрализации, демократии и авторитаризма. Сами федеративные государства могут со временем меняться, и чаще всего эти изменения при всей их противоречивости соответствуют тем или иным общемировым тенденциям. Подобное восприятие федераций пришло в зарубежную науку в 1970–1980-е гг. в значительной степени от американского теоретика федерализма Д. Элазара в момент триумфа идей неолиберализма. Соответствует ли оно нынешним общепринятым реалиям?

По нашему мнению, наиболее продуктивной точкой зрения является определение М. Х. Фарукшина: «включает в себя в качестве составных элементов федерацию как одну из форм государственного устройства; идеи, теории и принципы федеративного устройства; процессы федерализации и дефедерализации; культуру федералистского типа» [9, с. 51]. В данном случае термин «культура» является более удачным, чем понятие «философия».

В свою очередь, мы видим федерализм как результат известных процессов в обществе в виде ряда последовательных состояний и действий (см. схему 1). Здесь есть все элементы, упомянутые М. Х. Фарукшиным, и даже добавлены другие составляющие. Но при этом эти компоненты находятся в определенной логической связи по отношению друг к другу.

Схема 1

Структурные компоненты федерализма

Стартом для федерализации выступает возникающий к ней интерес со стороны различных социальных групп, который должен быть подкреплен идеологически на уровне профессионального и массового сознания. При благоприятном стечении обстоятельств далее происходит разработка конституционного документа и (или) целой группы нормативных актов. Именно они призваны обеспечить функционирование федеративного государства. В дальнейшем, если в работе этой замкнутой цепочки возникает сбой в любом из звеньев, она вступает в полосу кризиса и даже может прекратить свое существование. Таким образом, исходя из сказанного, мы бы определили **федерализм** как территориально-административное, пространственно-властное состояние государства, связанное с известной самостоятельностью входящих в него единиц при несомненной подчиненности центру, основанное на общественном согласии по поводу этого и обеспеченное идеологическими, конституционными и организационными средствами. Иными словами, это состояние имеет динамический характер. Его параметры могут со временем меняться, и задача исследователей – тщательно изучать данное явление как в пространстве, так и во времени.

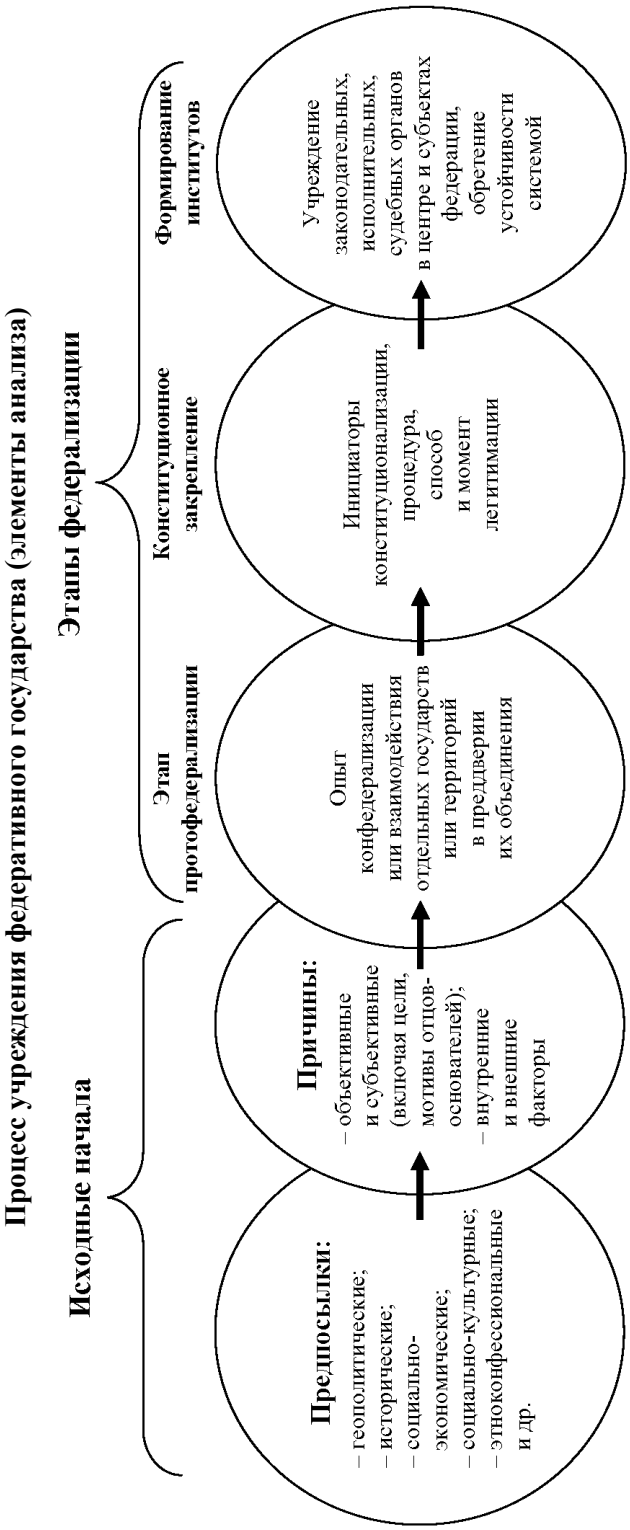
Это изучение целесообразно начинать с момента учреждения федеративного государства. Не следует отрицать, как это делает Райкер, что «не существует никаких особых условий и предпосылок к его появлению, как и устоявшихся механизмов федерализации» [10, с. 25]. В этом вопросе И. Н. Ившина предложила некую последовательность этапов, общую для всех социумов [11]. Мы более подробно в графическом виде расписали эти этапы, снабдив их следующими комментариями (см. схему 2).

Как справедливо отмечает И. Н. Ившина, «в любом государстве предпосылки федерализации складываются длительно и предшествуют появлению причин. Причины возникают же относительно внезапно как реакция на меняющийся исторический контекст и всегда предполагают наличие определенных целей и мотивов у так называемых отцов федерации» [11, с. 98]. Скажем, предпосылки и причины переплелись при рождении федеративного государства в США, но вот, например, в Австралии они не только вызревали медленнее, но и между ними не было и взаимодействия. Получилось так, что федеративное государство не стало острейшей необходимостью для австралийцев, каким оно было для американцев.

Собственно, процесс федерализации начинается с протофедерализма, когда «происходит вызревание комплекта предпосылок федерализации, а также учреждение и апробация отдельных институтов федерализма, появившихся до момента конституционного оформления федеративных отношений» [11, с. 171].

Для федераций, трансформировавшихся из конфедераций, определить этап протофедерализма достаточно легко. Сложнее это сделать для государств или территорий, не имеющих предшествующего четкого оформления межгосударственных или межтерриториальных отношений. Что считать этапом протофедерализма для Австрии: дуалистическую Австро-Венгерскую монархию в 1867–1918 гг. или империю Габсбургов на всем протяжении ее многовековой истории? Как вычленить этап протофедерализма в истории Индии: будет ли он начинаться с управленческой реформы британских колонизаторов или он должен уходить дальше в глубь столетий?

Схема 2


Процесс учреждения федеративного государства (элементы анализа)
Исходные начала
Этапы федерализации
Этап протофедерализации
Конституционное закрепление
Формирование институтов
Предпосылки:
– геополитические;
– исторические;
– социально-экономические;
– социально-культурные;
– этноконфессиональные и др.
Причины:
– объективные и субъективные (включая цели, мотивы отцов-основателей);
– внутренние и внешние факторы
Опыт конфедерализации или взаимодействия отдельных государств или территорий в преддверии их объединения
Инициаторы конституционализации, процедура, способ и момент легитимации
Учреждение законодательных, исполнительных, судебных органов в центре и субъектах федерации, обретение устойчивости системой

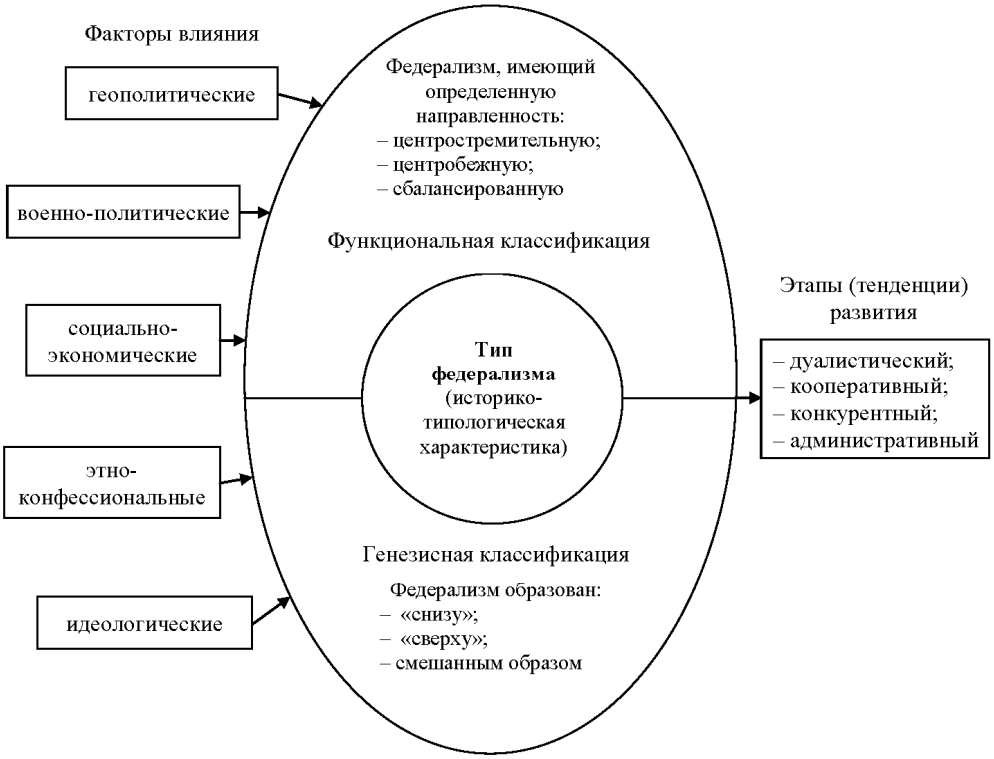
Проще описать **этап конституционного закрепления федеративной государственности**. Здесь важно рассмотреть процедуру принятия конституционного документа: насколько она была многоэтапной и демократичной, какой орган был инициатором, а кто сказал решающее слово в его легитимации.

На этом фоне исторической одномоментности период формирования институтов федеративного государства также не является вполне определенным. Как долго они могут формироваться? Следует ли ограничиваться, например, рассмотрением итогов первых выборов и учреждением административных структур или необходимо выйти за эти временные пределы? Что следует считать моментом утверждения нового режима? Например, в отношении США можно ограничиться 1789 г. или, скажем, включить в анализ судьбоносные президентские выборы 1800 г., закрепившие переход власти от одной партии к другой.

Однако механизм федерализации описывает только начальную точку в истории федеративного государства. Более полномасштабный характер носит модель, поскольку она характеризует как ситуационные, стартовые факторы, так и логику, этапы развития. Выделим сущностные черты самой модели (см. схему 3).

Схема 3

Модель федерализма



«Каждое федеративное государство уникально, следовательно, используя метод сравнительного анализа, можно выделить ряд так называемых моделей федерализма, каждая из которых отражает историческую, националь-

ную, политическую и иную специфику конкретной федерации, определяя общие и особенные черты организации государственной жизни» [11, с. 28].

Модели федерализма различных стран можно сравнивать в целом, а можно делать это по блокам, переводя их в форму таблиц. Второй способ является более удобным, особенно если сравнение является многочленным. В этом случае важно правильно выбрать единицы для анализа.

«Нет смысла для сравнения того, что идентично, и существует мало смысла для сравнения того, что не имеет ничего общего между собой. Таким образом, сравнение правовых систем включает в себя по крайней мере в некоторой степени исследование как схожих черт, так и различий» [12, с. 384].

Мы полагаем, что первоначально, видимо, следует выделить типологические группы и, возможно, отдельные уникальные типологические единицы, которые не входят в состав никаких групп. Затем следует провести сравнение внутри типологических групп, выявляя особенности между их элементами. Наиболее яркие элементы внутри групп логично сравнивать друг с другом, осуществляя трансграничные, межгрупповые сравнения.

По нашему мнению, все многообразие моделей федерализма можно свести к следующим его типам: первопоселенческому, латиноамериканскому, имперскому и республиканско-постимперскому, общинному (народному), постколониальному. Наша страна олицетворяет уникальную, не входящую ни в одну группу советско-российскую модель» [13].

Первопоселенческий тип моделей (США, Канада, Австралия) развивался в наиболее благоприятных условиях, но все модели очень разные, так что требуется детальное сравнение их между собой. То же самое относится к федерациям Латинской Америки (Мексика, Аргентина, Бразилия, Венесуэла). Общинный (народный) федерализм в Швейцарии проделал наиболее длительный путь на европейском континенте, и уже поэтому представляет собой интерес. Логично сравнить его с соседними федеративными государствами – Германией, Австрией, которые представляют тип имперского и постимперско-республиканского федерализма. При этом обязательно требуется сопоставление германской и австрийской моделей между собой. Постколониальных моделей несколько, но наиболее успешной среди них является индийская. Индийскую модель целесообразно сравнивать с другими централизованными моделями иных типов (например, австрийской или российской). Конечная цель нашего исследования – Россия, которую необходимо сопоставить с наиболее яркими элементами других типологических групп (например, США, Канадой, Германией, Бразилией и т.п.).

***

Анализируя различные модели и осуществляя их компаративизацию, мы выстроили развитие федерализма в динамичный всемирно-исторический процесс. Какие предварительные выводы в связи с этим можно сделать?

1. Несмотря на эпизодическое появление тех или иных союзов в доиндустриальную эпоху, они не приняли законченной федеративной формы. Для этого не было ни материальных, ни организационных предпосылок, ни общественной потребности ввиду слабых социальных коммуникаций [14].

2. Появление федеративных государств связано только с индустриальной эпохой. Причем в условиях промышленного переворота (конец XVIII –

середина XIX в.) федеративные государства в общественном сознании носили преимущественно экспериментальный характер. Большая уверенность в этой форме государственного устройства у общественности и государственных деятелей возникает только с началом индустриализации в последние десятилетия XIX в., вызвавшей спрос на сложные управленческие решения и этатизм.

3. Процессы федерализации начинаются в Новом Свете, в бывших первопоселенческих колониях, в момент создания на их основе независимых государств. В США сложились для этого наиболее благоприятные условия [15], но даже в странах Латинской Америки, обремененных феодальными пережитками, острейшими социально-расовыми противоречиями и гражданскими войнами, после Войны за независимость (1808–1826) принимаются федеративные конституции [16].

4. Федерализация в Европе происходит несколько позднее, под влиянием успехов промышленного переворота и начинающейся индустриализации. Швейцарские кантоны используют многовековой опыт конфедеративного общения. Для Германии федерализм – это способ осуществлять желанную идею германского единства.

5. В XX в. процессы федерализации развиваются волнообразно: они то затухают, то набирают силу, в зависимости от общественно-экономической обстановке в мире. После Первой мировой войны к федерализации прибегали как к инструменту для решения острейших социально-культурных и территориально-политических кризисов. Именно подобным образом родились Австрийская республика и СССР.

6. После Второй мировой войны возникает феномен постколониального федерализма. В этом случае молодым государствам пришлось преодолевать этноконфессиональные противоречия и наследие, оставленное колонизаторами. Наиболее эффективно это получалось у Индии.

7. Эпоха постмодернизации, стартовавшая после структурных и циклических кризисов 1970-х гг., порождает новые вызовы, которые среди прочих инструментов могут решить «федералистские технологии». Происходит эрозия унитарных государств, появляются переходные формы между унитаризмом и федерализмом (регионалистские государства в Италии и Испании, создание регионов во Франции, деволюция в Великобритании). Существует мнение, что даже КНР достигла фактического федерализма [17].

Список литературы

1. **Чиркин, В. Е.** Сравнительное правоведение и сравнительное государствоведение: взаимосвязи, общее, особенное / В. Е. Чиркин // Ежегодник сравнительного правоведения. 2001 г. – М., 2002.
2. **Чиркин, В. Е.** Государствоведение / В. Е. Чиркин. – М., 1999.
3. **Голубева, Л. А.** Сравнительное государствоведение / Л. А. Голубева, А. Э. Черноков. – СПб., 2009.
4. **Малько, А. В.** Теория государства и права : учеб. пособие / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. – 2-е изд. – М., 2014.
5. **Болтенкова, Л. Ф.** Учение о федерализме и его реализации в развитии государств (второе тысячелетие до н.э. – настоящее время) / Л. Ф. Болтенкова. – М., 2006. – Кн. 1.
6. **Тэпс, Д.** Суверенитет в теории федерализма / Д. Тэпс. – СПб., 2004.

7. **Остром, В.** Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество? / В. Остром. – М., 1993.
8. **Конюхова, И. А.** Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития / И. А. Конюхова. – М., 2004.
9. **Фарукшин, М. Х.** Федерализм: теоретические и прикладные аспекты / М. Х. Фарукшин. – М., 2004.
10. **Ильченко, М. С.** Федерализм с позиций инструментализма: теоретические основания и политические реалии / М. С. Ильченко // Сравнительный федерализм и проблемы федеративных отношений : сб. ст. / под ред. Л. В. Сморгунова, Ю. Н. Слонина. – СПб., 2008. – С. 25.
11. **Ившина, И. Н.** Создание федеративного государства. Сравнительно-правовое исследование / И. Н. Ившина. – М., 2014.
12. **Danneann, G.** Comparative Law: Study of Similarities or Differences? / G. Danneann // The Oxford Handbook of Comparative Law / ed. by M. Reimann, R. Zimmermann. – Oxford ; N. Y., 2008.
13. **Гуляков, А. Д.** Сравнительный федерализм и стратегия национального развития / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 3 (19).
14. **Гуляков, А. Д.** Элементы федерализма в доиндустриальных государствах (сравнительно-государствоведческий очерк) / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин // История государства и права. – 2016. – № 4. – С. 10–15.
15. **Гуляков, А. Д.** Основание федеративного государства США (историко-государствоведческий очерк) / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 20–31.
16. **Гуляков, А. Д.** Латиноамериканский унитарно-каудилистский федерализм / А. Д. Гуляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 11–26.
17. **Halberstum, D.** Federalism: Theory, Policy, Law / D. Halberstum // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. – Oxford, 2013.

References

1. Chirkin V. E. *Ezhegodnik sravnitel'nogo pravovedeniya. 2001 g.* [Comparative jurisprudence yearbook of 2001]. Moscow, 2002.
2. Chirkin V. E. *Gosudarstvovedenie* [State studying]. Moscow, 1999.
3. Golubeva L. A., Chernokov A. E. *Sravnitel'noe gosudarstvovedenie* [Comparative state studying]. Saint-Petersburg, 2009.
4. Mal'ko A. V., Salomatin A. Yu. *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie* [The Theory of state and Law: tutorial]. 2nd ed. Moscow, 2014.
5. Boltenkova L. F. *Uchenie o federalizme i ego realizatsii v razvitii gosudarstv (vtoroe tysyacheletie do n.e. – nastoyashchee vremya)* [The teaching of federalism and its realization in the course of state development (the second millennium BC – the present times)]. Moscow, 2006, bk. 1.
6. Teps D. *Suverenitet v teorii federalizma* [Sovereignty in the theory of federalism]. Saint-Petersburg, 2004.
7. Ostrom V. *Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoe samoupravlyayushcheesya obshchestvo?* [The sense of American federalism. What is a self-governing society?]. Moscow, 1993.
8. Konyukhova I. A. *Sovremennyy rossiyskiy federalizm i mirovoy opyt: Itogi stanovleniya i perspektivy razvitiya* [Modern Russian federalism and world experience: establishment results and development prospects]. Moscow, 2004.
9. Farukshin M. Kh. *Federalizm: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Federalism: theoretical applied aspects]. Moscow, 2004.

10. Il'chenko M. S. *Sravnitel'nyy federalizm i problemy federativnykh otnosheniy: sb. st.* [Comparative federalism and problems of federative relations: collected papers]. Saint-Petersburg, 2008, p. 25.
11. Ivshina I. N. *Sozdanie federativnogo gosudarstva. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Establishment of a federative state. A comparative-legal research]. Moscow, 2014.
12. Danneann G. *The Oxford Handbook of Comparative Law*. Ed. by M. Reimann, R. Zimmermann. Oxford; New York, 2008.
13. Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. *Vestnik universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin Kutafin University]. 2016, no. 3 (19).
14. Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. *Istoriya gosudarstva i prava* [State and law history]. 2016, no. 4, pp. 10–15.
15. Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 1 (33), pp. 20–31.
16. Gulyakov A. D. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2016, no. 1 (37), pp. 11–26.
17. Halberstum D. *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford, 2013.

Гуляков Александр Дмитриевич
кандидат юридических наук, доцент, ректор Пензенского государственного университета
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Comp_federalism@yandex.ru

Gulyakov Alexander Dmitrievich
Candidate of juridical sciences, associate professor, rector of Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Саломатин Алексей Юрьевич
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40); член-корреспондент Международной академии сравнительного права

E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yur'evich
Doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of state and law theory and political science, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia); corresponding member of the International Academy of Comparative Law

УДК 340
Гуляков, А. Д.
Сравнительное государствоведение и проблемы федерализма / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 91–101. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-9

УДК 343
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-10

А. В. Агутин, Г. В. Синцов

ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В ФОРМЕ МОШЕННИЧЕСТВА, НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела и доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, соотносятся как часть и целое. Отсюда вполне закономерным является суждение, согласно которому доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, является частью (подсистемой) целостной системы доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве.

Материалы и методы. В статье проведен анализ научной литературы по теме исследования.

Результаты. Должностным лицам, осуществляющим доказывание в стадии возбуждения уголовного дела о хищениях, совершенных в форме мошенничества, приходится решать управленческо-организационную проблему: устанавливать соответствие между «замерами» криминологов относительно мошенничества и положениями уголовного закона.

Выводы. Как мы видим, впоследствии на основании такого установления и должны решаться управленческо-организационные вопросы доказывания по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, например вопрос о том, какими средствами доказывания будут устанавливаться криминологические и уголовно-правовые свойства мошенничества.

Ключевые слова: организация, управление, доказывание, форма, хищение, мошенничество, возбуждение уголовного дела, борьба с преступностью.

A. V. Agutin, G. V. Sintsov

PROOF IN CASES OF LARCENY COMMITED AS FRAUD AT THE STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS INSTITUTING: PROBLEMS OF ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Abstract.

Background. Proof at the stage of criminal proceedings instituting and proof at the stage of criminal proceedings instituting in cases of larceny correlate as a part and the whole. Hence it is quite natural that proof at the stage of criminal proceedings instituting in cases of larceny commited as fraud is a part (sub-system) of the comprehensive whole of proof in the national criminal justice.

Materials and methods. The article analyzes scientific literature on the subject matter.

Results. Judicial officers that realize proofs at the stage of criminal proceedings instituting in cases of larceny commited as fraud have to solve a managerial-organizational problem: to establish correspondence between “findings” of criminologists regarding fraud and regulations of the criminal law.

Conclusions. As we can see, it is subsequently on the basis of such establishment that managerial and organizational issues of proof at the stage of criminal proceedings instituting in cases of larceny commited as fraud should be solved, for example, the question about what means of proof should be used to determine criminological and criminal-legal features of fraud.

Key words: organization, management, proof, form, larceny, fraud, criminal case, crime-fighting.

Следует акцентировать внимание на том, что стадии возбуждения уголовного дела свойственно доказывание (познание). Основой данной гипотезы послужила методологическая установка профессора В. Н. Григорьева о целостности доказывания в уголовно-процессуальной сфере: «Исследуя правила, регулирующие доказывание на стадии возбуждения уголовного дела, – пишет В. Н. Григорьев, – необходимо учитывать, что является частью (подсистемой) целостной системы доказывания в уголовном процессе, другими подсистемами которой является доказывание в стадии предварительного расследования, в стадии судебного разбирательства и т.д.» [1, с. 159].

Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела и доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, соотносятся как часть и целое. Таким образом, вполне логичным является вывод о том, что доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам о хищении, совершенном в форме мошенничества, будет являться подсистемой (частью) целостной системы доказывания в уголовном судопроизводстве.

Доказывание по уголовным делам о хищении, совершенном в форме мошенничества, как, в принципе, в целом доказывание, на стадии возбуждения нуждается в упорядочивании со стороны тех субъектов доказывания, на которых законом возложена данная обязанность. В данном контексте имеются в виду должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу о хищении, совершенном в форме мошенничества. В таком случае перед нами встает вопрос: возможно ли доказывание в стадии возбуждения уголовного дела о хищениях, совершенных в форме мошенничества, без его организации?

Представляется, что ответ на данный вопрос не может быть утвердительным. Совершенно точно невозможно исследовать вне организации доказывание в стадии возбуждения по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества. В подтверждение своей мысли мы приводим ряд аргументов: во-первых, сложность процесса организации доказывания как такового и, во-вторых, неоднозначность положений, связанных с хищениями, совершенными в форме мошенничества. Организация доказывания по уголовным делам о хищении представляет собой взаимосвязанные действия, которые носят последовательный, взаимосвязанный и упорядоченный характер[1], которые приводят к достижению цели доказывания в стадии возбуждения уголовного дела. Обычно в основе этой деятельности лежит уголовно-процессуальная деятельность.

[1] Через повторение, упорядочивание, последовательность и взаимосвязанность событий рассматриваются процессы и в управленческой литературе [2, с. 15–17].

Наглядно видно, что правовая наука имеет дело с управлением в социальных системах. Это подтверждается такими критериями доказывания, как повторяемость, последовательность, взаимосвязанность и упорядоченность. Сущность такого управления состоит в уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в стадии возбуждения уголовного дела, включая свойственные ей организацию и правоотношения [3, с. 5, 7; 4, с. 39; 5, с. 9, 15]. Явно видно, что с данной точки зрения уголовно-процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела характеризуется как объект социального управления. Воздействие субъекта управления на волю и сознание должностных лиц является одним из основных способов управления на стадии возбуждения уголовного дела.

Данное воздействие на должностных лиц, осуществляющих доказывание в стадии возбуждения по уголовным делам о хищении, совершенном в форме мошенничества, и есть управление в социальных системах.

Рассматривая содержание воздействия субъекта на объект, можно сделать вывод, что упорядочивание доказательной деятельности обеспечивается в соответствии с ее закономерностями существования и развития [6, с. 57].

В управленческой литературе особенно исследуется воздействие субъекта на объект в правоохранительных системах. В подтверждение сказанного обратим внимание на мысль Д. А. Керимова, который пишет: «Всеобщее определение системы, имеющее гносеологическую цель, должно включать в себя такой “набор” характеристик, который позволил бы ориентировать любое системное исследование, во-первых, на обнаружение составных частей системной целостности; во-вторых, на выявление специфических особенностей каждой из частей; в-третьих, на аналитическое изучение связей, отношений и зависимостей частей между собой; в-четвертых, на обобщение частей в их качественной определенности и взаимодействии, раскрывающем свойства системы как единого целого; в-пятых, на познание функционального назначения, роли и эффективности воздействия системы и каждой ее части на среду и обратного влияния среды на систему» [7, с. 244].

Некоторые из исследователей содержание управленческого воздействия отождествляют с его сущностью. Так, Ф. М. Кобзарев усматривает сущность управления в органах прокуратуры «в волевом воздействии вышестоящих органов прокуратуры и прокуроров на нижестоящих (подчиненных) прокурорских работников с целью достижения надлежащего выполнения задач, возложенных на них Законом о прокуратуре и другими федеральными законами, и повышения эффективности их деятельности» [8, с. 78].

Рассматривая вопрос о цели управленческого воздействия[1] на стадии возбуждения уголовного дела в процессе доказывания по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, можно сделать вывод, что она имеет три аспекта. Первый – это взаимное согласование действий должностных лиц как с организационной, так и с процессуальной точек зрения. Второй – необходимость обеспечения устойчивости и ясности самого процесса доказывания. И, наконец, третий – обеспечение и сохранении целостности процесса доказывания.

[1] Методологической основой формирования наших суждений послужили результаты исследований Н. И. Калугина [9, с. 122, 123].

Процесс доказывания в стадии возбуждения уголовного дела о хищениях, совершенных в форме мошенничества, имеет двойственную природу, что и определяет его сложность. Данная двойственность объясняется, во-первых, мысленно-логической сущностью доказывания, а во-вторых, практическим характером данной деятельности. При этом открытым перед юридической наукой остается вопрос, каким образом осуществляется переход доказывания из одного состояния в другое и в обратное состояние.

Необъяснение данного вопроса с теоретической точки зрения дает нам право высказать гипотезу, что переход доказывания из одного состояния в другое на практике решается исключительно на основе опыта. С точки зрения этой позиции опыт (практика) доказывания в стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, является недостающим пазлом, который позволяет увидеть картину доказывания по рассматриваемой категории дел целиком.

Таким образом, организационная составляющая на стадии возбуждения уголовного дела при доказывании по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, по праву становится «краеугольным камнем исследования».

Необходимость установления фактической мотивации и цели мошенника в процессе совершения преступления актуализирует организационную составляющую доказывания по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества. В подобной ситуации традиционные средства доказывания не настолько эффективны, как бы могли быть, так как их механизм не способен установить субъективные обстоятельства мошеннических действий. Опыт организации доказывания по данной категории дел в данном случае является единственным логическим выходом.

Рассматривая проблемы управления и организации применительно к области борьбы с преступностью, Г. А. Авеносов указывает: «Любая организаторская деятельность направлена на создание оптимальных условий для осуществления тех или иных видов работ. Решающим звеном деятельности по борьбе с преступностью является организация. При этом организация, исполнение организаторских функций характерны для всех направлений этой деятельности; имеется в виду организационный аспект этой деятельности» [10, с. 452]. Все сказанное выше относится и к организации доказывания в стадии возбуждения уголовного дела о хищениях, совершенных в форме мошенничества.

Интерес к сформировавшемуся опыту организации в процессе доказывания на стадии возбуждения уголовного дела по уголовным делам о хищениях, которые совершаются в форме мошенничества, вызван не праздным любопытством. Часто возникают ситуации, когда вопрос о средствах доказывания в стадии возбуждения уголовного дела невозможно решить лишь правовыми способами.

Еще во второй половине 70-х гг. XX столетия, выступая на научной конференции, С. М. Крылов говорил: «Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступностью длительное время изучались односторонне. Основной их “болезнью” являлся отрыв от управленческих проблем, что влияло на их качество». На этой же конференции В. Г. Афанасьев обратил внимание на необходимость проникновения в сферу управления юридических наук и, наобо-

рот, в область юриспруденции управленческой тематики. Об этом же вели речь и другие выступающие [11].

Должностным лицам, осуществляющим доказывание в стадии возбуждения уголовного дела о хищениях, совершенных в форме мошенничества, приходится решать управленческо-организационную проблему: устанавливать соответствие между «замерами» криминологов относительно мошенничества и положениями уголовного закона. Впоследствии на основании такого установления и должны решаться управленческо-организационные вопросы доказывания по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, например вопрос о том, какими средствами доказывания будут устанавливаться криминологические и уголовно-правовые свойства мошенничества.

Список литературы

1. **Григорьев, В. Н.** Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / В. Н. Григорьев // Доказывание по уголовным делам : межвуз. сб. – Красноярск, 1986.
2. **Козьминский, А. К.** Основы управления : учеб. / А. К. Козьминский, В. П. Буянов, Д. Емельняк, А. А. Хачатуров ; под общ. ред. А. А. Хачатурова. – М., 2010.
3. **Асриев, Б. В.** Начальник следственного отдела в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Асриев Б. В. – М., 1974.
4. **Зеленский, В. Д.** Структура организации расследования преступлений / В. Д. Зеленский // Совершенствование организации расследования преступлений следственными аппаратами органов внутренних дел. – М., 1984.
5. **Кальницкий, В. В.** Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей органов внутренних дел : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Кальницкий В. В. – М., 1982.
6. Административное право : учеб. / под ред. Л. Л. Попова. – М., 2005.
7. **Керимов, Д. А.** Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М., 2001.
8. **Кобзарев, Ф. М.** Понятие организации работы и управления в органах прокуратуры / Ф. М. Кобзарев // Прокурорский надзор : учеб. / под ред. Ю. Е. Винокурова. – М., 2006.
9. **Калугин, Н. И.** Управление следственными аппаратами органов внутренних дел (функционально-структурный анализ) : дис. … д-ра юрид. наук / Калугин Н. И. – Волгоград, 1990.
10. **Аванесов, Г. А.** Криминология / Г. А. Аванесов. – М., 1984.
11. Проблемы управления и деятельность органов внутренних дел : материалы конф. – М., 1975. – С. 56–61.

References

1. Grigor'ev V. N. *Dokazyvanie po ugolovnym delam: mezhvuz. sb.* [Criminal case proof: interuniversity proceedings]. Krasnoyarsk, 1986.
2. Koz'minskiy A. K., Buyanov V. P., Emel'nyak D., Khachaturov A. A. *Osnovy upravleniya: ucheb.* [Foundations of management: textbook]. Moscow, 2010.
3. Asriev B. V. *Nachal'nik sledstvennogo otdela v sovetskom ugolovnom protsesse: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [The head of investigative department in the Soviet criminal procedure: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 1974.
4. Zelenskiy V. D. *Sovershenstvovanie organizatsii rassledovaniya prestupleniy sledstvennymi apparatami organov vnutrennikh del* [Improving the organization of criminal investigation by investigative branches of internal affairs bodies]. Moscow, 1984.

5. Kal'nitskiy V. V. *Vedomstvennyy protsessual'nyy kontrol' za deyatel'nost'yu sledovateley organov vnutrennikh del: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Sectoral procedural supervision over investigators of internal affairs bodies: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 1982.
6. *Administrativnoe pravo: ucheb.* [Administrative law: textbook]. Ed. by L. L. Popov. Moscow, 2005.
7. Kerimov D. A. *Metodologiya prava. Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Methodology of law. Subject, funtions, problems of philosophy of law]. Moscow, 2001.
8. Kobzarev F. M. *Prokurorskiy nadzor: ucheb.* [Procuracy supervision: textbook]. Moscow, 2006.
9. Kalugin N. I. *Upravlenie sledstvennymi apparatami organov vnutrennikh del (funktsional'no-strukturnyy analiz): dis. d-ra yurid. nauk* [Management of investigative branches of internal affairs bodies (a functional and structural analysis): dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Volgograd, 1990.
10. Avanesov G. A. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 1984.
11. *Problemy upravleniya i deyatel'nost' organov vnutrennikh del: materialy konf.* [Management problems and activities of internal affairs bodies: conference proceedings]. Moscow, 1975, pp. 56–61.

Агутин Александр Васильевич
доктор юридических наук, профессор,
кафедра прокурорского надзора
за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия
прокурора в уголовном судопроизводстве,
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
(Россия, г. Москва, ул. Азовская, 2, к. 1)

Agutin Aleksandr Vasil'evich
Doctor of juridical sciences, professor,
sub-department of procuracy supervision
over the execution of laws in operational
investigations and prosecutor's participation
in criminal justice, Academy of Prosecutor
General's Office of the Russian Federation
(building 1, 2 Azovskaya street, Moscow,
Russia)

E-mail: agutin.av@yandex.ru

Синцов Глеб Владимирович
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой частного
и публичного права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Sintsov Gleb Vladimirovich
Doctor of juridical sciences, professor,
head of sub-department of provate
and public law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: g_sintsov@mail.ru

УДК 343

Агутин, А. В.

Доказывания по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, на стадии возбуждения уголовного дела: вопросы организации и управления / А. В. Агутин, Г. В. Синцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 102–107. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-10

УДК 316
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-11

Г. Б. Кошарная, Л. Т. Толубаева, Г. П. Редя

СООТНОШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА ЖИТЕЛЕЙ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ ПОВОЛЖЬЯ[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье анализируются процессы, влияющие на консолидацию российского общества. Подчеркивается важность для сохранения его единства патриотизма и гражданственности россиян. Цель статьи – определить роль социального и этнического факторов в консолидации многонационального российского общества для достижения устойчивых положительных отношений между различными этносами и нациями.

Материалы и методы. Социологическое исследование проведено методом анкетирования (выборка квотная по полу, возрасту и национальности в Пензенской, Ульяновской, Саратовской областях и Республике Татарстан, n = 1780). По результатам исследования проанализированы вопросы межнациональных отношений в Поволжском регионе.

Результаты. Проведенное исследование показало, что для большинства опрошенных важным является ощущение принадлежности не только к своей национальной группе, но и к единому сообществу – россиянам. Более трети опрошенных чувствуют себя скорее россиянами (33,7 %), а 42,7 % чувствуют себя как представителями своей национальности, так и россиянами одновременно. Вместе с тем для 12,8 % респондентов важным является ощущать себя скорее человеком своей национальности. Анализ полученных данных показал, что кардинальных отличий от общих показателей в различных возрастных группах нет. Представители всех опрошенных этнических групп наиболее значимым для гражданства России назвали необходимость иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, проживать в России, защищать свое государство, исполнять законы России, нести ответственность за судьбу страны. Все респонденты считают, что для гражданина России необходимо быть патриотом и любить свою страну (русские – 26,9 %, татары – 24,7 %, мордва – 25,0 %).

Выводы. Полученные данные проведенных исследований подтверждают тот факт, что для России процесс сохранения многонациональности является органичным. В основе этого лежит формирование и сохранение в сознании разных народов, проживающих на ее территории, как чувства общности истории, принадлежности к своему народу, так и единение со всеми другими народами, проживающими в России. Влияние этнических и социальных факторов

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

на формирование патриотизма жителей Поволжья проявляется в осознании себя не только членом своей этнической группы, но и представителем в целом такого сообщества, как россияне. Поддержанию межнационального согласия в многонациональной России может стать утверждение в общественном сознании ценности патриотизма, включающего в себя труд на благо Родины, знание истории своей страны, ее культуры и традиций, поддержку дружественных отношений между представителями различных национальностей.

Ключевые слова: патриотизм, этнос, консолидация, гражданственность, Родина, межэтнические отношения, полиэтнический регион, ценности.

G. B. Kosharnaya, L. T. Tolubaeva, G. P. Redya

CORRELATION OF ETHNIC AND SOCIAL FACTORS IN FORMATION OF PATRIOTISM IN PEOPLE FROM POLYETHNIC VOLGA REGIONS

Abstract.

Background. The article analyzes the processes influencing consolidation of the Russia society. The authors emphasizes the preservation of its unity, patriotism and civism of Russians. The aim of the work is to determine the importance of social and ethnic factors in consolidation of the Russian multinational society in order to achieve stable positive relations between various peoples and nations.

Materials and methods. The sociological research was based on questioning (quota samples by gender, age and nationality in Penza, Ulyanovsk, Saratov regionas and the Republic of Tatarstan, n = 1780). According to the results the authors analyzed issues of interethnic relations in Volga region.

Results. The performed research showed that for the majority of respondents it is important to have a sense of belonging not just to their national group, but to the united society – Russians. Over a third of the respondents rather feel themselves Russians (33,7 %), and 42,7 % feel themselves both representatives of their nationalities and Russians. Herewith, for 12,8 % of the respondents it is important to rather feel themselves as people of their nationalities. The analysis of the obtained data showed that there were no cordinal differences from general indices in various age groups. Representatives of all ethnic groups surveyed called the most important for the Russian citizenship is to have civil rights and to perform civil duties, to live in Russia, to protect their state, to abide by the Russian laws, to bear responsibility for the country's destiny. All the respondents believe that a citizen of Russia must be a patriot and love his/her country (Russians – 26,9 %, Tatars – 24,7 %, Mordvinians – 25,0 %).

Conclusions. The obtained data confirm the fact that in Russia the process of preservation of multinationality remains organic. It is based of formation and preservation in the conscience of various peoples, living in Russia, of the sense of community of history, belonging to their peoples, as well as unity with other peoples, living in the country. The influence of ethnic and social factors on formation of patriotism of Volga region dwellers is manifested in acknowledgment of people not just as members of their ethnic groups, but as representatives of the Russian society in general. The interethnic concord in multinational Russia can be promoted by consolidation of the value of patriotism in the public conscience, including labor for the benefit of the Motherland, knowledge of its history, culture and tradition, support of friendly relations between representatives of various nationalities.

Key words: patriotism, ethnos, consolidation, civism, Motherland, interethnic relations, polyethnic region, values.

В современном мире происходят процессы, ведущие к усложнению общественных отношений, нередко проявляющиеся в нормах, ценностях, установках, которыми обычный человек руководствуется в своей повседневной жизни. Подобные процессы носят глобальный характер, оказывают влияние на повседневную жизнь и российского общества, как части современного мира. С уходом идеологии коллективизма в жизни россиян произошла частичная смена духовно-нравственных ориентиров. Чувство любви к Родине, осознание долга и ответственности перед обществом для некоторой части россиян несколько утратили свою значимость, что привело к снижению важности и вытеснению из системы таких социокультурных ценностей, как чувство патриотизма, ответственность перед страной и народом. Кроме того, на социокультурную ситуацию оказывают влияние внешние факторы, проявляющиеся через общемировые глобализационные процессы, которые далеко не всегда носят положительный характер. Нередко это влияние размывает образ Родины в сознании людей, оказывая отрицательное воздействие на формирование патриотизма [1, 2]. В силу этого формирование у россиян чувства патриотизма по отношению к своей Родине, воспитание патриотических настроений на современном этапе приобретает особую важность.

В настоящее время понятие «патриотизм» становится все более востребованным в общественном сознании. В отечественной литературе и публицистике предпринимаются усилия по созданию новой «патриотической идеологемы» как на основе классического «советского» ее варианта, так и по наполнению ее принципиально новым содержанием.

К сожалению, бытующая в настоящее время в общественном сознании идеологема патриотизма не обеспечивает единства в обществе в полной мере. По мнению социологов Института социологии РАН, следует различать три варианта патриотизма: охранительный, умеренный и гражданский. Социологическое исследование показало, что в общей сложности 54 % респондентов по поводу идеологемы патриотизма находятся в равновесном противостоянии, где предметом расхождений является включение или невключение в содержание современного российского патриотизма «охранительных» смыслов (подробнее о различных трактовках патриотизма см. [3, с. 227–232]).

В различные исторические периоды понимание сущности патриотизма акцентировалось на разных аспектах, в частности на его духовном выражении, имеющем место в реально-действенном проявлении. Разнообразие трактовок термина «патриотизм» объясняется прежде всего сложностью этого явления, а также многообразием форм его проявления, например, в таких сферах, как любовь к Родине, стремление защищать ее, отстаивать ее интересы, особенно в такие сложные периоды, как, например, в условиях современных санкций против России, попыток ее изоляции. Широкое обращение к использованию понятия «патриотизм» в России относится ко времени Отечественной войны 1812 г. Однако исторически чувство патриотизма имеет у россиян давнюю многовековую традицию, проявлявшуюся в единении, согласии, защите родной земли, тем самым это чувство становилось особо значимой ценностью. На современном этапе развития российского общества к проявлению патриотизма относят не только воплощение мужества, доблести и героизма, но и осуществление деятельности, направленной на модернизацию экономики, социально-политической жизни, духовного оздоровления

россиян. Это дает основание включать в современное понимание патриотизма на личностном уровне нравственные принципы, социальные чувства, определяя, что патриот – это личность, связывающая свою жизнь с интересами своей Родины. На макроуровне патриотизм воспринимается как часть общественного сознания, которое проявляется в коллективных настроениях, в системе основополагающих ценностей членов общества. Таким образом, современное понимание патриотизма представляет собой опору для тесной связи между личными интересами граждан и эффективным функционированием системы социальных и государственных институтов. Такое соотношение личностного и общегосударственного в консолидационных процессах в российском обществе является важной основой сохранения России как суверенного государства.

Кроме того, для сохранения единства российского общества важен еще такой феномен, как гражданственность россиян. По мнению социологов ИС РАН, консолидирующим многонациональную Россию понятием может стать трактовка и продвижение в общественном сознании «гражданского» понятия патриотизма, включающего в себя труд на благо Родины, знание истории своей страны, ее культуры и традиций, поддержку дружественных отношений между людьми разных национальностей, борьбу с недостатками в стране. При этом выделяется деятельностный аспект данного феномена, который характеризуется состоянием готовности личности к определенному способу действия, выражающемуся в установке на те или иные ценности как материальной, так и духовной культуры общества. В. А. Ядов рассматривал социальную установку на гражданскую ответственность за судьбу своей Родины как один из высших уровней иерархической системы диспозиций личности, которые предшествуют ее поведению и ориентации [4, 5]. Ряд ученых при анализе социальных позиций россиян, их гражданской позиции выделяет шкалу жизненных ценностей, разбивая ее по основным сферам жизнедеятельности, внутри которых проводятся замеры ценностей каждой сферы: семьи, работы, досуга, друзей, свободы, порядка, равенства, демократии, религиозной сферы, общественной морали и доверия. В состав ценностей включают также патриотическую, гражданскую ответственность, связывая их с социальным самочувствием россиян [6, 7].

Вместе с тем сохранение России как суверенного государства, опирающееся на консолидированное общество, зависит не только от патриотических чувств, гражданской ответственности россиян. Россия – это многонациональное государство, и в связи с этим для ее сохранения огромную роль играет уровень межнациональной консолидации всех народов, проживающих на ее территории. Исходя из этого, в российском обществе должно постоянно присутствовать самое пристальное внимание к оптимальному развитию межнациональных отношений, которые охватывают разные стороны жизни общества: экономические, политические, социальные, социокультурные, исторические и др. При этом важнейшим вопросом является реализация равноправия всех этносов, проживающих на общей территории, которое обеспечивает чувство защищенности, комфортности для всех этнических групп. Решение этого вопроса дает возможность либо находить пути консолидации, сотрудничества различных народов, либо вскрывает причины возникновения межнационального недоверия, вражды и даже возможных конфликтов на на-

циональной почве. В связи с этим для России как многонационального государства вопрос о взаимодействии наций, о совершенствовании межнациональных отношений и равноправии всех этносов, проживающих на ее территории, является одним из наиболее важных, влияющих на сохранение государственного суверенитета.

Многонациональность российского общества создает множество социальных характеристик, которые по мере развития общества все более структурируются, углубляя социальную дифференциацию. В этих условиях наблюдаются, с одной стороны, процессы культурной консолидации в пределах этнических групп, где действуют ценностно-нормативные регуляторы поведения, как оказывающие влияние на сознание в целом на членов этнической группы, так и влияющие на личностном уровне. С другой стороны, для России характерен исторически смешанный тип расселения этнических групп, в связи с чем необходимо учитывать, что россияне не только проживают в этническом пространстве своей этнической группы и находятся в отношениях с представителями своей этнической группы, но и пересекаются с другими этническими группами. Для России характерна такая особенность, как дисперсное проживание этносов, особенно русских, в различных регионах страны, что оказывает большое влияние на их самовосприятие и отношение к другим этносам.

Проживание рядом, близкое соприкосновение друг с другом приводят к необходимости вырабатывать определенные отношения между представителями различных этнических групп. Этничность может выступать фактором мобилизации и мотивировать ту или иную направленность сознания и поведения как на групповом, так и на индивидуальном уровне членов своей этнической группы. За весь исторический период развития России как суверенного государства красной линией проходит особенность, которую необходимо всегда учитывать, она никогда не сводилась к конгломерату территорий, удерживаемых одной лишь силой центральной власти. Россия никогда не определяла себя как русское государство. Уже в период Киевской Руси она представляла собою полиэтническое образование и, развиваясь, продолжала отторгать распространенную в западном мире модель национального государства, в котором для титульных наций определялись преимущества во всех сферах жизни общества. Результатом такого развития явилось то, что в своей многовековой истории Россия сохранила разные этносы, их религию, культуру, язык, обычаи, при этом большинство регионов России развивались как многонациональные. Все эти обстоятельства увеличивают важность национальной политики, направленной на консолидацию российского общества, требуют уделять особое внимание формированию патриотизма россиян, учитывая как социальные, так и этнические факторы.

Поволжский регион является одним из многонациональных регионов России. В 2015–2016 гг. научным коллективом в рамках гранта РГНФ было проведено исследование уровня и факторов консолидации различных социальных слоев и групп населения полиэтнических регионов Поволжья: Пензенской, Саратовской, Ульяновской областей и Республики Татарстан (выборка квотная по полу и возрасту, n = 1780). Среди исследуемых процессов консолидации жителей Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России изучалось влияние

этнических и социальных факторов на формирование патриотизма многонационального населения этого региона.

Проведенные исследования показали, как соотносится в сознании жителей Поволжского региона чувство принадлежности к своей этнической группе с осознанием себя россиянином (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» (выборка по возрасту и полу в процентах, *n* = 1780)

Варианты ответов	Всего	По полу		По возрасту		
		Мужчины	Женщины	18–34	35–54	55 и свыше
Скорее человеком своей национальности	12,8	15,3	10,8	11,1	13,7	13,2
Скорее россиянином	33,6	34,4	32,9	30,5	33,8	35,7
И тем и другим в равной мере	42,6	37,9	46,3	47,2	41,1	40,4
Ни тем, ни другим	5,1	5,7	4,6	5,6	4,1	5,5
Затрудняюсь ответить	5,1	6	4,3	3,9	6,8	4,3
Другое	0,8	0,7	1,1	1,7	0,5	0,9
Итого	100	100	100	100	100	100

Анализ общих данных табл. 1 показывает, что более трети опрошенных (33,7 %) чувствуют себя скорее россиянами, а 42,7 % респондентов чувствуют себя как представителями своей национальности, так и россиянами одновременно.

Иными словами, для большинства опрошенных важным является ощущение принадлежности не только к своей национальной группе, но и к единому сообществу – россиянам.

Вместе с тем для 12,8 % респондентов важным является ощущать себя скорее человеком своей национальности. Обращает внимание то, что потребность ощущать себя человеком своей национальности выше у мужчин, чем у женщин (15,3 и 10,8 % соответственно). В то же время ощущают себя в равной степени человеком и своей национальности, и россиянином одновременно меньше опрошенных мужчин, чем женщин (37,9 и 46,3 % соответственно). Анализ полученных данных показал, что кардинальных отличий от общих показателей в ощущениях (кем больше себя чувствуют респонденты) в различных возрастных группах нет. Проведенные исследования также выявили, что среди опрошенных есть респонденты, для которых неважно как ощущать свою принадлежность к своей национальности, так и чувствовать себя россиянином (5 %), а также затруднившиеся ответить на данный вопрос (5 %). В сумме это не такой уж малый процент опрошенных, для которых отсутствует ценность принадлежности к своей национальности или которые вообще затруднились ответить на этот вопрос. Подобная ситуация подтверждает факт влияния глобализационных процессов, которые не обошли стороной и некоторую часть россиян.

В связи с многонациональностью состава жителей Поволжского региона представляет интерес анализ ответов на вопрос «Кем Вы чувствуете себя в большей мере?» представителей разных национальностей (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» (выборка по национальной и религиозной принадлежности в процентах, *n* = 1780)

Варианты ответов	Всего	По национальной принадлежности				По религиозному убеждению			
		Русские	Татары	Мордва	Другие	Право-славные	Мусуль-мане	Атеисты	Другие
Скорее человеком своей национальности	12,8	10,3	20	27,1	11,1	11,7	21,4	11,5	14,3
Скорее россиянином	33,6	36	22,7	31,2	17,6	37,4	21,4	22,9	7,1
И тем и другим в равной мере	42,6	41,9	52	33,3	47,1	41,5	51,4	39,3	50,0
Ни тем, ни другим	5,1	5,3	4	4,2	5,9	4,3	2,9	14,8	0,0
Затрудняюсь ответить	5,1	5,7	1,3	4,2	5,9	4,7	2,9	8,2	14,3
Другое	0,8	0,8	0,0	0,0	11,8	0,4	0,0	3,3	14,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

При проведении исследований были выделены наиболее многочисленные этнические группы, проживающие на территории Пензенской, Саратовской и Ульяновской областях и в Республике Татарстан: русские, татары, мордва. Как показало проведенное исследование, меньше всего связывают себя только со своей национальностью русские (10,3 %), наиболее важно осознавать принадлежность к своей национальности для мордвы (27,1 %), также достаточно большое число среди опрошенных татар, для которых важно ощущать себя человеком своей национальности (20 %). Но при этом среди респондентов-татар больше половины опрошенных (52 %) ощущают себя и представителем своей национальности и россиянином одновременно, чувствуют себя только россиянами 22,7 % опрошенных этой этнической группы. Показательно, что только 1,3 % респондентов-татар затруднились ответить на этот вопрос, что значительно меньше этого показателя у других этнических групп. Более трети опрошенных русских респондентов ощущают себя россиянами (36 %), также среди русских достаточно высок процент тех, кто ощущает себя одновременно как представителем своей нации, так и россиянином (41,9 %). Мнение представителей этнической мордовской группы примерно в равной степени разделилось между теми, кто чувствует себя только россиянами, и теми, кто ощущает себя одновременно как представителем своей нации, так и россиянином (31,3 и 33,3 % соответственно). Данные ответы представителей различных этнических групп подтверждают то, что дисперсное проживание многих этносов на территории России оказывает влияние на их самосознание. Особенно это характерно для русских, как этноса, который проживает практически во всех регионах страны. Совместное проживание накладывает отпечаток не только на формирование определенных отношений между представителями различных этнических групп, но и на их самоощущения, подтверждая значительную роль национального фактора в формировании общих патриотических настроений.

Результаты проведенных исследований подтверждают тот факт, что для России процесс сохранения многонациональности является органичным, лежащим в основе формирования и сохранения в сознании разных народов, проживающих на ее территории, чувства общности истории, судьбы, как принадлежности к своему народу, так и единения со всеми другими народами, проживающими в России. Это является важной характеристикой российского общества. Провал европейской политики мультикультурализма еще раз показал, что искусственное насаждение ценности «совместного проживания» без взаимного принятия и проникновения ценностей рядом проживающих народов обречен на провал.

Анализ ответов респондентов на этот вопрос о религиозных убеждениях показал, что такие варианты ответов, как «скорее ощущают себя человеком своей национальности» или «ощущают себя россиянами или и тем и другим одновременно», почти совпали как с общими показателями, так и с ответами, полученными у представителей разных национальностей. Вместе с тем привлекает внимание позиция атеистов. Так, 14,8 % опрошенных из этой группы респондентов не чувствуют себя ни представителями своей национальности, ни россиянами, а 8,2 % из них вообще затруднились ответить на данный вопрос. Иными словами, четвертая часть опрошенных атеистов не ощущает себя ни представителями свой национальности, ни россиянами. Едва ли можно утверждать, что религиозность человека оказывает решающее влияние на его патриотические чувства, но сбрасывать это со счета также нельзя.

Ответы респондентов об их определении своей принадлежности к той или иной этнической группе либо к россиянам логически предполагают анализ ответов респондентов на вопрос, что значит для них быть гражданином России (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Что лично для Вас означает быть гражданином России?» (выборка по возрасту и полу в процентах, *n* = 1780)

Варианты ответов	Всего	По полу		По возрасту		
		Мужчины	Женщины	18–34	35–54	55 и свыше
Быть гражданином России по паспорту	9,3	9,9	9,2	10,1	9,4	9,2
Проживать в России	17,0	17,5	19,9	13,8	20,5	21,3
Иметь гражданские права и нести гражданские обязанности	22,2	7,6	12,8	9,6	11,4	10,3
Быть патриотом, любить свою Россию	21,0	26,2	26,9	29,8	26,6	23,9
Защищать свое государство	9,1	14,0	8,0	13,8	10,1	8,7
Исполнять законы России	13,9	15,5	15,3	12,9	13,3	19,2
Нести ответственность за судьбу страны	7,4	9,4	8,0	10,1	8,7	7,4

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому сумма ответов больше 100 %.

Данные табл. 3 показывают, что среди прочих ответов наибольшее предпочтение респондентами было отдано таким, как «иметь гражданские права и нести гражданские обязанности» (22,2 %), «быть патриотом, любить свою Россию» (21,0 %). Важными для опрошенных при ответе на вопрос «Что для них означает быть гражданином России?» явились такие ответы, как: «проживать в России» (17,0 %), «исполнять законы России» (13,9 %), «защищать свое государство» и «нести ответственность за судьбу страны» (9,1 и 7,4 % соответственно). Анализ ответов респондентов с позиций гендерной принадлежности показывает, что как для мужчин, так и для женщин важным для восприятия себя гражданином России является быть патриотом, любить свою Россию (26,2 и 26,9 % соответственно). Меньше, по сравнению с общими показателями, как среди мужчин, так и женщин тех, кто считает, что для гражданства в России необходимо иметь гражданские права и нести гражданские обязанности (7,6 и 12,8 % соответственно). Для разных возрастных групп быть россиянином означает быть патриотом, любить свою Россию (29,8, 26,6 и 23,9 % соответственно), хотя значимость этого показателя несколько снижается в более старших возрастных группах.

Анализ ответов респондентов с позиции национальной и религиозной принадлежности представлен в табл. 4.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Что лично для Вас означает быть гражданином России?» (выборка по национальной и религиозной принадлежности в процентах, *n* = 1780)

Варианты ответов	Всего	По национальной принадлежности				По религиозному убеждению			
		Русские	Татары	Мордва	Другие	Православные	Мусульмане	Атеисты	Другие
Быть гражданином России по паспорту	9,3	8,9	12,0	10,9	12,0	8,1	11,1	16,8	23,1
Проживать в России	17,0	19,7	14,7	20,7	4,0	18,2	16,3	24,8	26,9
Иметь гражданские права и нести гражданские обязанности	22,2	11,4	8,0	6,5	4,0	10,2	8,1	14,2	15,4
Быть патриотом, любить свою Россию	21,0	26,9	24,7	25,0	28,0	28,4	25,2	15,0	15,4
Защищать свое государство	9,1	9,7	15,3	13,0	12,0	10,7	14,8	8,0	0,0
Исполнять законы России	13,9	15,3	16,0	14,1	20,0	15,4	17,0	14,2	11,5
Нести ответственность за судьбу страны	7,4	8,1	9,3	9,8	20,0	9,0	7,4	7,1	7,7
Другое	0,2								

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому сумма ответов больше 100 %.

Данные таблицы показывают, что представители всех опрошенных этнических групп наиболее значимым назвали необходимость иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, проживать в России, защищать свое государство, исполнять законы России, нести ответственность за судьбу страны. Но наиболее высокие показатели по сравнению с другими для всех этнических групп остается то, что для гражданина России необходимо быть патриотом и любить свою страну (русские – 26,9 %, татары – 24,7 %, мордва – 25,0 %). Если сравнивать с ответами, распределенными по религиозной принадлежности респондентов, то считающих важным быть патриотом и любить свою страну меньше всего у респондентов-атеистов (15,0 %).

Важным фактором, оказывающим влияние на консолидацию российского общества, является ощущение россиян, есть факторы, которые объединяют их со всеми гражданами России (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного больше всего объединяет Вас со всеми гражданами России, со всеми россиянами?» (выборка по возрасту и полу в процентах, *n* = 1780)

Варианты ответов	Всего	По полу		По возрасту		
		Мужчины	Женщины	18–34	35–54	55 и свыше
Территория	36,6	9,9	9,1	9,1	9,2	10,0
Общее государство	59,9	14,9	15,9	13,6	15,9	16,8
Ответственность за судьбу страны	21,0	5,2	5,6	4,4	5,4	6,2
Родственные и дружеские связи	33,3	9,0	8,3	6,7	9,2	9,7
Историческое прошлое	53,9	14,3	13,7	15,3	13,8	12,9
Государственный язык	47,6	13,2	11,6	12,5	12,4	12,0
Культура	50,5	13,1	13,0	12,9	13,9	12,4
Общие символы (флаг, герб)	30,9	8,0	8,0	9,7	7,6	6,9
Обычаи, праздники	39,1	9,1	10,9	11,2	8,9	10,2
Черты характера	12,6	2,9	3,5	4,2	3,0	2,7
Ничего не объединяет	1,6	0,5	0,3	0,4	0,8	0,1

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому сумма ответов больше 100 %.

Если брать данные от общих показателей всей выборки, то больше всего респондентов со всеми гражданами России объединяет общее государство (59,9 %), историческое прошлое (53,9 %), культура (50,5 %), государственный язык (47,6 %) и другие показатели. Только 1,6 % респондентов от общего числа опрошенных считают, что их ничто не объединяет с другими гражданами России. Вместе с тем данные ответов как по гендерному признаку, так и по признаку возрастного распределения показывают разбросанный характер мнения как мужчин, так и женщин. Ту же картину можно наблюдать в ответах в выборке по национальной и религиозной принадлежности (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного больше всего объединяет Вас со всеми гражданами России, со всеми россиянами?» (выборка по национальной и религиозной принадлежности в процентах, *n* = 1780)

Варианты ответов	Всего	По национальной принадлежности				По религиозному убеждению			
		Русские	Татары	Мордва	Другие	Право-славные	Мусуль-мане	Атеисты	Другие
Территория	36,6	9,2	10,4	10,3	10,7	8,8	10,0	12,7	18,4
Общее государство	59,9	14,9	18,1	20,6	13,1	14,9	19,5	15,5	18,4
Ответственность за судьбу страны	21,0	5,2	6,9	3,7	9,5	5,6	6,1	3,6	4,1
Родственные и дружеские связи	33,3	8,3	8,5	11,8	10,7	8,8	9,1	6,8	6,1
Историческое прошлое	53,9	14,0	15,4	11,8	11,9	13,8	15,2	14,1	12,2
Государственный язык	47,6	13,0	10,8	7,4	9,5	12,3	10,8	14,1	10,2
Культура	50,5	13,5	10,0	12,5	13,1	13,2	10,8	14,5	10,2
Общие символы (флаг, герб)	30,9	7,5	10,0	10,3	8,3	7,8	9,5	7,7	8,2
Обычаи, праздники	39,1	10,5	6,5	10,3	10,7	11,1	6,1	5,9	8,2
Черты характера	12,6	3,4	3,5	1,5	2,4	3,3	3,0	3,6	2,0
Ничего не объединяет	1,6	0,5	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	1,4	2,0

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому сумма ответов больше 100 %.

Необходимо отметить весьма критическую оценку респондентов по поводу характеристик современного российского общества. Так, всего третья часть опрошенных респондентов (32,22 %) отмечают, что современное российское общество характеризуется согласием, сплоченностью. В то же время для 36,83 % опрошенных характеристикой современного российского общества является разобщенность, несогласие.

Довольно большое количество респондентов вообще не смогли ответить на этот вопрос (27,14 %). Оценки современного российского общества мужчинами и женщинами совпадают с показателями, полученными от общего числа опрошенных. Анализ ответов респондентов по возрастным характеристикам показал, что больше половины респондентов в группе от 18 до 34 лет (51,67 %) считают разобщенность и несогласие характеристикой современного российского общества. В остальных возрастных группах мнение в основном совпадает с общими данными. Также совпадают характеристики современного российского общества с данным общим числом опрошенных и респондентами из выборки по национальной и религиозной принадлежности.

Таким образом, влияние этнических и социальных факторов на формирование патриотизма жителей Пензенской, Саратовской, Ульяновской областей и в Республике Татарстан проявляется в самых разных формах. Прежде

всего это проявляется в осознании себя не только членом своей этнической группы, но и, что очень важно, представителем в целом такого сообщества, как россияне. Условия совместного проживания, необходимость решать жизненно важные вопросы вызывают потребность в формировании устойчивых положительных отношений между представителями различных наций. Осознание общего исторического прошлого, общего государства, единой территории, различной по форме национальной, но общей по содержанию культуры, владение русским языком как государственным для подавляющего большинства россиян, но при этом использование и своего национального языка не только на обыденном уровне вызывают чувство ответственности за судьбу своей страны, патриотическое отношение к свой Родине. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что, несмотря на проявление отдельных негативных моментов в восприятии общих целей и задач для некоторой части россиян, на современном этапе в жизни российского общества как в отдельных многонациональных субъектах, так и в целом в России присутствует процесс его консолидации.

Список литературы

1. **Кошарная, Г. Б.** Ценностные основы консолидации населения России / Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1.
2. **Толубаева, Л. Т.** Формирование патриотизма современной молодежи в условиях доступности СМИ / Л. Т. Толубаева // Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне : сб. науч. тр. : в 2 ч. – Ульяновск, 2015.
3. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : РОССПЭН, 2013.
4. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.]. – М. : Весь Мир, 2015.
5. **Ядов, В. А.** Трансформации российских социальных институтов / В. А. Ядов // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. А. Ядова. – М. : Флинта : МПСИ, 2005.
6. **Лапин, Н. И.** Модернизация базовых ценностей россиян / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 1996. – № 5.
7. **Лапин, Н. И.** Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти / Н. И. Лапин // IX Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – М. : ГУ ВШЭ, 2007.

References

1. Kosharnaya G. B., Korzh N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 1.
2. Tolubaeva L. T. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne: sb. nauch. tr.: v 2 ch.* [International scientific and practical conference devoted to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: collected papers: in 2 parts]. Ulyanovsk, 2015.
3. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil, ethnic and regional identity: easterday, today, tomorrow]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow: ROSSPEN, 2013.
4. Gorshkov M. K. et al. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya* [Russian society and challenges of times. Book 2]. Moscow: Ves' Mir, 2015.

5. Yadov V. A. *Sotsial'nye transformatsii v Rossii: teorii, praktiki, sravnitel'nyy analiz* [Social transformations in Russia: theories, practices, comparative analysis]. Moscow: Flinta : MPSI, 2005.
6. Lapin N. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1996, no. 5.
7. Lapin N. I. *IX Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [IX International scientific conference on development problems of economics and society]. Moscow: GU VShE, 2007.

Кошарная Галина Борисовна
доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Kosharnaya Galina Borisovna
Doctor of sociological sciences, professor, head of sub-department of sociology and human resource management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: k-galina1@yandex.ru

Толубаева Людмила Тимофеевна
кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Tolubaeva Lyudmila Timofeevna
Candidate of philosophy, associate professor, sub-department of sociology and human resource management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: tltg@mail.ru

Редя Галина Павловна
кандидат психологических наук, доцент, кафедра социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Redya Galina Pavlovna
Candidate of psychological sciences, associate professor, sub-department of sociology and human resource management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: Redya58@yandex.ru

УДК 316
Кошарная, Г. Б.
Соотношение этнических и социальных факторов в формировании патриотизма жителей полиэтнических регионов Поволжья / Г. Б. Кошарная, Л. Т. Толубаева, Г. П. Редя // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 108–120. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-11

УДК 316.334.2
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-12

М. Э. Елютина, Ю. Э. Андронова

ПРАКТИКИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация.

Актуальность и цели. Практики благотворительности в сфере предпринимательства являются эффективным механизмом социального научения, помощи и источником финансовых средств, направленных на решение социальных проблем общества, механизмом смягчения социальной напряженности. Актуальность изучения гендерных различий благотворительной деятельности в среде предпринимателей обусловлена необходимостью поиска мобилизационных ресурсов для активизации их благотворительных инициатив и практик в условиях реформирования системы социальной поддержки и защиты населения. Цель работы – выделить и охарактеризовать гендерные различия практик благотворительности в предпринимательстве.

Материалы и методы. Эмпирическую базу представляют глубинные интервью, проведенные среди мелких и средних предпринимателей (n = 24) по месту их работы. Исследование проводилось в г. Саратове в период с января по апрель 2016 г. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы).

Результаты. В рамках качественного авторского исследования определяются гендерные особенности содержательного наполнения практик благотворительности. Выделены субъектная направленность благотворительной деятельности, а также факторы риска предпринимательской благотворительности в гендерном аспекте.

Выводы. Гендерная дифференциация практик предпринимательской благотворительности касается их содержательно-структурных характеристик: направленности благотворительной социальной помощи и поддержки, выбора объекта благотворительности, средств реализации благотворительной активности. В качестве основных факторов риска предпринимательской благотворительности названы недоверие к благотворительным фондам, а также недостаток экономических и правовых стимулов для развития системы участия предпринимателей в благотворительной деятельности.

Ключевые слова: предпринимательство, гендер, благотворительность, меценатство.

M. E. Elutina, Yu. E. Andronova

CHARITY PRACTICES IN ASSESSMENTS OF ENTREPRENEURS: A GENDER ASPECT

Abstract.

Background. Charity practices in the field of entrepreneurship is an effective mechanism of social learning, support and a source of funds to address social problems, a mechanism to mitigate social tensions. The relevance of the study of gender differences in charitable activities among businessmen is caused by the need to search for the mobilization of resources to enhance their charitable initiatives and practices in terms of reforming the system of social support and protection of the

population. The purposeof the study is to identify and characterize gender differences in charity practices of business people.

Materials and methods. The empirical base consisted of in-depth interviews conducted among small and medium-sized enterprises (n = 24) at their places of work. The study was conducted in the city of Saratov in the period from January to April 2016. The number of respondents was conditioned by the saturation of the coding categories (interviewing new respondents couldn't give researchers a new understanding to disclose the topic).

Results. The qualitative authors' study defines a gender-specific substantive content of charity practices. The article distinguishes a subjective orientation of charitable activities, as well as charity risk factors for business from a gender perspective.

Conclusions. Gender differentiation of charity practices by business people relates to their content-structural characteristics: orientation of charitable social assistance and support, choice of an object for charity, means of implementation of charitable activities. The main risk factors of business charity are a distrust to charitable foundations as well as a lack of economic and legal incentives to develop a system of entrepreneurs' participation in charitable activities.

Key words: entrepreneurship, gender, charity, philanthropy.

Предпринимательская деятельность является важным элементом рыночной экономики и обеспечивает экономический рост, производство разнообразных товаров, призванных удовлетворить качественно изменяющиеся потребности социума, его различных слоев и индивидов. В условиях экономического кризиса в России ограничены возможности государства в проведении активных общественных преобразований. Предпринимательская благотворительность способна результативно справляться с решением важных социальных проблем общества.

В соответствие с Федеральным законом от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» под благотворительностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по безвозмездной передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной помощи [1]. Отметим, что концепт благотворительности всегда нормативно нагружен в направлении добровольной помощи другим лицам за счет собственного благосостояния и (или) свободного времени при условии, что оказание этой помощи не наносит вреда другим лицам и осуществляется в рамках закона. Для нас особый интерес представляет рассмотрение гендерного аспекта практик благотворительности среди мелких и средних предпринимателей.

Гендерная тематика становится фундаментальным трендом научных исследований на индивидуальном уровне, в семье, и на макроуровне – в обществе. В работах С. Барсуковой [2], Л. Бабаевой [3], Е. Мезенцевой [4] анализируются важные аспекты женского предпринимательства: карьера, занятость, сфера деятельности. Результаты исследований фиксируют рост числа женщин, вовлеченных в предпринимательскую деятельность, что не соответствует традиционному представлению о распределении социальных ролей [5]. При этом отмечается, что социальная ответственность женщин в предпринимательстве выше, чем у мужчин. Проявлением этой социальной ответственности является, с одной стороны, ориентация на гуманный менеджмент, учи-

тывающий человека во всех его проявлениях, с другой – выраженная ориентация на социальную помощь. Женщины все чаще становятся организаторами, лидерами, штатными сотрудниками и активистами благотворительных организаций, представляют собой добровольный неоплачиваемый актив волонтеров [6].

Тем не менее практики предпринимательской благотворительности с точки зрения гендерного анализа остаются мало изученным вопросом, что и обусловливает интерес к выбранной проблеме.

Эмпирическая база представлена авторским качественным исследованием, проведенным в период с января по апрель 2016 г. в г. Саратове. Глубинные интервью проводились с мелкими и средними предпринимателями (n = 24) по месту работы. При формировании выборки мы руководствовались основным критерием идентификации представителей малого и среднего предпринимательства, установленным ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»[1]. Применялся метод «снежного кома», когда каждому информанту в конце интервью был задан вопрос: «Можете ли Вы порекомендовать предпринимателя из своего окружения?». Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). Интервью имели различную длительность – от 35 до 55 минут. При проведении интервью сложность состояла в жестком ограничении времени интервью со стороны респондентов.

По результатам нашего исследования, респонденты определяют благотворительность как универсальную общечеловеческую ценность, являющуюся одним из основных атрибутов гражданского общества:

По сути, благотворительность – это любая безвозмездная помощь, в первую очередь, конечно, помощь детям, инвалидам, животным бездомным, волонтерские организации (женщина, 1981 г.р.).

В то время как женщины понимают под благотворительностью любую безвозмездную помощь, мужчины акцент делают главным образом на материальной помощи. Эту мысль в концентрированном виде выразил респондент, выделивший в качестве основного содержания благотворительной деятельности факт перечисления денег:

Благотворительность – это перечисление денег на счет инвалидов, воспитанников детских домов, другими словами, материальная помощь (мужчина, 1960 г.р.).

Необходимым условием благотворительности является, по мнению опрошенных женщин-предпринимателей, не только наличие материальных и иных ресурсов, но и времени, которое может быть потрачено на помощь и поддержку:

Благотворительность – это помощь в разном ее понимании. Например, даже сдать кровь – это уже сделать благое дело нуждающимся. Часто бывает, что есть желание, но нет свободного времени (женщина, 1973 г.р.).

[1] Единый инвестиционный портал. – URL: http://investmoscow.ru/investor-guide/small-and-medium-business/which-business-is-small-or-medium/ (дата обращения: 23.09.2015).

Респондентки подчеркивали тот факт, что из-за нехватки времени, связанной главным образом с традиционной несбалансированностью профессиональных и семейных обязанностей, они не могут построить разумной стратегии благотворительной деятельности:

У меня ребенок еще несамостоятельный. Я целый день работаю. Хорошо, что мама по хозяйству помогает. Не получается везде успевать. Потому и благотворительность у меня какая-то фрагментарная. Я абсолютно не жадная, могу подать женщине на улице, если вижу бабушку, то даже не задумываюсь. Есть деньги, их и подаю. Считаю, что лучше ей подать, чем отдать непонятно на что (женщина, 1980 г.р.).

Как показали результаты нашего исследования, гендерные различия проявились в объектах адресации благотворительной деятельности. Дети, пожилые люди, инвалиды, животные являются главными адресатами благотворительности опрошенных женщин-предпринимателей, другими словами, их усилия в первую очередь направлены на решение первостепенных социальных проблем, имеющих непосредственное отношение к жизни и здоровью самых нуждающихся и незащищенных слоев населения и животных. Деятельность, которая связана с развитием культуры, искусства, а также с образованием, научными исследованиями, оказалась более значима для мужчин-предпринимателей:

Считаю полезным помогать в получении среднего и высшего образования, содействовать в развитии искусства, научных исследований в перспективных областях (мужчина, 1971 г.р.).

По результатам исследования, мужчины не склонны скрупулезно считать деньги, выделенные на благотворительную деятельность:

Если уж я безвозмездно помогаю нуждающимся, то я не задумываюсь о сумме пожертвования. Хочу, чтобы мой денежный вклад был заметен (мужчина, 1989 г.р.).

Этот факт подтвержден и другими авторами, указывающими на дух соперничества в сфере благотворительности. Суммы пожертвований мужчин на благотворительность могут зависеть и от привлекательности нуждающегося человека[1].

В представлениях наших респонденток благотворительность неразрывно связана с такими качествами, как *«чувство совести», «ответственность», «сострадание», «нравственный долг»*:

Я где-то прочитала правильную мысль о том, что человек больше богатства. Он потому и человек, что может не только думать о своем комфорте, но и помогать тем, кто его лишен. Это его нравственный долг (женщина, 1973 г.р.).

Благотворительность, по мнению респонденток, инициируется религиозными убеждениями, где любовь к ближнему – это в первую очередь накормить голодного, напоить жаждущего. Благотворительность в религиозном аспекте является необходимым условием личного нравственного здоровья:

Я отношу себя к верующим и считаю, что вера в Бога и благотворительность неразрывно связаны. Стараюсь проявлять милосердие и справедливость и соблюдать каноны Библии (женщина, 1968 г.р.).

---

[1] Материалы портала «Научная Россия». – URL: http://scientificrussia.ru/articles/muzhchiny-i-blagotvoriteljnostj (дата обращения: 12.05.2016).

Исследователи отмечают, что религия в жизни женщин, как правило, играет большую роль, нежели в жизни мужчин[1].

Респонденты же полагают, что участие в благотворительных акциях в большей степени зависит от индивида и институциальных опций, а не от традиций. По нашим данным, мужчины подходят к благотворительности более рационально, ее реализация должна быть, по их мнению, упорядочена с *«точки зрения преференций»*. Для них значимыми оказались конкретные и ощутимые результаты благотворительной деятельности. В качестве такого результата респондент указал на подтверждение своих возможностей в предпринимательской деятельности:

Если я реализую какие-либо благотворительные инициативы, то я делаю вывод – дела мои идут в гору, я успешный предприниматель, у меня есть потенциал (мужчина, 1968 г.р.).

В данном случае благотворительность рассматривается как институциальный инструмент повышения удовлетворенности собственным предпринимательским проектом. Результаты исследований других авторов фиксируют тот факт, что мужчин в большей степени, чем женщин, привлекают бонусы и положительный общественный резонанс их благотворительных акций[2].

Мы попытались также выяснить факторы, препятствующие участию в благотворительной деятельности. Респонденты указали на следующие моменты.

Во-первых, масштабы благотворительной помощи зависят от доходности предпринимательской деятельности:

Если я являюсь предпринимателем, это еще не говорит о том, что у меня есть лишние деньги. Я вынужденно занимаюсь своим бизнесом, так как жить нужно на что-то, семью кормить (женщина, 1960 г.р.).

У крупных предпринимателей больше ресурсов для систематической материальной и иной помощи, чем у представителей мелкого и среднего бизнеса. Среди мелких предпринимателей России немало представителей так называемого «вынужденного предпринимательства»: спасаясь от безработицы и нищеты в современной России, люди становятся «самозанятыми» какой-либо коммерцией. Торговое дело мелких бизнесменов фактически выживает на рынке, сами они зачастую сводят концы с концами. Таким предпринимателям нередко и самим требуется благотворительная помощь[3].

Во-вторых, фактором риска для благотворительной деятельности, по мнению респондентов, как мужчин, так и женщин, выступает недоверие к деятельности общественных благотворительных фондов и организаций:

Я думаю, что благотворительные фонды созданы все же для отмывания денег. Мне рассказывали, что сотрудники фонда берут лучшее из гуманитарной помощи себе. Ну как после этого доверять этим фондам?!» (мужчина, 1974 г.р.).

---

[1] Религиозность россиян и европейцев. – URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/96/2010_2(96)_10_Kofanjva.pdf (дата обращения: 14.05.2016).

[2] Добровольчество в России: потенциал участия молодежи. – URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111713 (дата обращения: 12.05.2016).

[3] Женщины в благотворительных организациях России. – URL: http://www.a-z.ru/women/texts/zelikovar.htm (дата обращения: 19.05.2016).

В качестве причин недоверия к деятельности благотворительных фондов респонденты назвали: «непрозрачность их деятельности», «ощущение виртуальности», «не во всех случаях можно убедиться, что переведенные средства дошли до адресата», «инициируется чувство неловкости из-за небольшого пожертвования». Респонденты указали на стремление помогать нуждающимся людям напрямую, без каких-либо посредников:

Я верю больше своим знакомым. Если они говорят про конкретного человека, о том, что он нуждается в помощи, то я помогаю. А благотворительные организации – это отмывание денег» (мужчина, 1984 г.р.).

Как показало наше исследование, женщины в большей степени склонны к сотрудничеству с благотворительными организациями, чем мужчины, так как, по их мнению, «эти организации выполняют свое предназначение и заточены на оказание помощи и поддержки».

В-третьих, в качестве фактора, препятствующего участию в благотворительной деятельности, респонденты назвали несовершенство нормативно-правовой базы и системы налогообложения для благотворителей. Отметим, что законодательство о благотворительной деятельности состоит из соответствующих положений Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, Закона о благотворительности и иных федеральных законов и законов субъектов РФ. Так, в Конституции сказано, что благотворительность поощряется, однако уточнения данной формулировки нет [7]. Нет также ясности, в чьи обязанности входит поощрение благотворительности. Следовательно, функция поощрения такого рода деятельности ни за одним государственным органом не закреплена. В соответствие с Налоговым кодексом РФ расходы, связанные с осуществлением благотворительной деятельности, не учитываются. С точки зрения исчисления и уплаты налога на прибыль организациям невыгодно заниматься благотворительной деятельностью. Большинство опрошенных мужчин-предпринимателей подчеркивали значимость получения налоговых вычетов при осуществлении благотворительной деятельности:

Моя организация не является благотворителем, но благотворительную помощь, бывает, я оказываю. А вот с системой налогообложения у нас в стране все сложно… Для государства важно участие граждан в благотворительности, а вот меры по получению налоговых вычетов не принимаются (мужчина, 1989 г.р.).

В-четвертых, информанты отметили отсутствие информационной и пропагандистской поддержки благотворительной деятельности:

На мой взгляд, было бы эффективно, если на местном телевидении говорили в разы чаще, что сегодня, мол, такой-то гражданин купил игрушки в детский дом и показали бы видеоотчет. Это образец для общества, каким нужно быть (женщина, 1987 г.р.).

Коммерциализация деятельности СМИ привела к удалению «коммерчески невыгодных» тем. В связи с этим актуальной остается необходимость поддержки государством информационной активности в области освещения социально значимых тем, в том числе путем предоставления грантов на информационные и пропагандистские компании [8]. К примеру, всероссийский телемарафон «Всем миром», прошедший 29 сентября 2013 г., собрал более

830 млн рублей, которые были распределены среди жертв наводнения на Дальнем Востоке[1]. По мнению информантов, необходимы меры, направленные на активизацию мотивации предпринимателей к заботе не о своем материальном благе, а об имидже своей нравственно оправданной в глазах большинства населения деятельности.

В целом гендерные особенности являются одним из основных факторов, оказывающих влияние на участие в благотворительности. Исходя из результатов нашего исследования, можно сделать вывод о наличии выраженной восприимчивости женщин-предпринимателей к участию в благотворительной деятельности. Их мотивация основывается главным образом на этических ценностях и имеет ярко выраженную эмоциональную составляющую. Для мужчин-предпринимателей важны прагматические моменты, основанные на рациональном сопоставлении ожидаемых издержек и выгод при различных вариантах благотворительной активности, связанные с имиджем, конкурентоспособностью, рейтингом. На сегодняшний день в России отсутствует прозрачность деятельности благотворительных фондов, что, соответственно, вызывает недоверие у большинства предпринимателей; имеется дефицит экономических и правовых стимулов для развития системы участия предпринимателей в благотворительной деятельности. Формирование этих стимулов – задача органов местной власти, профессионального образования и местного сообщества, постепенно вырабатывающего механизмы этической регуляции деятельности индивидов и профессиональных групп в условиях рыночной экономики, культурного и политического плюрализма.

Список литературы

1. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях : Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
2. **Барсукова, С. Ю.** Специфика женского предпринимательства. Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России / С. Ю. Барсукова. – М., 1999.
3. **Бабаева, Л. В.** Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь / Л. В. Бабаева // Российский общественный научный фонд. Научные доклады. – М., 1996.
4. **Мезенцева, Е. Н.** Трудовые права в современном российском контексте / Е. Н. Мезенцева // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. – М. : МЦГИ, 1998.
5. **Мельник, А. С.** Карьера руководителя в современных российских условиях: гендерный аспект : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.06 / Мельник А. С. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
6. **Климова, С. В.** Предпринимательство России в постсоветском контексте: социологические параметры / С. В. Климова // Повседневная жизнь россиян: социологический дизайн : материалы науч.-практ. конф. «Дыльновские чтения». – Саратов : Наука, 2014. – С. 407–411.
7. **Сулакшин, С. С.** Социальная доктрина. Макет-проект / С. С. Сулакшин. – М. : Научный эксперт, 2010. – С. 164.

[1] Официальный сайт Первого канала. О проекте «Всем миром». – URL: http://www.1tv.ru/sprojects_in_detail/si=5934 (дата обращения: 25.09.2015).

8. **Вострухова, В. Н.** Социокультурная регуляция благотворительной деятельности в современных российских бизнес-процессах / В. Н. Вострухова. – М. : МГИМО, 2006. – 142 с.

References

1. *O blagotvoritel'noy deyatel'nosti i blagotvoritel'nykh organizatsiyakh : Federal'nyy zakon ot 11.08.1995 № 135-FZ (red. ot 05.05.2014)* [On charitable activites and charitable organizations: the Federal law from 11.08.1995 № 135-FZ (revised on 05.05.2014)]. RRS «ConsultantPlus».
2. Barsukova S. Yu. *Spetsifika zhenskogo predprinimatel'stva. Sposoby adaptatsii naseleniya k novoy sotsial'no-ekonomicheskoy situatsii v Rossii* [A specific character of woman' entrepreneurship. Population's adaptation means to a new socioeconomic situation in Russia]. Moscow, 1999.
3. Babaeva L. V. *Rossiyskiy obshchestvennyy nauchnyy fond. Nauchnye doklady* [Russian public scientific foundation. Scientific reports]. Moscow, 1996.
4. Mezentseva E. N. *Prava zhenshchin v Rossii: issledovanie real'noy praktiki ikh soblyudeniya i massovogo soznaniya* [Rights of women in Russia: a research of real practice of observance thereof and mass conscience]. Moscow: MTsGI, 1998.
5. Mel'nik A. S. *Kar'era rukovoditelya v sovremennykh rossiyskikh usloviyakh: gendernyy aspekt: avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk: 22.00.06* [The top manager carrier in modern Russian conditions: a gender aspect: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of sociological sciences]. Ekaterinburg, 2004, 22 p.
6. Klimova S. V. *Povsednevnaya zhizn' rossiyan: sotsiologicheskiy dizayn: materialy nauch.-prakt. konf. «Dyl'novskie chteniya»* [Everyday life of Russian: a sociological design: proceedings of the scientific and practical conference "Dilnovskie readings"]. Saratov: Nauka, 2014, pp. 407–411.
7. Sulakshin S. S. *Sotsial'naya doktrina. Maket-proekt* [The social doctrine. A sample project]. Moscow: Nauchnyy ekspert, 2010, p. 164.
8. Vostrukhova V. N. *Sotsiokul'turnaya regulyatsiya blagotvoritel'noy deyatel'nosti v sovremennykh rossiyskikh biznes-protsessakh* [Sociocultural regulation of charitable activities in modern Russia business processes]. Moscow: MGIMO, 2006, 142 p.

Елютина Марина Эдуардовна
доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
социологии социальной работы,
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

Elutina Marina Eduardovna
Doctor of sociological sciences, professor,
head of sub-department of social work
sociology, Saratov National Research
State University named after
N. G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

E-mail: elutina133@mail.ru

Андронова Юлия Эдуардовна
аспирант, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

Andronova Yuliia Eduardovna
Postgraduate student, Saratov National
Research State University named after
N. G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

E-mail: Andronova.91@inbox.ru

УДК 316.334.2
Елютина, М. Э.
Практики благотворительности в оценках предпринимателей: гендерный аспект / М. Э. Елютина, Ю. Э. Андронова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 121–129. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-12

УДК 316.334.2
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-13

Н. Н. Ивашиненко, М. Л. Теодорович

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СИСТЕМЕ МЕР МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

Аннотация.

Актуальность и цели. Развитость инфраструктуры регионов является важнейшим фактором, влияющим на качество жизни населения, уровень бизнес-активности и направления миграции наиболее активных социальных групп. Правительства разных стран используют широкий спектр моделей государственно-частного партнерства (далее ГЧП). С одной стороны, направленность ГЧП совпадает со спецификой целей и задач государственной молодежной политики в плане стратегической перспективы и инновационности. С другой стороны, молодежь относится к низкоресурсной материальной группе с высоким уровнем изменчивости запросов, неспособной обеспечить рыночную окупаемость инвестиционных проектов. Возникающее противоречие требует анализа проблем и перспектив использования ГЧП в сфере реализации мер молодежной политики для совершенствования имеющихся механизмов партнерства.

Материалы и методы. Анализ существующих практик применения ГЧП был осуществлен на базе глубинных полуструктурированных интервью с представителями экспертного сообщества: представителями законодательных и исполнительных органов власти региона, вовлеченных в процесс регулирования и продвижения ГЧП; бизнесменами, принимавшими или планировавшими принять участие в инвестиционных конкурсах; а также руководителями молодежных некоммерческих организаций, участвующих в проектах партнерства.

Результаты. Изучена специфика применения ГЧП для реализации мер молодежной политики. Проанализированы векторы направленности интересов участников данного партнерства с описанием их социальных ролей и функций. Выявлены слабые и сильные стороны различных форм партнерства и описаны направления их совершенствования.

Выводы. Использование ГЧП для реализации молодежной политики тесно взаимосвязано со стратегией развития региона. Внедрение ГЧП в молодежную политику нуждается в увеличении стратегического горизонта планирования всех участников. Отношение к молодежи как капиталу региона, вложение в ее развитие требует принципиальной смены схемы идеологии инвестиционного развития региона. Молодежным общественным организациям в механизме ГЧП отводится роль медиаторов между бизнесом, нуждающимся в аргументах прибыльности, и органами власти, говорящими на языке социальной значимости.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, формы и методы реализации ГЧП, молодежная политика региона.

N. N. Ivashinenko, M. L. Teodorovich

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE REGIONAL YOUTH POLICY

Abstract.

Background. The maturity of regional infrastructure is a crucial factor influencing the quality of people's lives, the level of business activity and the destination of migration of the most active social groups. Governments of various states use

a broad range of models of public-private partnership (PPP). On the one hand, the PPP orientation agrees with the specific character of goals and objectives of the state youth policy regarding strategic prospectives and innovations. On the other hand, the you belongs to a low-resource financial group with a high level of needs changeability that is incapable of providing market recoupment of investment projects. The contradictions occurred require an analysis of PPP problems and application prospects in the field of youth policy measures implementation in order to improve the existing mechanisms of partnership.

Materials and methods. The analysis of the existing practices of PPP implementation was carried out on the basis of deep semi-structured interviews with the expert community: representatives of legislative and executive regional bodies, involved in regulation and promotion of PPP; busenissmen who took part or planned to take part in investment tenders; as well as leaders of youth nonprofit organizations participating in partnership projects.

Results. The authors studied the specific character of PPP application for realization of youth policy measures, analyzed the interest focuses of participants of the said partnership describing their social roles and functions and revealed weak and strong sides of various form of partnership specifiying the ways of improvement thereof.

Conclusions. The application of PPP for realization of the youth policy is closely interconnected with strategies of regional development. PPP's adoption into the youth policy requires intensified strategic planning by all participants. Treating the youth as a regional capital, investing into its development require a fundamental change of the ideological scheme of regional investment development. In the PPP mechanism youth public organizations are to act as mediators between business demanding proofs of profitability and the authorities speaking the language of social importance.

Key words: public-private partnership, forms and methods of PPP, regional youth policy.

Качество инфраструктуры является основанием для стабильного экономического роста регионов и основным фактором конкурентоспособности территорий, выбираемых молодежью для своей будущей жизнедеятельности. Слаборазвитая инфраструктура является одной из основных причин ухудшения качества жизни населения, снижения бизнес-активности и начала миграции наиболее активных социальных групп [1]. Инфраструктурные проекты, подразумевающие высокий уровень инвестиционных затрат, тем не менее имеют значительный стратегический эффект для социального развития. Рост инвестиций в инфраструктуру оказывает наибольшее влияние на благосостояние бедных слоев населения, чей уровень доходов с улучшением инфраструктурной обеспеченности увеличивается быстрее, чем растут общие доходы населения[1]. В первую очередь это сказывается на качестве жизни молодежи, как одного из основных потребителей услуг социально-культурной сферы. Несмотря на значимость государственного финансирования предоставляемых инфраструктурных услуг в разных странах, временной разрыв между осуществляемыми вложениями и длительностью их окупаемости приводит к тому, что спрос на масштабные и длинные инвестиции до сих пор остается неудовлетворенным. Правительства разных стран используют раз-

[1] World Bank. Infrastructure at the Crossroad: lesson learned from 20 years of World Bank experience. – 2006.

личные методы повышения эффективности производства и предоставления инфраструктурных услуг [2].

Государственно-частное партнерство (ГЧП) может выступать одним из инструментов, позволяющих увеличивать объем инвестиций в инфраструктуру и повышать их эффективность. С одной стороны, направленность данного инвестиционного инструмента совпадает со спецификой целей и задач государственной молодежной политики в плане стратегической перспективы и инновационности. С другой стороны, молодежь по своему положению и социальному статусу относится к низкоресурсной материальной группе с высоким уровнем изменчивости запросов, что делает ее неспособной обеспечить рыночную окупаемость инвестиционных проектов. Возникающее противоречие требует анализа проблем и перспектив использования ГЧП в сфере реализации мер молодежной политики для совершенствования имеющихся механизмов партнерства.

Становление государственно-частного партнерства в России является динамичным, быстро развивающимся процессом. Основной характеристикой, влияющей на его изучение, является отсутствие устоявшихся институциональных правил[1]. Практика регулирования ГЧП в Нижегородской области базировалась на законе Нижегородской области № 40-З «Об участии Нижегородской области в государственно-частном партнерстве», принятом Законодательным собранием области 25 февраля 2010 г.

В соответствие с этим законом «*государственно-частное партнерство – взаимовыгодное сотрудничество Нижегородской области с частным партнером на основе соглашения в целях создания, реконструкции, модернизации, обслуживания или эксплуатации объектов социальной и инженерной инфраструктуры, обеспечения в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Нижегородской области эффективного использования имущества, находящегося в государственной собственности Нижегородской области*».

На момент проведения исследования[2] в Государственной Думе Российской Федерации на рассмотрении находился проект федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации 1245п-П13». В данном законопроекте ГЧП трактуется более конкретно, взаимоувязываясь с определенными договорными отношениями, конкурсными процедурами и обязательствами сторон. «Под государственно-частным партнерством в целях настоящего Федерального закона понимается взаимодействие публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, осуществляемое на основании заключенного по результатам конкурсных процедур соглашения о государственно-частном партнерстве, на-

[1] Анализ проблем и перспектив развития государственно-частного партнерства в России. – URL: http://www.pppinrussia.ru/main/publications/investigations/issledovaniya/closeup/49 (дата обращения: 20.04.2014).

[2] Статья написана на базе материалов проекта «Исследование опыта взаимодействия и анализ результатов государственно-частного партнерства при реализации проектов и программ в сфере государственной молодежной политики», проведенного в рамках государственного задания Министерства образования, ДПННиТ № 6.8005.2013. В ходе интервьюирования приняли участие 23 эксперта, в состав которых вошли представители органов власти, бизнеса и общественных организаций.

правленного на повышение качества и обеспечение доступности предоставляемых услуг населению, а также на привлечение в экономику частных инвестиций, в соответствии с которым частный партнер принимает на себя обязательства в соответствии с частью 11 настоящей статьи, а публичный партнер принимает на себя обязательства в соответствии с частью 9 настоящей статьи».

В качестве основных целей ГЧП на уровне закона Нижегородской области были закреплены «1) повышение доступности и улучшение качества услуг, предоставляемых потребителям услуг с использованием объектов социальной и инженерной инфраструктуры, за счет привлечения частных инвестиций в создание, реконструкцию, модернизацию, обслуживание или эксплуатацию объектов социальной и инженерной инфраструктуры; 2) обеспечение эффективности использования имущества, находящегося в государственной собственности Нижегородской области».

Закрепленное законодательно определение ГЧП и обозначенные цели задают рамки, которые очерчивают место данного механизма в системе мер молодежной политики региона. Сквозь призму законодательства о ГЧП молодежь может выступать как социальная группа в качестве:

– потребителя услуг, на повышение доступности или качества которых направлены усилия госорганов;

– общественного заказчика на социальный объект, создание, реконструкция, модернизация, обслуживание или эксплуатация которого отвечает ее интересам;

– потенциального пользователя инженерной инфраструктуры, способствующей повышению качества жизни, окружающей среды.

В этом случае отдельный вопрос представляет определение демографических границ молодежной группы и специфики ее интересов.

Вторым программным документом региона, формирующим пространство молодежных практик, является «Стратегия государственной молодежной политики Нижегородской области до 2020 года», утвержденная постановлением Правительства Нижегородской области № 934 от 21 ноября 2011 г. «Стратегия ориентирована преимущественно на граждан Российской Федерации, проживающих на территории Нижегородской области, в возрасте от 14 до 30 лет, в том числе на молодые семьи в возрасте до 35 лет. В качестве стратегической базы реализации государственной молодежной политики в Нижегородской области предлагается модель социализации, включающая в себя семь приоритетных направлений: Семья; Здоровый образ жизни; Образование; Профессиональная самореализация; Качественная среда обитания; Нравственность; Солидарность и социальная активность. По каждому из направлений разработана система индикаторов достижения поставленных целей».

Эксперты, участвовавшие в обсуждении применения механизма ГЧП для реализации мер государственной политики, были в разной степени знакомы с содержанием обоих документов, как законодательств ГЧП, так и Стратегии молодежной политики – 2020. Тем не менее круг обсуждаемых вопросов может быть первично структурирован вокруг уже созданных документов с целью выяснения их сильных и слабых сторон.

Специфика применения ГЧП для реализации молодежной политики

В качестве принципиальных отличий использования ГЧП для реализации мер молодежной политики от других сфер, по мнению экспертов, были отмечены самые разнообразные моменты, начиная от специфики стратегирования, заканчивая анализом конкретных проектов. Реализация молодежной политики тесно связана со стратегией развития региона в целом и расстановкой стратегических приоритетов в части, определяющей, какие социальные услуги, предоставляемые населению, должны быть приоритетными. Если проблемы развития городской инфраструктуры являются общепризнаваемыми, вызывающими поддержку со стороны различных социальных групп, то меры, направленные на развитие молодежной сферы, наталкиваются на непонимание, противопоставление «развлечений и спасения голодающих».

Эксперт, представитель крупного бизнеса*: *«Вы знаете, есть профиль, но среди молодежи я таких не видел. Вы понимаете, у них должна быть какая-то своя компетенция, которой нет у меня. Вот мы иногда, например, взаимодействуем с Обществом инвалидов, с Обществом ветеранов тех или иных муниципалитетов. Почему? Потому что у них есть компетенция. Они знают эту аудиторию, они имеют контакты с теми, на кого это ориентировано, и они имеют навыки общения с ними, навыки организации тех или иных акций, мероприятий для вот этих групп людей. Если я хочу помогать этим, я понимаю, почему они мне нужны. А чтобы молодежное какое-то НКО – она мне для чего?».

Как показывает анализ экспертного пространства, часть элиты региона продолжает жить в режиме антикризисного управления, пытающегося решать тактические задачи в ущерб стратегическим. Эксперты отмечают политизированность принимаемых социальных решений и расставляемых приоритетов. Несмотря на значимость молодежной проблематики, основным электоратом регионов выступает старшее поколение, на интересы которых во многом и ориентируются популистские решения.

Эксперт, представитель федеральной власти*: *«С другой стороны, понятно, что стране нужны в первую очередь те, кто способен принимать перемены, инициировать перемены, то самое креативное меньшинство, люди, ищущие себе роль, способные ее выбирать, люди, которые руководствуются ценностями. Это люди, у которых есть вектор, но как раз на них менее всего эта молодежная политика и направлена. Надо понимать, что такая политика консервирует культуру бедности, остатки советской политики. И это удобно и разумно с политической точки зрения, так как эти люди ходят на выборы, голосуют, они – фундамент вертикали власти».

Реализация ГЧП в молодежной политике нуждается в увеличении стратегического горизонта планирования как у бизнеса, так и государственных органов. Это обусловлено спецификой работы ГЧП как инструмента для длинных инвестиционных проектов и сложностью получения быстрого результата от вложения в молодежь в качестве потенциала и человеческого капитала региона.

Отношение к молодежи как капиталу региона, вложение в ее развитие требует принципиальной смены схемы идеологии инвестиционного развития региона. Если экономический эффект от строительства объекта или инфраструктуры имеет развитую методическую базу оценки, то оценить эффектив-

ность вложения в человеческий капитал на уровне региона достаточно сложно, что во многом сдерживает развитие инвестиций подобного рода. Важнейшим вопросом управления молодежью является вопрос управления молодежной мобильностью, которая связана не только и не столько с развитостью инфраструктуры региона, сколько с управлением мотивацией и созданием новых ценностей для молодежи.

Эксперт, представитель федеральной власти*: *«Молодежь я воспринимаю как живую среду, среду, в которой представлено огромное количество разных мотиваций. Мотивации они приобретают и эксплуатируют формально. Эти мотивации взяты из одной группы, мотивации, которые авторитетны. И нет никакого эталона этих мотиваций. Нет кнопок, которые надо нажимать, чтоб людям захотелось войти в контакт и взаимодействовать. Надо привлечь внимание, удержать, продвинуть какую-то идею, привлечь к какому-то действию, мысли. Где это все?».

ГЧП может эффективно привлекаться для строительства различных объектов, но эффективной мерой партнерство станет только тогда, когда принятое решение будет опираться на понимание мотивации молодежи и вовлечение ее в процессы принятия решений.

Сложности бизнеса при вовлечении его в ГЧП во многом обусловлены спецификой молодежи как целевой группы потребителей. С одной стороны, реализация долгосрочных проектов в этой сфере связана с высокой долей риска в связи с изменчивостью вкусов и предпочтений данной группы, которые могут значительно поменяться за период возведения объекта. Прогнозирование длинного спроса на услуги для молодежи является одной из сложнейших маркетинговых бизнес-задач. Социально-демографическое прогнозирование, необходимое бизнесу для планирования долгосрочных проектов, находится в компетенции государства.

С другой стороны, молодежный сегмент обладает пониженной платежеспособностью, снижающей привлекательность данного направления для бизнеса. В то же время молодежные модели потребления становятся все популярнее среди потребителей среднего возраста, готового платить за пребывание в созданной и насыщенной молодежной энергией среде.

Эксперт, представитель федеральной власти*: *«Мне кажется, это сфера туризма, рекреация, экологический туризм. И это не только для молодых – молодые способны накормить энергией, весельем, молодостью. Но есть платежеспособные люди, у которых в молодости это все было, потом жизнь увела. А теперь есть возможность заплатить за это. И они приходят, в этом варятся, вспоминают себя, какими они были 20–30–40 лет назад. Они платят за ощущение. Это самая рафинированная продажа: продается не товар, а эмоции».

В реализации ГЧП в молодежной политике, как правило, заинтересован бизнес, имеющий собственную стратегию развития и осознающий возможности получения будущих конкурентных преимуществ и снижения рисков за счет привлечения государственных органов. Тем не менее значительная часть проектов ГЧП в сфере молодежной политике нуждается в переходе бизнеса с оснований тактической выгодности и прибыльности на основания социальной ответственности и готовности вкладывать в развитие социальной инфраструктуры территории.

ГЧП становится эффективным инструментом молодежной политики в случае совпадения интересов трех сторон: государства, бизнеса и представителей молодежного сообщества. Если в случае выбора объектов в других сферах государственные органы, как правило, представляют интересы социального заказчика, а бизнес реализует сделанный запрос, то в сфере молодежной политики инициатор проектов приобретает особое значение. С одной стороны, это должен быть специалист или организация, тесно взаимодействующая с молодежью, а с другой стороны, способная облекать молодежные идеи в форму проектов и выступать медиатором между бизнесом, нуждающимся в аргументах прибыльности, и органами власти, говорящими на языке социальной значимости. Как правило, продвижение новых инновационных проектов нуждается в особых навыках управления их продвижением.

***Инвестор*:** *«В других случаях, когда компании работают в специфических секторах, которые не известны или не знакомы для правительства, – тогда это противоположная ситуация, компании представляют свои проекты. Тогда власти рассматривают, будет ли это хорошо или нет. Это похоже на офицера связи, который добивается взаимопонимания между деловым сектором и общественным сектором. Это может работать иначе, даже без такого человека, но потребуется больше времени».*

В то же время само государственно-частное партнерство, по сути, является инструментом инноваций и необходимо только тогда, когда возникает потребность в улучшении и совершенствовании управленческой практики за счет синергетического эффекта. Так бизнес и государственные органы могут эффективно реализовывать свои текущие задачи без организации партнерства. Шаг к объединению усилий является сложным решением для обеих сторон[1].

Эффективность различных форм государственно-частного партнерства

Законодательно рамки возможных видов государственно-частного партнерства, в том числе и в молодежной сфере, задаются ст. 6 и ст. 7 Закона Нижегородской области. В рамках соглашения может использоваться одна либо несколько форм участия Нижегородской области в государственно-частном партнерстве. Мнение экспертов о причинах принятия закона Нижегородской области разделились. Эксперты, представляющие различные органы власти, чаще акцентировали внимание на появлении закона как ответе на реальную практику и запросы от предпринимателей.

***Эксперт, представитель администрации НО*:** *«Закон Нижегородской области о ГЧП был принят в 2010 году, в период, когда в действующем законодательстве РФ аналогичная норма отсутствовала. Закон появился в ответ на поток обращений от юридических лиц, которые хотели на определенных условиях, совместно с государством реализовывать свои инвестиционные проекты или иметь поддержку со стороны государства в том или ином вопросе».*

В то время как представители бизнеса чаще говорили о нем, скорее, иронически, как следовании моде и желании Нижегородской области выпол-

[1] ORGANISATION FOR ECONOMIC CO-OPERATION AND DEVELOPMENT. Fostering Public-Private Partnership for Innovation in Russia. – 2005.

нять указания федеральной власти. Для разработки Нижегородского закона был взят опыт Санкт-Петербурга, который одним из первых при поддержке Мирового банка приступил к разработке законодательства и нормативной базы по ГЧП.

В качестве предшественников государственно-частного партнерства эксперты называли инвестиционные соглашения, которые разграничивают полномочия инвестора и субъекта РФ. В 2010 г. Гражданским кодексом были урегулированы нормы только концессий, которые и получили более широкое применение по сравнению с остальными формами. В рамках концессионного соглашения государственная поддержка государственно-частного партнерства осуществляется в соответствии с федеральным законодательством. Региональные органы власти ожидают от федерального закона по ГЧП расширения полномочий в сфере расширения полномочий по введению в оборот земельных участков. Практика предоставления земельного участка и обеспечение его коммуникациями распространена и на муниципальном уровне. Основной проблемой является разграничение полномочий между городом и областью по управлению земельными участками.

В Нижегородском законе закреплена форма предоставления частному партнеру имущества, находящегося в государственной собственности Нижегородской области, для осуществления деятельности, предусмотренной соглашением, на условиях, определенных в соглашении. По оценкам экспертов, распоряжение имуществом региона в рамках ГЧП еще более проблематично и нуждается в коррекции федерального законодательства, чем введение в оборот земли, так как управление имуществом нуждается в более гибких условиях управления долями капитала и т.д.

Эксперт, представитель областных органов власти**:** *«Мы не можем имуществом точно так же распоряжаться (как землей). Мы можем создать акционерное общество, сказав, что это у нас с вами государственно-частное партнерство, но, например, что-то совместно строить, определив доли, еще что-то – это пока нам запрещено».*

В то же время введение имущества региона в ГЧП должно осуществляться с наибольшей осторожностью в связи с высокими рисками злоупотреблений и нарушений антимонопольного законодательства [3]. На муниципальном уровне передача собственности в управление предпринимателям – зачастую вынужденная мера вследствие отсутствия в бюджете необходимых средств или конфликта полномочий между различными уровнями власти в реализации социальной политики.

В современном законодательстве, по мнению экспертов, очень много ограничений, очень много нюансов, которые не дают в полном объеме работать на принципах государственно-частного партнерства. Одним из прозвучавших запросов была возможность учитывать контракт жизненного цикла, предоставляющего субъекту РФ право участвовать и возмещать потери, которые может понести бизнесмен, реализуя проект на условиях, например, концессии.

Согласно ст. 7, «государственная поддержка государственно-частного партнерства в Нижегородской области осуществляется в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Нижегородской области в следующих формах: 1) предоставление налоговых льгот; 2) предоставление

субсидий; 3) установление льготных ставок арендной платы за пользование имуществом, находящимся в государственной собственности Нижегородской области; 4) предоставление отсрочек и рассрочек по уплате налогов; 5) предоставление бюджетных инвестиций; 6) предоставление инвестиционных налоговых кредитов; 7) предоставление на конкурсной основе государственных гарантий Нижегородской области; 8) предоставление объектов залогового фонда Нижегородской области».

Предприниматели наиболее часто обращаются за налоговыми льготами, которые область предоставляет инвестиционным проектам в соответствии с их значимостью для развития региона. Льготирование предоставляется в рамках полномочий региона либо на имущество, либо на прибыль. Наиболее привлекательным является для предпринимателей налог на имущество. Процедурно предоставление обоих видов налогов не имеет значительных различий. В то же время размер налога на имущество имеет более прогнозируемый характер. При строительстве крупных предприятий налог на имущество позволяет предпринимателям экономить значительный объем средств, в то время как налог на прибыль менее предсказуем и требует раскрытия всей прибыли. Освобождение от налогов на имущество дается на пять лет.

За предоставлением субсидий чаще всего обращаются субъекты малого и среднего бизнеса. Этот аспект регулируется другим видом законодательства, и в законе о ГЧП есть ссылка и упоминание этой возможности. Практика предоставления субсидий на муниципальном уровне появилась сравнительно недавно и является пока мало отработанной.

Установление льготных ставок арендной платы за пользование имуществом, находящимся в государственной собственности Нижегородской области, и предоставление отсрочек и рассрочек по уплате налогов прописано в Нижегородском законодательстве, но прецедентов использования этих форм эксперты не отметили. В регулировании вопросов о снижении арендной платы участвуют антимонопольные органы, отслеживающие, чтобы предоставление льгот по арендной плате не ущемляло интересы других предпринимателей, реализующих аналогичные инвестиционные проекты.

Предоставление бюджетных инвестиций также пока только закреплено в бюджетном кодексе, есть планы по их предоставлению, но процесс сдерживается отсутствием специализированного законодательства на уровне федерации. Инициатива регионов может напрямую входить в противоречие с федеральными законами и квалифицироваться как нарушение бюджетной дисциплины.

Ситуация по предоставлению инвестиционных налоговых кредитов обратная: норма есть, и вполне работающая. Тем не менее на современном этапе развития финансового рынка она непривлекательна для бизнесменов. С одной стороны, им выгоднее получить от государства льготы по налогу на имущество. С другой стороны, кредитные предложения банков вполне конкурируют с процентами возврата по бюджетным государственным деньгам.

В схеме взаимодействия – инвестор, государство и банковские структуры – крупные компании предпочитают обращаться за государственными гарантиями длинных инвестиций. Эта мера необходима преимущественно только для очень крупных проектов, когда залоговая база компании недостаточна для получения кредита такого размера. Региональные органы власти

тоже пока слабо заинтересованы в широкой практике предоставления таких гарантий, так как это ведет к замораживанию определенной части бюджетных средств. С другой стороны, достаточно сложно просчитать риски.

Предоставление объектов залогового фонда Нижегородской области является сходной формой поддержки кредитования инвестора, только в данном случае в качестве залога банку предоставляются не финансовые средства, а объект залогового фонда – здание или сооружение. Эта форма более распространена в Нижегородской области, чем государственные гарантии, так как сформирован специальный залоговый фонд.

Таким образом, формы и направления реализации ГЧП, заложенные в Нижегородском законодательстве, несколько шире применяются на практике. Введение новой редакции федерального закона позволит более адекватно прописать регулирующие нормы [4]. В то же время для расширения практики использования ГЧП в социальной сфере и особенно в молодежной политике необходимо предусмотреть внесение в законодательство дополнительных критериев, позволяющих придать инвестиционному проекту в молодежной сфере более высокий статус.

Заключение

Использование ГЧП для осуществления мер молодежной политики обладает характерными отличиями, учет которых способен значительно повысить эффективность его внедрения:

– реализация молодежной политики тесно связана со стратегией развития региона в целом и расстановкой стратегических приоритетов в части предоставляемых населению социальных услуг;

– внедрение ГЧП в молодежную политику нуждается в увеличении стратегического горизонта планирования как у бизнеса, так и государственных органов;

– отношение к молодежи как капиталу региона, вложение в ее развитие требует принципиальной смены схемы идеологии инвестиционного развития региона;

– сложности бизнеса при вовлечении его в ГЧП во многом обусловлены спецификой молодежи как целевой группы потребителей;

– значительная часть проектов ГЧП в сфере молодежной политики нуждается в переходе бизнеса с оснований тактической выгодности и прибыльности на основания социальной ответственности и готовности вкладывать в развитие социальной инфраструктуры территории;

– необходимо появление медиаторов между бизнесом, нуждающимся в аргументах прибыльности, и органами власти, говорящими на языке социальной значимости;

– государственно-частное партнерство является инструментом инноваций, и его актуальность повышается по мере возникновения потребности в совершенствовании управленческой практики за счет синергетического эффекта.

Федеральные органы власти воспринимаются как основной центр ответственности за поиск баланса между эффективностью использования этого механизма и снижением рисков от его применения. С одной стороны, от них ожидается расширение полномочий для регионов в плане распоряжения зем-

лей и государственным имуществом. С другой стороны, это расширение полномочий не должно приводить к появлению злоупотреблений этими возможностями и нарушениям антимонопольного законодательства. Отсутствие четких правил приводит к снижению инициативности регионов в создании ГЧП для реализации инфраструктурных проектов вследствие опасений, что подобные инициативы могут войти в противоречие с бюджетной дисциплиной.

Муниципальные органы власти по своей природе более осведомлены и плотнее соприкасаются с интересами как предпринимателей, так и молодежи, но объем ресурсов на уровне муниципального управления входит в противоречие с имеющимися формами реализации ГЧП, которое пока еще в первую очередь сориентировано на крупномасштабные инвестиции. Конфликты возникают как вследствие несбалансированного разделения полномочий между различными уровнями власти в реализации социальной политики, так и в результате слабой проработанности форм поддержки предпринимателей на муниципальном уровне.

Анализ существующего спектра форм поддержки бизнеса в рамках реализации ГЧП показывает, что их востребованность зависит от следующих факторов:

– гарантий надежности и возможности снижения рисков инвестирования;

– рыночной привлекательности в плане роста возврата на вложенные инвестиции;

– нормативно-законодательной обеспеченности реализации конкретной формы;

– наличия у региона специфических ресурсов, таких как развитая залоговая база;

– простоты процедур получения поддержки.

Сопоставление специфики реализации молодежных проектов с привлекательными для бизнесменов условиями создания ГЧП для их реализации показывает, что на современном этапе существует понимание и в среде бизнеса, и в среде представителей государственных органов необходимости такого партнерства. Тем не менее эта возникающая общность понимания пока не закреплена должным образом в законодательных документах. Для расширения практики использования ГЧП в социальной сфере и особенно в молодежной политике необходимо предусмотреть формализацию дополнительных критериев, позволяющих придать инвестиционному проекту в молодежной сфере более высокий статус и повысить его конкурентную привлекательность.

Список литературы

1. **Делмон, Д.** Государственно-частное партнерство в инфраструктуре: практическое руководство для органов государственной власти / Д. Делмон. – Астана, 2010. – 261 с.
2. Urban Models and Public-Private Partnership / ed. by Longa Remo Dalla. – Heidelberg ; Dordrecht ; London ; New York : Springer, 2011.
3. Барьеры развития механизма ГЧП в России. – М. : НПФ «Экспертный институт», 2010.
4. **Сазонов, В. Е.** Государственно-частное партнерство: гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты / В. Е. Сазонов ; предисл. д-ра юрид. наук, проф. А. Б. Зеленцова. – М., 2012. – 492 с.

References

1. Delmon D. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v infrastrukture: prakticheskoe rukovodstvo dlya organov gosudarstvennoy vlasti* [Public-private partnership in the infrastructure: practical guidelines for public authorities]. Astana, 2010, 261 p.
2. *Urban Models and Public-Private Partnership*. Ed. by Longa Remo Dalla. Heidelberg; Dordrecht; London; New York: Springer, 2011.
3. *Bar'ery razvitiya mekhanizma GChP v Rossii* [PPP development barriers in Russia]. Moscow: NPF «Ekspertnyy institut», 2010.
4. Sazonov V. E. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: grazhdansko-pravovye, administrativno-pravovye i finansovo-pravovye aspekty* [Public-private partnership: civil-legal, administrative-legal and financial-legal aspects]. Moscow, 2012, 492 p.

Ивашиненко Нина Николаевна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической социологии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23);
заведующая совместной лаборатории Нижегородского государственного университета и Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук «Изучение качества жизни населения как основы социального управления»
(Россия, г. Нижний Новгород, пер. Университетский, 7)

E-mail: nni@fsn.unn.ru

Ivashinenko Nina Nikolaevna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of economic sociology, Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University
(23 Gagarina street, Nizhny Novgorod, Russia);
head of the joint laboratory of Nizhny Novgorod State University and the Institute of Socioeconomic Problems of Population of RAS “Studies of people’s life quality as a basis of social management”
(7 Universitetsky lane, Nizhny Novgorod, Russia)

Теодорович Михаил Леонидович
доктор социологических наук, профессор, кафедра экономической социологии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23);
ведущий научный сотрудник совместной лаборатории Нижегородского государственного университета и Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук «Изучение качества жизни населения как основы социального управления»
(Россия, г. Нижний Новгород, пер. Университетский, 7)

E-mail: mt231@yandex.ru

Teodorovich Michail Leonidovich
Doctor of sociological sciences, professor, sub-department of economic sociology, Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University
(23 Gagarina street, Nizhny Novgorod, Russia);
leading researcher at the joint laboratory of Nizhny Novgorod State University and the Institute of Socioeconomic Problems of Population of RAS “Studies of people’s life quality as a basis of social management”
(7 Universitetsky lane, Nizhny Novgorod, Russia)

УДК 316.334.2
Ивашиненко, Н. Н.
Государственно-частное партнерство в системе мер молодежной политики региона / Н. Н. Ивашиненко, М. Л. Теодорович // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 130–142. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-13

УДК 316.65
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-14

В. А. Сагайдак

ВНЕШНИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИМИДЖ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ ВОЛГОГРАДА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация.

Актуальность и цели. Развитие информационного общества обусловливает усиление внимания к непрофильным областям деятельности компаний. Внешний социальный имидж формирует имидж компании во внешней среде, влияя на восприятие организации потребителями ее услуг, партнерами, поставщиками, контролирующими органами. Актуальной является проблема формирования внешнего социального имиджа бизнес-организаций Волгограда. Цель работы – выявить основные характеристики внешнего социального имиджа бизнес-организаций Волгограда, мотивы его развития и наиболее эффективные инструменты формирования.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе данных социологического исследования, проведенного автором в 2015 г. среди руководителей бизнес-организаций Волгограда. Методологический потенциал включает методы системного и компаративного анализа, детерминации, анкетирования.

Результаты. Проанализировано состояние внешнего социального имиджа бизнес-организаций Волгограда, выявлены основные мотивы и наиболее эффективные инструменты его формирования.

Выводы. Основными мотивами формирования внешнего социального имиджа бизнес-организаций Волгограда выступают создание общего положительного имиджа организации и увеличение ее конкурентоспособности через положительное отношение общественности. Наиболее эффективны монетарные методы формирования положительного внешнего социального имиджа: денежные гранты, благотворительные пожертвования, спонсорство и социально значимый маркетинг.

Ключевые слова: бизнес-организация, внешний социальный имидж, мотивы формирования, инструменты формирования.

V. A. Sagaydak

EXTERNAL SOCIAL IMAGE OF BUSINESS ORGANIZATIONS OF VOLGOGRAD: EXPERIENCE OF A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract.

Background. The information society development causes an increased attention to non-core fields of companies' acticities. The external social image formsa company's image in the external medium influencing the perception of a company by its consumers, partners, suppliers, supervisory bodies. The problem of external social image formation for business organizations of Volgograd is a topical one. The aim of the work is to reveal main characteristics of the external social image of business organizations of Volgograd, motives for its development and the most efficient formation tools.

Materials and methods. The research taks were implemented on the basis of a sociological research, carried out by the author in 2015 among top managers of Volgograd companies. The methodological potential included methods of system and comparative analysis, determination, questionaires.

Results. The author analyzed the external social image condition of business organizations of Volgograd, revealed principal motives and most efficient tools of its formation.

Conclusions. The main motives for the external social image establishment for Volgograd companies are creation of a positive company image and increasing company's competitiveness through a positive public opinion. The most efficient financial methods of external social image formation are the following: grants, charity, sponsorship and socially significant marketing.

Key words: business organization, external social image, formation motives, formation tools.

Внешний социальный имидж бизнес-организации является частью корпоративного имиджа, которая формирует имидж компании во внешней среде, влияя на восприятие организации потребителями ее услуг, партнерами, поставщиками, контролирующими органами. В связи с этим возникает необходимость проведения научных исследований социологического профиля, связанных с определением текущего состояния развития и выявлением наиболее эффективных инструментов формирования внешнего социального имиджа региональных бизнес-организаций.

Несмотря на то что вопросам изучения имиджа в целом посвящено большое количество исследований, проблемы, связанные с методологическими основами изучения внешнего социального имиджа организаций, в современной научно-исследовательской литературе рассматриваются недостаточно полно. Значимым для исследования автора является массив публикаций, где осуществляется анализ понятия и сущности внешнего социального имиджа организации, определяется специфика его формирования. Вопросы социального имиджа упоминаются в ряде работ, посвященных социальной психологии, связям с общественностью и социальной ответственности, таких авторов, как Ф. Котлер, А. Панасюк, М. Томилова [1–3]. Особый интерес представляют также аналитические работы на отечественном материале, изучающие формирование имиджа с позиции социологического анализа: Д. Гавра, Ю. Иваненко, К. Киткина, В. Щербины [4–7].

В целом, анализируя весь массив научных исследований, затрагивающих отдельные аспекты изучаемой проблематики, следует отметить, что проблемы формирования внешнего социального имиджа сводятся к ограниченному набору инструментов и не принимают во внимание социально-экономические аспекты этого явления. Научная новизна данного исследования заключается в том, что определены основные мотивы формирования внешнего социального имиджа волгоградских бизнес-организаций, выявлены эффективные инструменты его формирования и развития, а также индикаторы позитивного внешнего социального имиджа.

На основании проанализированных научных исследований автором было предложено следующее определение внешнего социального имиджа: это, с одной стороны, целенаправленно сформированный информационно-

образный конструкт, целостно характеризующий организацию и адресованный элементам внешней среды организации (потребителям, поставщикам, органам власти) с целью эмоционально-психологического воздействия на них. С другой стороны, это субъективно воспринимаемый целевой аудиторией образ, содержащий сущностные характеристики организации и выражаемый в оценках, суждениях, представлениях общественности о социальных целях и роли организации в экономической, социальной и культурной жизни общества, в представлении компании во внутренних СМИ. Внешний социальный имидж направлен на увеличение конкурентоспособности организации через положительное отношение общественности.

Внешний социальный имидж современных бизнес-организаций Волгограда изучался нами на основе данных социологического исследования, проведенного автором с применением метода анкетирования в марте–августе 2015 г. среди руководителей бизнес-организаций Волгограда (n = 550, тип выборки – многоступенчатая случайная).

Участникам исследования был задан вопрос о ведущих для них мотивах развития внешнего социального имиджа организации. Для большинства руководителей бизнес-организаций наиболее значимым является формирование общего положительного имиджа компании. Вторым по значимости мотивом является увеличение конкурентоспособности организации через положительное отношение общественности к ее деятельности. Третья причина развития внешнего социального имиджа связана с желанием сформировать и поддерживать образ организации как социально ответственного субъекта. Принявшие участие в исследовании руководители видят вполне четкую взаимосвязь внешнего социального с общим имиджем компании и, как следствие, уровнем ее конкурентоспособности на рынке.

Распределение ответов респондентов показывает изменение ведущих мотивов формирования и развития внешнего социального имиджа в зависимости от продолжительности существования компании на рынке (табл. 1). Для молодых организаций (менее пяти лет) и для организаций, осуществляющих свою деятельность 11–20 лет, приоритеты распределились единым образом: на первом месте находится мотив, связанный с желанием создать общий положительный имидж компании, на втором – связанный с потребностью увеличить конкурентоспособность организации через положительное отношение общественности. Иначе складывается ситуация в компаниях, существующих на рынке 5–10 лет: единственный ведущий мотив формирования внешнего социального имиджа связан с желанием повысить степень информированности о деятельности организации, что может быть обусловлено нацеленностью компании на укрепление своих позиций на рынке и возможность дальнейшего развития на данном этапе ее жизненного цикла. В организациях, осуществляющих бизнес-деятельность более 20 лет, ведущие мотивы развития внешнего социального развития обусловлены стремлением удержать долю рынка, т.е. связаны равносильно с желанием увеличить конкурентоспособность организации через положительное отношение общественности и сформировать лояльность как долгосрочную и устойчивую потребительскую перспективу.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какими мотивами Вы руководствуетесь в развитии внешнего социального имиджа Вашей организации?» с учетом продолжительности существования компании (в процентах к опрошенным, *n* = 550)

Варианты ответов	**Менее 5 лет**	**5–10 лет**	**11–15 лет**	**16–20 лет**	**Более 20 лет**
Создание общего положительного имиджа организации	86,0	4,4	57,1	70,9	0,0
Увеличение конкурентоспособности организации через положительное отношение общественности	42,4	8,8	54,5	48,8	100,0
Формирование и реформирование общественного мнения о компании	31,8	0,0	27,7	24,4	50,0
Привлечение средств внебюджетного финансирования, лоббирования интересов компании	31,4	4,4	2,7	2,4	0,0
Формирование и поддержание образа организации как социально ответственного субъекта	31,4	4,4	27,7	70,9	0,0
Повышение делового престижа организации, ее надежности в глазах партнеров	25,8	4,4	17,9	4,7	50,0
Повышение степени информированности о деятельности организации	15,7	91,2	15,2	2,4	50,0
Формирование лояльности как долгосрочной и устойчивой потребительской перспективы	12,7	0,0	29,5	2,4	100,0
Повышение эффективности рекламы и различных мероприятий по продвижению продукции компании	1,3	0,0	12,5	0,0	50,0
Воздействие на внешнюю среду организации	0,0	4,4	0,0	29,1	50,0

Примечание. Поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа, то сумма ответов составила более 100 %.

Респондентам было предложено не только оценить приоритетные мотивы формирования внешнего социального имиджа в собственной организации, но и выступить в роли экспертов, ответив на вопрос о наиболее распространенных мотивах развития внешнего социального имиджа в бизнесе в целом. На этот раз иерархия приоритетов изменилась (табл. 2). Так, на первом месте оказался мотив, связанный с формированием и поддержанием образа организации как социально ответственного субъекта. 16,6 % опрошенных отметили значимость внешнего социального имиджа в формировании и реформировании общественного мнения о компании, что сделало данный мотив вторым по значимости. Третьей причиной респонденты обозначили желание создать общий положительный имидж компании. На основании полученных данных можем сделать вывод о том, что в представлении руководителей организаций о ведущих мотивах формирования внешнего социального имиджа в бизнесе в целом акценты смещены в сторону формирования восприятия и мнения общества о деятельности компании.

Таблица 2

Мотивы развития внешнего социального имиджа организации
(в процентах к опрошенным, *n* = 550)

Варианты ответов	**В отношении бизнес-деятельности в целом**	**В отношении собственной бизнес-деятельности**
Формирование и поддержание образа организации как социально ответственного субъекта	18,1	14,5
Формирование и реформирование общественного мнения о компании	16,6	10,2
Создание общего положительного имиджа организации	14,9	26,4
Увеличение конкурентоспособности организации через положительное отношение общественности	14,3	17,2
Воздействие на внешнюю среду организации	12,4	3,1
Повышение делового престижа организации, ее надежности в глазах партнеров	9,9	6,8
Повышение эффективности рекламы и различных мероприятий по продвижению продукции компании	5,6	1,5
Формирование лояльности как долгосрочной и устойчивой потребительской перспективы	4,1	5,3
Повышение степени информированности о деятельности организации	2,7	8,9
Привлечение средств внебюджетного финансирования, лоббирования интересов компании	1,4	6,1

Примечание. Поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа, то сумма ответов составила более 100 %.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Участвовали ли Вы в федеральных или региональных социальных проектах и программах?» в разрезе масштаба бизнеса показывает наличие определенных различий в позиции представителей малого, среднего и крупного бизнеса (табл. 3). В практике опрошенных, занимающихся бизнес-деятельностью, чьи масштабы невелики, такой активности нет. В ответах представителей крупного бизнеса прослеживается тенденция на уделение большего внимания данной практике: более половины (54,2 %) респондентов участвовала в данных мероприятиях единожды, 9 % – несколько раз.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Участвовали ли Вы в федеральных или региональных социальных проектах и программах?» с учетом масштабов бизнеса (в процентах к опрошенным, *n* = 550)

Варианты ответов	Выборка	Малый	Средний	Крупный
Да, один раз	16,9	0,0	0,8	54,2
Да, несколько раз	3,9	0,0	1,7	9,0
Нет	79,2	100,0	97,5	36,8
Итого	100	100	100	100

Приоритетным направлением социальных проектов и программ, в которых принимали участие бизнесмены, является поддержка незащищенных групп населения (каждый третий респондент выбрал такой вариант ответа), вторым по значимости является помощь в организации культурно-досуговой деятельности (каждый пятый респондент отметил данный вариант ответа). Анализ полученных данных показывает, что проблема реализации образовательных проектов для населения региона, в котором развивается бизнес, остается вне зоны внимания бизнесменов.

Анализ ответов респондентов показывает, что каждый третий бизнесмен предпочитает такую форму участия в федеральных или региональных социальных проектах и программах, как благотворительные пожертвования. 16 % опрошенных делают выбор в пользу спонсорской помощи в натуральной форме, 3,3 % – в пользу делегирования сотрудников компании на подобные мероприятия.

Отвечая на вопрос о том, намерена ли компания в дальнейшем участвовать в каких-либо социальных проектах или программах, лишь каждый четвертый опрошенный выбрал вариант «Да». Анализ полученных с учетом масштабов бизнеса данных показывает, что если абсолютно все респонденты, занятые в бизнесе, чьи масштабы невелики, не планируют в дальнейшем участвовать в подобных мероприятиях, то 17,7 % бизнесменов компаний среднего уровня намерены и далее участвовать в федеральных или региональных социальных программах. В ответах представителей крупного бизнеса прослеживается тенденция на уделение большего внимания ситуации в регионе: 44,6 % опрошенных планируют вновь участвовать в социальных программах.

Участникам исследования был задан вопрос об оценке эффективности инструментов формирования внешнего социального имиджа организации. Наиболее эффективным инструментом руководители бизнес-организаций считают денежные гранты: данный вариант ответа выбрали более 43 % респондентов. Для 14,6 % волгоградских бизнесменов очевидна эффективность благотворительных пожертвований. В восприятии 13,4 % участников опроса одинаково эффективны в формировании внешнего социального имиджа спонсорство и социально значимый маркетинг. Отметим тот факт, что в понимании современных бизнесменов наиболее эффективны в формировании внешнего социального имиджа компании именно монетарные инструменты.

В ответах на вопрос о восприятии наиболее эффективных инструментов формирования внешнего социального имиджа обнаружилась дифференциация, детерминированная таким фактором, как продолжительность суще-

ствования организации на рынке. Так, для компаний на этапе становления (первые пять лет) на первом месте оказалось делегирование сотрудников для участия в социальном проекте или программе, на втором – денежные гранты. Третьим по эффективности бизнесмены данной группы считают благотворительные пожертвования. Такой выбор инструментов формирования внешнего социального имиджа может быть обусловлен предпочтением выделить кадровые ресурсы, нежели денежные, ввиду ограниченного количества свободных финансов на этапе становления бизнеса. В компаниях, существующих 5–10 лет, наиболее эффективными руководители признают благотворительные пожертвования, чуть менее эффективны корпоративное спонсорство и делегирование сотрудников. Можно предположить, что на данном этапе становления компании приоритеты смещаются в сторону укрепления позиций на рынке, соответственно появляется готовность выделять и вкладывать финансовые ресурсы в формирование внешнего имиджа. Иначе выглядят представления об эффективных инструментах формирования социального имиджа у компаний, существующих более 11 лет: если первая позиция по своему содержанию совпадают с распределением ответов первой группы «молодых» компаний, то вторую позицию в данном случае занимают социальные инвестиции, третью – социально значимый маркетинг, что свидетельствует о более зрелом подходе к участию в решении социальных проблем региона.

Развитие внешнего социального имиджа во многом определяется представлением руководства компании о его эффективности в бизнес-деятельности. В связи с этим респондентам был задан вопрос, что, по их мнению, свидетельствует о наличии положительного внешнего социального имиджа компании. Каждый пятый опрошенный руководитель бизнес-организации связывает положительный внешний социальный имидж с лояльностью клиентов компании и их настроем на долгосрочные отношения, что может говорить о важности поддержания отношений с действующими клиентами в условиях информационного общества в сочетании с высоким уровнем конкуренции на региональном рынке. По мнению 18,6 % респондентов, о наличии положительного внешнего социального имиджа свидетельствуют позитивные взаимоотношения с органами государственной власти. Вариант ответа «продукция компании пользуется высоким спросом» был выбран 15,5 % опрошенных и, таким образом, представляет собой третий по важности для принявших участие в опросе признак наличия положительного внешнего социального имиджа (табл. 4).

При анализе полученных данных в разрезе масштаба бизнеса обнаружилась существенная дифференциация представлений респондентов по данному вопросу. По мнению представителей малого бизнеса, о наличии положительного внешнего социального имиджа одинаково свидетельствуют высокий спрос на производимую продукцию, привлекательность компании как работодателя на рынке труда и позитивные взаимоотношения с органами государственной власти. Респонденты, чей масштаб бизнеса имеет средний размер, наиболее важным индикатором наличия положительного внешнего социального имиджа считают лояльность клиентов и их настрой на долгосрочные отношения (55,6 % опрошенных выбрали данный вариант ответа), второй маркер для них – наличие позитивных взаимоотношений с органами государственной власти (этот вариант выбрали 54,2 % опрошенных), третий –

привлекательность компании как работодателя (38,1 % согласились с этой позицией). Большинство бизнесменов (72,3 %) к индикаторам наличия положительного внешнего социального имиджа относят интерес инвесторов к компании, 59,6 % опрошенных данной группы отметили высокий спрос на производимую продукцию, 44 % – лояльность клиентов. Подобное распределение ответов демонстрирует смену сферы интересов в зависимости от масштабов бизнеса: если для мелких компаний важны спрос на продукцию, кадровые ресурсы и государственная поддержка, то для компаний среднего масштаба – это еще и лояльность клиентов, а для крупных бизнесменов на передний план выходит инвестиционная привлекательность компании.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, свидетельствует о наличии положительного внешнего социального имиджа компании?» с учетом масштаба бизнеса (в процентах к опрошенным, n = 550)

Варианты ответов	Выборка	Малый	Средний	Крупный
Общественность воспринимает организацию как социально ответственную	10,2	0,0	28,1	20,5
По мнению деловых партнеров, компания обладает высокой степенью надежности	4,7	0,0	13,9	7,2
Продукция компании пользуется высоким спросом	15,3	100,0	24,5	59,6
Клиенты компании лояльны и настроены на долгосрочные отношения	20,7	0,0	55,6	44,0
Реклама высокоэффективна	7,4	0,0	25,3	3,6
Компания является привлекательным работодателем на рынке труда	12,5	100,0	38,1	7,2
Компания вызывает интерес у инвесторов	10,7	0,0	6,3	72,3
Позитивные взаимоотношения с органами государственной власти	18,6	100,0	54,2	20,5

Примечание. Поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа, то сумма ответов составила более 100 %.

Определенная дифференциация в ответах фиксируется при анализе данных по рассматриваемому вопросу с учетом продолжительности существования компании на рынке. Для молодых организаций, существующих менее пяти лет, основными маркерами положительного внешнего социального имиджа являются лояльные клиенты, настроенные на долгосрочное сотрудничество, и статус компании как привлекательного работодателя (табл. 5). Подобное мнение отражает потребности молодого бизнеса в привлечении специалистов и перспективных клиентов. По мнению респондентов, чей бизнес существует 5–15 лет, о наличии положительного внешнего социального имиджа свидетельствуют позитивные отношения с органами государственной власти и лояльность клиентов. Подобное смещение акцентов может объясняться желанием более зрелых компаний получать поддержку со стороны государства для дальнейшего развития. Руководители компаний, действую-

щих на рынке 16–20 лет, считают основными индикаторами положительного внешнего социального имиджа высокий спрос на продукцию компании и интерес со стороны инвесторов, что отражает потребности бизнеса на данном этапе развития. Респонденты, чья компания существует более 20 лет, выбрали такие варианты ответа, как «продукция компании пользуется высоким спросом» и «клиенты компании лояльны и настроены на долгосрочные отношения». Подобная точка зрения может отражать развитое состояние бизнеса и желание удержать позиции на рынке.

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, свидетельствует о наличии положительного внешнего социального имиджа компании?» с учетом продолжительности существования на рынке (в процентах к опрошенным, *n* = 550)

Варианты ответов	**Менее 5 лет**	**5–10 лет**	**11–15 лет**	**16–20 лет**	**Более 20 лет**
Общественность воспринимает организацию как социально ответственную	29,2	8,8	27,7	24,4	0,0
По мнению деловых партнеров, компания обладает высокой степенью надежности	19,1	4,4	5,4	4,7	50,0
Продукция компании пользуется высоким спросом	22,5	4,4	19,6	95,3	100,0
Клиенты компании лояльны и настроены на долгосрочные отношения	53,8	91,2	40,2	29,1	100,0
Реклама высокоэффективна	1,3	86,8	2,7	24,4	50,0
Компания является привлекательным работодателем на рынке труда	44,9	4,4	17,0	29,1	50,0
Компания вызывает интерес у инвесторов	31,8	4,4	2,7	48,8	0,0
Позитивные взаимоотношения с органами государственной власти	30,5	95,6	69,6	26,8	0,0

Примечание. Поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа, то сумма ответов составила более 100 %.

Подводя общий итог, мы можем сделать ряд выводов о характеристиках внешнего социального имиджа бизнес-организаций Волгограда. Принявшие участие в опросе руководители видят вполне четкую взаимосвязь внешнего социального имиджа с общим имиджем компании и, как следствие, степенью ее конкурентоспособности на рынке, так как для большинства руководителей бизнес-организаций основным мотивом формирования внешнего социального имиджа является создание общего положительного имиджа компании.

Социально ориентированная деятельность как инструмент формирования внешнего социального имиджа используется представителями крупного бизнеса: каждая вторая компания данного сегмента участвует в федеральных или региональных социальных проектах и программах. Основной формой

участия в подобных проектах и программах являются благотворительные пожертвования. Мелкий и средний бизнес практически не вовлечен в социально ориентированную деятельность.

Наиболее эффективным инструментами формирования внешнего социального имиджа бизнесмены Волгограда считают денежные гранты, благотворительные пожертвования, спонсорство и социально значимый маркетинг. В целом, в понимании волгоградских бизнесменов наиболее эффективны в формировании внешнего социального имиджа компании именно монетарные инструменты.

Список литературы

1. **Котлер, Ф.** Основы маркетинга : [пер. с англ.] / Ф. Котлер. – 5-е европейское изд. – М. : Вильямс, 2012. – 751 с.
2. **Панасюк, А. Ю.** Формирование имиджа: Стратегия, психотехники, психотехнологии / А. Ю. Панасюк. – М. : Омега-Л, 2007. – 266 с.
3. **Томилова, М. В.** Модель имиджа организации / М. В. Томилова // Маркетинг в России и за рубежом. – 1998. – № 1. – URL: http://www.cfin.ru/press/marketing/1998-1/05.shtml
4. **Гавра, Д. П.** Категория имиджа: основные характеристики / Д. П. Гавра // Имидж государства/региона в современном информационном пространстве : материалы симпозиума. – СПб. : Роза мира, 2010. – С. 25–29.
5. **Иваненко, Ю. А.** Имидж как выражение связи организации с обществом / Ю. А. Иваненко // Среда обитания, здоровье и физическое развитие личности : сб. науч. тр. – Саратов : СГСЭУ, 2007. – С. 38–42.
6. **Киткин, К. Н.** Категория «образ» в социологии / К. Н. Киткин // Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирических исследований : в 2 ч. – Екатеринбург : УрГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 139–140.
7. **Щербина, В. В.** Предмет, статус и проблематика социологии организации / В. В. Щербина // Социс. – 2000. – № 8. – С. 138–143.

References

1. Kotler F. *Osnovy marketinga: [per. s angl.]* [Principles of marketing: translation from English]. 5th european ed. Moscow: Vil'yams, 2012, 751 p.
2. Panasyuk A. Yu. *Formirovanie imidzha: Strategiya, psikhotekhniki, psikhotekhnologii* [Image formation: strategies, psychotechnics, psychotechnologies]. Moscow: Omega-L, 2007, 266 p.
3. Tomilova M. V. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russian and abroad]. 1998, no. 1. Available at: http://www.cfin.ru/press/marketing/1998-1/05.shtml
4. Gavra D. P. *Imidzh gosudarstva/regiona v sovremennom informatsionnom prostranstve: materialy simpoziuma* [State/regional image in modern information space: symposium proceedings]. Saint-Petersburg: Roza mira, 2010, pp. 25–29.
5. Ivanenko Yu. A. *Sreda obitaniya, zdorov'e i fizicheskoe razvitie lichnosti: sb. nauch. tr.* [Environment, health and physical development of the personality: collected works]. Saratov: SGSEU, 2007, pp. 38–42.
6. Kitkin K. N. *Kachestvo zhizni v sotsiokul'turnom kontekste Rossii i Zapada: metodologiya, opyt empiricheskikh issledovaniy: v 2 ch.* [Life quality in the sociocultural context of Russia and the West: methodology, empirical research experience: in 2 parts]. Ekaterinburg: UrGU, 2006, part. 2, pp. 139–140.
7. Shcherbina V. V. *Sotsis*. 2000, no. 8, pp. 138–143.

Сагайдак Варвара Александровна
аспирант, Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8)

E-mail: kasatkina-dv@yandex.ru

Sagaydak Varvara Aleksandrovna
Postgraduate student, Volgograd branch of Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (8 Gagarina street, Volgograd, Russia)

УДК 316.65
Сагайдак, В. А.
Внешний социальный имидж бизнес-организаций Волгограда: опыт социологического анализа / В. А. Сагайдак // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 143–153. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-14

УДК 316.35
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-15

А. Л. Кузеванова, Л. А. Лещенко

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И ПРОДЛЕНИЯ ЖИЗНЕННОЙ АКТИВНОСТИ ИНДИВИДОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация.

Актуальность и цели. Одной из актуальных проблем, нашедших свое отражение в ряде научных исследований, является проблема формирования самосохранительного поведения. В связи с переходом российского общества в условиях социально-экономических реформ к новой модели общественных отношений изменилось восприятие населением ценностей здоровья: из-за нового ритма жизни многие не задумываются о его сохранении и поддержании. Как известно, определенный уровень здоровья дается индивиду от рождения, но в условиях рыночных отношений оно начинает рассматриваться как частная собственность. Целью данной статьи является изучение сущности понятия «самосохранительное поведение» и процесса его формирования.

Материалы и методы. Исследовательские задачи были решены на основе анализа научных работ зарубежных и отечественных социологов по изучению особенностей самосохранительного поведения. Методологический потенциал включает в себя методы компаративного анализа и детерминации.

Результаты. На основании проведенного анализа была раскрыта сущность понятий «самосохранительное поведение», «приверженность к лечению». Также было установлено, что самосохранительное поведение предполагает наличие двух моделей реализации: положительной и негативной.

Выводы. В процессе анализа было установлено, что самосохранительное поведение представляет собой систему действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, здоровье, здоровый образ жизни, приверженность к лечению.

A. L. Kuzevanova, L. A. Leshchenko

SELF-PRESERVING AS A FACTOR OF PRESERVATION OF PROLONGATION OF LIFES OF INDIVIDUALS: A SOCIOLOGICAL ASPECT

Abstract.

Background. One of the topical problems reflected in a number of scientific works is a problem of formation of self-preserving behavior. Due to the Russian society's transition to a new model of social relations in conditions of socioeconomic reforms the population's perception of health values has changed: due to a new life pace many people have started paying more attention to health preservation and keeping to a health way of life. It is known that a certain level of health belongs to an individual from birth, but in conditions of market relations it itends to be considered as provate property. The aim of the article is to study the notion "self-preserving behavior" and the process of its formation.

Materials and methods. The research tasks were implemented through analyzing scientific works by foreign and Russian sociologists on studying the features of slef-

preserving behavior. The methodological potential included methods of comparative analysis and determination.

Results. On the basis of the analysis carried out the authors have revealed the essence of the notions “self-preserving behavior” and “commitment to medical treatment”. The researchers have also established that self-preserving behavior presupposes two models of realization: a positice one and a negative one.

Conclusions. The analysis has established that self-preserving behavior is a system of actions and attitutes of an individualaimed at preservation of health and prolongation of life.

Key words: self-preserving behavior, health, healthy life style, commitment to medical treatment.

В ходе социально-экономических реформ, инициированных в нашей стране в 90-х гг. прошлого века, начался процесс трансформации общественного сознания и изменения ценностных ориентаций населения. При этом, с одной стороны, индивиды получили больше возможностей для доступа к различным ресурсам независимо от социального статуса и положения, а с другой, в погоне за материальным благополучием россияне меньше стали уделять внимания своему здоровью. Так, по данным статистики, в период с 1998 по 2008 г. уровень первичной заболеваемости населения вырос на 15 %, рост заболеваемости фиксируется во всех возрастных группах и по большинству классов заболеваний, и нередко этот рост составляет 150–200 % [1, с. 78].

Отметим, что общественный уровень состояния здоровья формируется благодаря биологическому и общественному потенциалу [2, с. 109]. Под биологическим потенциалом следует понимать признаки, которыми человек наделяется от рождения (пол, возраст, генная предрасположенность и др.). В свою очередь, общественный потенциал включает в себя личностные качества, которые индивид совершенствует и развивает в процессе своей жизнедеятельности посредством культурного развития, повышения уровня образования и трудового потенциала и т.д. Как правило, индивид, который социализируется в современных условиях рыночных отношений, рассматривает свое здоровье как частную собственность и при этом наделен всеми необходимыми полномочиями по ее сохранению и развитию. Подобная социальная позиция, на наш взгляд, негативно отражается на состоянии общественного здоровья и оказывает влияние на рост заболеваемости населения.

В социологии тема, связанная с изучением сохранения и продления жизни индивидов, занимает одно из центральных мест и связана с использованием понятия «самосохранительное поведение». Современные теоретические представления о самосохранительном поведении базируются на учениях классиков социологии: Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса и др. Так, Э. Дюркгейм акцентировал свое внимание на поиске объективных критериев, позволяющих научно отличать здоровье от болезней как различных социальных явлений [3, с. 218]. В своих трудах французский социолог рассматривает сущность социального здоровья, которое, по его мнению, заключается в нормальном развитии жизненных сил индивида, коллектива и самого общества, в их способности адаптироваться к условиям среды и использовать ее для своего развития. Из этого следует, что чем выше уровень социального здоровья, тем выше социальное развитие общества и благосостояние людей, при этом общественная болезнь может зародиться в любых сферах общественных

отношений, и ее, по мнению Э. Дюркгейма, необходимо лечить комплексно. По мнению Т. Парсонса, болезнь представляет собой вид отклоняющегося поведения, а самому индивиду как носителю болезни предписывается пассивная роль в сфере общественных отношений [4, с. 17–19]. В данном случае «роль больного» сводится к трем основным позициям: а) воздержание от нормальной общественной деятельности; б) больной считается неспособным «взять себя в руки», «справиться» с собой; в) от больного ожидают отношения к его положению как нежелательному для него самого и не дающего особых преимуществ. В теории социального действия М. Вебера поведение, связанное со здоровьем, складывается в процессе повседневных практик, сформировавшихся под воздействием сложившихся в обществе традиций [5, с. 125].

На современном этапе научной мысли самосохранительное поведение понимается как «система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни» [6, с. 24]. В частности, специалисты в области демографии рассматривают самосохранительное поведение как систему действий и отношений, направленных на сохранение и поддержание здоровья в течение жизни, основывающихся на установке продления ее срока [7, с. 55]. Исходя из этого, следует, что индивидуальные стратегии самосохранительного поведения направлены на ведение здорового образа жизни и непосредственно связаны с медицинской активностью индивида.

Как было отмечено, общий уровень состояния здоровья формируется на основе биологических и социальных компонентов. При рождении индивиды обладают определенным набором биологических характеристик (пол, генная предрасположенность и т.д.), которые позволяют иметь определенный индекс здоровья. Но в процессе социализации каждый индивид для себя вырабатывает определенную модель самосохранительного поведения. Целесообразным, на наш взгляд, будет различать положительную и негативную модель поведения индивида по поддержанию и сохранению собственного здоровья. Под положительной моделью самосохранительного поведения мы будем понимать действия, направленные на сохранение и продление жизни посредством ведения здорового образа жизни (физические упражнения, правильное питание, отказ от вредных привычек (курение, алкоголизм, наркомания)). Под негативной моделью самосохранительного поведения подразумеваются действия, направленные на ухудшение и снижение уровня здоровья посредством ведения асоциального образа жизни (регулярное употребление алкогольных и наркотических веществ, самоубийство и др.). Как известно, одним из первых социологов, рассмотревших вопрос, связанный с введением асоциального образа жизни, является Э. Дюркгейм, который изучал самосохранительное поведение в рамках созданной им концепции аномии и самоубийства.

Для уточнения авторской позиции необходимо определить, каким образом происходит формирование основ самосохранительного поведения. Само представление о значимости и роли самосохранительного поведения должно формироваться у индивидов с самого раннего детства, именно на этом этапе семья играет важную роль в процессе формирования личностных установок. В этот период времени у ребенка формируются первые представления о понятии здорового образа жизни, о том, из каких компонентов оно состоит, личный пример родителей и близкого окружения являются ориенти-

ром. На втором и последующих этапах социализации круг социальных связей индивида расширяется, и на процесс формирования самосохранительного поведения начинают оказывать влияние учителя, преподаватели, сверстники, медицинские работники (табл. 1).

Таблица 1

Социальные агенты, оказывающие влияние на процесс формирования самосохранительного поведения

Социальные агенты	**Действия, оказывающие влияние на процесс формирования самосохранительного поведения**
Семья (родители, близкое окружение)	Личный пример; беседы; передача знаний, культурных ценностей
Учителя, преподаватели	Передача знаний, умений; проведение воспитательных мероприятий по проблемам здорового образа жизни
Сверстники	Личный пример
Медицинские работники (врачи)	Беседы; рекомендации по лечению болезней и поддержанию здоровья

Как итог процесса формирования самосохранительного поведения индивид вырабатывает для себя определенную модель поведения (положительную или негативную) в отношении собственного здоровья.

Подчеркнем, что самосохранительное поведение как вид социального действия направлено на поддержание стабильного состояния здоровья посредством регулярного посещения медицинских учреждений. В медицинской литературе факт заинтересованности пациента в лечении обозначается с помощью понятия «приверженность к лечению». Под данным термином следует понимать, во-первых, степень соответствия поведения пациента рекомендациям, полученным от врача [8, с. 32]. Во-вторых, это последовательное выполнение пациентом врачебных указаний, которые предполагают регулярное посещение медицинского учреждения, прием назначенных лекарственных средств и, как итог, изменение образа жизни. Уровень «приверженности к лечению» зависит от нескольких факторов:

– от квалификации медицинских сотрудников;

– от уровня медицинского обеспечения;

– от активного участия пациента в лечебном процессе;

– от особенностей лекарственной терапии;

– от характеристик микросоциальной среды, в которой находится пациент.

Основополагающим среди перечисленных следует считать фактор, связанный с уровнем квалификации медицинских сотрудников: чем выше уровень компетентности медицинского сотрудника, тем выше уровень доверия со стороны пациента. Важен и уровень медицинского обеспечения, представленного необходимым набором медикаментов и технического оснащения, от которых во многом зависит успех лечения и скорейшее выздоровление пациента.

Несмотря на высокую значимость вышеуказанных факторов, именно микросреда (члены семьи, родственники, друзья, коллеги и т.д.) пребывания пациента обеспечивает посредническую и защитную функцию в деле сохранения здоровья и реализации выбранной врачом стратегии борьбы с болезнью. Как было указано выше, одним из критериев «приверженности к лечению» является выполнение врачебных предписаний. В данном случае мы имеем дело с особым видом социального взаимодействия, участниками которого являются врач и пациент и от результата которого зависит общее состояние здоровья человека и его жизненный потенциал. В современной научной литературе отношения между врачом и пациентом рассматриваются в различных аспектах. Так, по мнению И. А. Шамова, данный тип связей может рассматриваться с позиции властных отношений, где одна из сторон имеет ограниченные знания и доступ к информации (пациент), а вторая сторона наделяется властными полномочиями и более привилегированным положением (медицинские сотрудники) [9, с. 36]. Иная точка зрения представлена в работе К. Роджерса, по мнению которого для успешного взаимодействия между врачом и пациентом необходимо, чтобы пациент ощущал важность своей персоны, иначе ожидаемый результат может быть и не достигнут [10, с. 6].

Рассмотрев с теоретических позиций вопрос, связанный с изучением проблемы сохранения и продления жизненной активности индивидов, мы можем выявить основные различия между социологическим и медицинским подходом в изучении этой проблематики (табл. 2).

Таблица 2

Социологический и медицинский подход к анализу проблематики сохранения и продления жизненной активности индивидов: сравнительный анализ

Социологический подход	**Медицинский подход**
1	2
Ключевые понятия	
Самосохранительное поведение	Приверженность к лечению
Сущность понятий	
Система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни	Последовательное выполнение пациентом медицинских указаний, которые предполагают регулярное посещение медицинского учреждения, прием назначенных лекарственных средств и, как итог, изменение образа жизни
Факторы, от которых зависит уровень сформированности самосохранительных установок	
– Уровень активности агентов первичной и вторичной социализации в деле формирования установок самосохранительного поведения; – характеристики социальной среды, к которой принадлежит индивид; – уровень эффективности деятельности соответствующих социальных институтов (здравоохранения, образования, СМИ и др.)	– Определенный уровень квалификации медицинских сотрудников; – уровень медицинского обеспечения; – степень активного участия пациента в лечебном процессе; – особенности лекарственной терапии; – микросоциальная среда, в которой находится пациент

Окончание табл. 2

1	2
Участники социального взаимодействия	
Агенты первичной и вторичной социализации	Врач и пациент
Ожидаемый результат	
Продление жизни, повышение общего уровня жизненной активности индивида как участника социального взаимодействия, сохранение жизненного потенциала	Повышение индекса здоровья индивида и продление жизни

Исходя из данных, представленных в табл. 2, следует, что в рамках социологического подхода проблематика сохранения и продления жизненной активности индивидов рассматривается через призму содержания понятия самосохранительного поведения, которое по своим характеристикам гораздо шире понятия «приверженность к лечению». В отличие от медицинского подхода, подразумевающего наличие двух участников социального взаимодействия, формирующего приверженность к лечению (врача и пациента), социологический ракурс предполагает рассмотрение самосохранительного поведения, основы которого формируются в ходе социального взаимодействия без четкого ограничения количества участников, оказывающих влияние на модель поведения и систему действий индивида по отношению к собственному здоровью.

Таким образом, проведенный анализ приводит нас к выводу о том, что самосохранительное поведение – это система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни. В ходе анализа было установлено, что процесс формирования самосохранительного поведения является продолжительным, где первые представления индивида о здоровом образе жизни и правила его формирования начинают закладываться с раннего детства и могут трансформироваться посредством включения индивида в социальные группы и расширения социальных связей. Целесообразно различать положительную и негативную модель поведения индивида по поддержанию и сохранению собственного здоровья. В первом случае речь идет о действиях, направленных на сохранение и продление жизни посредством ведения здорового образа жизни, во втором – о действиях, направленных на ухудшение и снижение уровня здоровья посредством ведения асоциального образа жизни.

Список литературы

1. **Шабунова, А. А.** Здоровье населения в России: состояние и динамика : моногр. / А. А. Шабунова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.
2. **Павлов, Б. С.** Семья и самосохранительное поведение молодежи / Б. С. Павлов // Экономика региона. – 2008. – № 2. – С. 109–121.
3. **Дюркгейм, Э.** Социология и теория познания: хрестоматия по истории психологии / Э. Дюркгейм. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 394 с.
4. **Парсонс, Т.** Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

5. **Козырев, Г. И.** Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль / Г. И. Козырев // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 124–129.
6. **Журавлев, И. В.** Отношение к здоровью индивида и общества / И. В. Журавлев. – М. : Наука, 2006. – 238 с.
7. **Антонов, А. И.** Микросоциология семьи / А. И. Антонов. – М. : Издательский дом «Nota Bene», 1998. – 360 с.
8. **Онищенко, А. Л.** Изучение факторов недостаточной приверженности к лечению больных первичной глаукомой / А. Л. Онищенко, И. Г. Лихачев, В. А. Ткачев, С. Л. Пластинина // Глаукома. – 2009. – № 3. – С. 32–34.
9. **Шамов, И. А.** Врач и больной / И. А. Шамов. – М. : Изд-во УДН, 1986. – 104 с.
10. **Кадыров, Р. В.** Опросник «Уровень комплаентности» : моногр. / Р. В. Кадыров. – Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2014. – 174 с.

References

1. Shabunova A. A. *Zdorov'e naseleniya v Rossii: sostoyanie i dinamika: monogr.* [Russian people's health: the condition and dynamics: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2010, 408 p.
2. Pavlov B. S. *Ekonomika regiona* [Regional economics]. 2008, no. 2, pp. 109–121.
3. Dyurkgeym E. *Sotsiologiya i teoriya poznaniya: khrestomatiya po istorii psikhologii* [Sociology and theory of cognition: a book on history of psychology]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980, 394 p.
4. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [A system of modern communities]. Moscow: Aspekt Press, 1998, 270 p.
5. Kozyrev G. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2005, no. 3, pp. 124–129.
6. Zhuravlev I. V. *Otnoshenie k zdorov'yu individa i obshchestva* [Attitudes to health by individuals and the society]. Moscow: Nauka, 2006, 238 p.
7. Antonov A. I. *Mikrosotsiologiya sem'i* [Family microsociology]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Nota Bene», 1998, 360 p.
8. Onishchenko A. L., Likhachev I. G., Tkachev V. A., Plastinina S. L. *Glaukoma* [Glaucoma]. 2009, no. 3, pp. 32–34.
9. Shamov I. A. *Vrach i bol'noy* [The doctor and the patient]. Moscow: Izd-vo UDN, 1986, 104 p.
10. Kadyrov R. V. *Oprosnik «Uroven' komplaentnosti»: monogr.* ["The compliance level" questionnaire: monograph]. Vladivostok: Mor. gos. un-t, 2014, 174 p.

Кузеванова Ангелина Леонидовна
доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
философии и социологии,
Волгоградский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8)

Kuzevanova Angelina Leonidovna
Doctor of sociological sciences, professor,
head of sub-department of philosophy
and sociology, Volgograd branch of Russian
Academy of National Economy and Public
Service under the President of the Russian
Federation
(8 Gagarina street, Volgograd, Russia)

E-mail: angelina2000@mail.ru

Лещенко Любовь Александровна
аспирант, Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8)

Leshchenko Lyubov' Aleksandrovna
Postgraduate student, Volgograd branch of Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (8 Gagarina street, Volgograd, Russia)

E-mail: lla24011@ya.ru

УДК 316.35

Кузеванова, А. Л.

Самосохранительное поведение как фактор сохранения и продления жизненной активности индивидов: социологический аспект / А. Л. Кузеванова, Л. А. Лещенко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 154–161. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-15

УДК 378 : 338.242
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-16

Е. А. Бадеева, В. М. Володин

МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ «ГОСУДАРСТВО-ВУЗ-БИЗНЕС»-СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Высшим учебным заведениям в условиях рыночной экономики отводят ключевую роль в реализации национальной стратегии экономического роста. Со стороны государства к вузам предъявляются многочисленные требования, прописанные в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. Не все задачи, поставленные перед вузами, на данный момент решены отчасти из-за отсутствия действенного научно обоснованного механизма планирования деятельности вузов. Одной из основных проблем является оторванность образовательной сферы от реального сектора экономики.

Материалы и методы. Решение обозначенной проблемы достигается совершенствованием механизма «государство-вуз-бизнес»-сотрудничества на основании изучения зарубежного и отечественного опыта взаимодействия бизнеса и высшего образования.

Результаты. Предложен механизм устранения оторванности образовательной сферы от реального сектора экономики на основе планирования деятельности «государство-вуз-бизнес»-сотрудничества и обеспечения интересов каждой структуры в единых рамках современных подходов менеджмента: системно-процессного, проектного и ценностного.

Выводы. Сотрудничество бизнес-структур с вузами создаст положительный синергетический эффект: бизнес получит преимущества в виде повышения производительности труда за счет роста профессионально ориентированных работников, получивших образование по программам, в которых учтены требования самих работодателей; возможность реинвестирования сэкономленных средств, полученных при предоставлении региональных льгот и преференций в обновление фондов и на развитие производства; повышения имиджа, известности компании, что позволит расширить сферу своих контрагентов и клиентскую базу на региональном, российском и международном рынке; деятельность вузов будет отвечать существующим и перспективным требованиям, предъявляемым не только со стороны государства, но и бизнес-структур, работодателей и заинтересованных сторон.

Ключевые слова: механизм, взаимодействие, «государство-вуз-бизнес»-сотрудничество, системно-процессный, проектный и ценностный подходы.

E. A. Badeeva, V. M. Volodin

A DEVELOPMENT MECHANISM OF “STATE-UNIVERSITY-BUSINESS” COOPERATION

Abstract.

Background. In conditions of market economy universities are assigned a key part in realization of the national strategy of economic growth. Numerous require-

ments registered in the State program of the Russian Federation "Development of education" for 2013–2020 are imposed to higher educational institutions by the state. Not all tasks set for universities are solved at the moment partly due to the lack of an effective evidence-based mechanism of their planning and realization. One of the main problems is isolation of the educational sphere from the real sector of the economy.

Materials and methods. The present problem can be solved by studying positive domestic experience of interaction of business and the higher education as well as experience of foreign countries.

Results. The authors have suggested a mechanism of elimination of isolation of the educational sphere from the real sector of the economy on the basis of activity planning for "state-university-business"-cooperation and ensuring the interests of each structure in a joint framework of modern approaches to management: system and process, design and value approaches.

Conclusions. Cooperation of business structures with higher educational institutions will give a positive synergetic effect: business will get advantages in the form of increased labor productivity due to a growth of professionally focused workers, who have obtained education according to programs, structured on the basis of requirements from employers; a possibility to reinvest saved funds, received through regional benefits and preferences in updating the foundations and for production development; improvement of image and popularity of companies that will allow to broaden the range of contractors and client bases in the regional, Russian and international markets; the university perfomance will meet the existing and perspective requirements imposed not only by the state, but also by business structures, employers and interested parties.

Key words: interaction, "state-university-business"-cooperation, system and process, design and value approach.

Высшим учебным заведениям в условиях рыночной экономики отводят ключевую роль в реализации национальной стратегии экономического роста на основе развития человеческого капитала. В соответствии с этим к вузам со стороны государства предъявляются многочисленные требования, прописанные в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.[1]: внедрение новых моделей и организационно-экономических механизмов управления вузами, ориентированных на результат, включающих новые подходы к обучению и воспитанию; повышение качества результатов деятельности; обеспечение соответствия образовательных результатов меняющимся запросам населения, перспективным задачам развития российского общества и экономики; вовлечение заинтересованных лиц – стейкхолдеров – в управление образовательным процессом; обеспечение информационной открытости результатов деятельности вузов; подотчетность условий работы вузов для оценки их эффективности и распределения ресурсов поддержки (финансирование, ориентированное на результат); разработка и реализация эффективных моделей развития региональных систем образования, усиление роли местных сообществ и работодателей в развитии этих систем.

[1] Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 792-р). – URL: http://base.garant.ru/70643472/

«Основная проблема, – по словам О. А. Замулина, декана факультета экономических наук НИУ «Высшая школа экономики», – оторванность образовательной сферы от реального сектора экономики. Вуз должен общаться с работодателями, понимать их запросы. Важно работать в связке с профессиональным сообществом»[1]. Со слов А. Н. Шохина, президента Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), председателя Национального совета при Президенте РФ по профессиональным квалификациям, «важно сформировать механизмы, которые бы позволяли автономно, без подключения “ручного управления”, настраивать систему подготовки кадров на требования, предъявляемые к работникам “на производстве”»[2]. Не все задачи, поставленные перед вузами, на данный момент решены отчасти из-за отсутствия действенного научно обоснованного механизма планирования деятельности вузов. Вузы должны четко и грамотно планировать свою деятельность для обеспечения требуемого качества оказываемых образовательных и других услуг с ориентацией на требования стейкхолдеров.

Для решения проблемных вопросов поступательного развития высшего образования с учетом изученного отечественного опыта взаимодействия бизнеса и высшего образования и опыта зарубежных стран (университеты Великобритании, США, Швеции и других европейских стран) [1–5] предлагается механизм развития сотрудничества данных институтов с учетом синтеза современных подходов менеджмента: системно-процессного, проектного и ценностного [6]. Данный механизм включает совокупность форм взаимодействия вузов и бизнес-структур, а также мероприятий на основе совместного планирования их деятельности с опорой на поддержку государства. Развитие данного сотрудничества должно подчиняться общей стратегии развития Российской Федерации и предполагает совместное согласование интересов участников при разработке законодательных, нормативно-правовых актов и рабочих документов на основе объединения общих усилий и взаимопроникновения мероприятий по достижению совместных целей и отражение последних в процессах каждой единицы сотрудничества [7, 8]. Развитие системно-процессного, проектного и ценностного подходов, достижение совместных целей процессов вуза и бизнес-партнеров являются основными условиями реализации результативного и эффективного сотрудничества.

Мы пришли к выводу, что ввиду важности вопроса один из проректоров вуза берет на себя работу с внешними заинтересованными лицами (местными органами власти, работодателями, школами, родителями, профессионально-общественными организациями) по независимой оценке качества образования и др. На него возлагаются организация встреч с представителями стейкхолдеров (как внешних, так и внутренних), планирование и проведение совместных мероприятий: SWOT-анализ, оценка перспективных направлений развития «государство-вуз-бизнес»-сотрудничества, формирование совместных планов и стратегии развития, разработка и актуализация процессов (проектов) вуза и бизнес-структур, определение целей процессов (проектов) и их показателей, формирование совместных мероприятий по достижению целей

[1] Международная научно-методическая конференция «Образовательные программы и профессиональные стандарты: поиск эффективного взаимодействия». – URL: http://conference.maofeo.ru

[2] Там же.

процессов. По результатам выполнения совместных мероприятий проводятся итоги, информация о которых доводится до заинтересованных сторон.

На данный момент взаимодействие с бизнес-партнерами не находит своего отражения ни в нагрузке, ни в индивидуальном плане ППС, ни в плане работ кафедр и других структурных подразделений вуза, что отрицательно влияет на реализацию данного сотрудничества. Развитие «государство-вуз-бизнес»-сотрудничества основывается на применении системно-процессного и проектного подходов, в рамках которых в каждом структурном подразделении вуза прописываются мероприятия (в спецификациях на процессы, планах выполнения проектов, в индивидуальных планах работ ППС на учебный год), обеспечивающие сотрудничество с представителями бизнеса и работодателями. Вуз ведет постоянный мониторинг и контроль выполнения данных мероприятий.

Для вовлечения работников вуза в сотрудничество с бизнес-партнерами и работодателями предлагается формировать планы вуза (в том числе индивидуальные планы ППС на учебный год) по процессам вуза и открываемым проектам, в которых должны быть отражены формы взаимодействия с хозяйствующими субъектами, например стажировки сотрудников вузов на производстве, совместные конференции, мероприятия по формированию потенциального кадрового резерва из числа выпускников, мероприятия по реализации совместных программ, проектов и т.п.

Участие региональных бизнес-структур в формировании и актуализации образовательных программ вузов возможно при совпадении интересов вуза и производителя или при наличии единого органа управления. В этой связи интересен опыт отдельных вузов[1] [5] по привлечению к руководству кафедр первых лиц, руководителей производств или государственных структур. В Положении о выборах заведующего кафедрой ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» прямо сказано, что заведующий кафедрой избирается не только из числа наиболее квалифицированных и авторитетных специалистов, имеющих ученую степень и ученое звание, стаж научно-педагогической работы или работы в организациях по направлению профессиональной деятельности, соответствующей деятельности кафедры, но и из числа крупных специалистов, получивших международное или всероссийское признание в соответствующей области, подтвержденное соответствующими документами, а также обладающих опытом и стажем практики[2]. Руководство кафедрами ведущими специалистами бизнес- и госструктур создает возможности оптимально координировать программы учебного процесса с потребностями производства и региона. Привлечение научных сотрудников вузов к руководству подразделениями государственных структур и производств также обеспечит развитие взаимовыгодного сотрудничества между вузом и бизнесом.

Необходимым условием развития «государство-вуз-бизнес»-сотрудничества становится проведение ежеквартальных или полугодовых совместных встреч, конференций, семинаров с освещением результатов совместной дея-

[1] ФГАОУВО «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики». – URL: www.ifmo.ru

[2] ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». – URL: http://www.spbstu.ru

тельности в средствах массовой информации, в социальных сетях и на сайтах данных структур.

В стратегическом плане развития хозяйствующего бизнес-субъекта на 15–25 лет взаимный интерес связан с формированием потенциального кадрового резерва. Данная информация оперативно доводится до вузов региона. Предлагается в работу отдела кадров субъектов внести дополнительную функцию по составлению кадрового паспорта. Кадровый паспорт будет тем документом, в который будут включаться информации о перспективном планировании востребованности необходимых специалистов той или иной квалификации и профиля для различных служб и отделов. Данный паспорт субъекта хозяйствования может стать базовым документом системы информационного обеспечения вузов по планированию приема в вузы, оперативному трудоустройству выпускников региона, прохождению практики обучающимися. Рекомендуется на законодательном уровне закрепить формирование кадрового паспорта хозяйствующего субъекта.

С учетом постановления Госкомтруда СССР, АН СССР, ВЦСПС «Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства» от 01.04.1986 г. [9], носившего рекомендательный характер, службы социального развития хозяйствующих субъектов формировали социальный паспорт предприятия – документ, характеризующий состояние социального развития коллектива на отчетный год. Отличительной особенностью предлагаемого кадрового паспорта хозяйствующего субъекта будет его обязательный характер; наличие показателей на перспективу, а не за отдельный отчетный год, показатели будут формироваться за текущий год и плановый период (3 года, 5, 10 и 15 лет). Он будет включать характеристику не только состояния социального развития коллектива, но и показатели востребованности в кадрах по каждому отделу, службе и т.п., необходимые внешним заинтересованным сторонам, в первую очередь вузам.

Основными показателями кадрового паспорта должны стать следующие:

1) сведения о подборе и расстановке персонала субъекта, включающие общую характеристику персонала с делением по структурным подразделениям и возрастным группам: а) моложе 30 лет; б) от 30 до 40 лет; в) от 40 до 55 лет; г) свыше 55 лет;

2) сведения о квалификации и стаже работы персонала: а) молодые специалисты (стаж до трех лет); б) сотрудники, получающие досрочную пенсию; в) пенсионеры по возрасту (работающие);

3) сведения о руководящем составе субъекта;

4) сведения об обучении персонала (переподготовка и повышение квалификации);

5) формирование резерва персонала;

6) сведения о прохождении практики студентами и др.

Формирование и согласование кадрового паспорта хозяйствующего субъекта с учреждениями образования на уровне региона обеспечит целенаправленную профессиональную подготовку кадров, подконтрольность и прозрачность данного процесса; упростит, облегчит и ускорит процесс трудоустройства выпускников вузов и прохождения ими практики.

В настоящее время пятилетний срок обучения специалистов сократился до четырехлетнего срока обучения в бакалавриате, за более короткий срок идет подготовка трудовых ресурсов с требуемым качеством. Для усиления

практикоориентированного образования, подготовки квалифицированных кадров, готовых к трудовой деятельности после прохождения обучения в вузе, необходимо законодательно изменить срок прохождения практики бакалавров на производстве, увеличив его до года. Тем самым будет увеличен срок обучения в бакалавриате за счет включения в него годового срока прохождения практики студентов на производстве (после четвертого семестра и до начала седьмого семестра теоретического обучения, т.е. до начала работы над выпускной квалификационной работой).

На рис. 1 представлены предлагаемые формы взаимодействия вуза и бизнес-партнеров и возможные методы стимулирования данного сотрудничества со стороны государства. Одной из форм эффективного развития сотрудничества между вузами и бизнесом должно стать финансирование на конкурсной основе со стороны государства из отдельного фонда «Третий поток» (по аналогии с существующим в Великобритании) коллективной заявки вуза и бизнес-партнера на совместный проект при условии наличия положительного сотрудничества между данными структурами не менее пяти лет в форме взаимной передачи знаний, повышения квалификации, консалтинга, совместных научных исследований и разработок и т.п.

Со стороны властных органов (государственных органов) необходима поддержка бизнеса, активно участвующего в совместных с вузами мероприятиях, в части предоставления ему региональных льгот и преференций.

Правовой предпосылкой укрепления сотрудничества должно стать снижение совокупной налоговой нагрузки на образовательное учреждение, реальный сектор экономики и другие заинтересованные стороны, участвующие в процессе развития, интеграции образовательной, научной, воспитательной и других видов деятельности вуза совместно с экономическими субъектами. Требуется законодательно закрепленное налоговое стимулирование всех участников национальной экосистемы инноваций [10, 11].

Налоговая ставка налога на прибыль организаций, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов Российской Федерации, может быть понижена законами субъектов для отдельных категорий налогоплательщиков. Предлагается в части суммы налога, подлежащей в соответствии с федеральным законодательством зачислению в бюджет субъектов, налог на прибыль уплачивать по пониженной ставке 13,5 % организациями, осуществляющими сотрудничество с вузами региона.

Для экономических субъектов, образованных в результате сотрудничества вуза и бизнеса, предлагается в качестве первоначальной инвестиции предоставлять налоговые льготы, аналогичные действующим в отношении резидентов инновационного центра «Сколково», в течение первых пяти лет.

В целях стимулирования сотрудников вузов и производств к участию в научно-технической и инновационной деятельности в рамках совместных проектов предлагается отнести к выплатам, не подлежащим налогообложению налогом на доходы физических лиц, вознаграждения и премии, полученные авторами изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Для этого следует дополнить ст. 217 «Доходы, не подлежащие налогообложению (освобождаемые от налогообложения)» Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) данным пунктом: «п. 68 вознаграждения, выплачиваемые за разработку изобретений, полезных моделей, промышленных образцов».

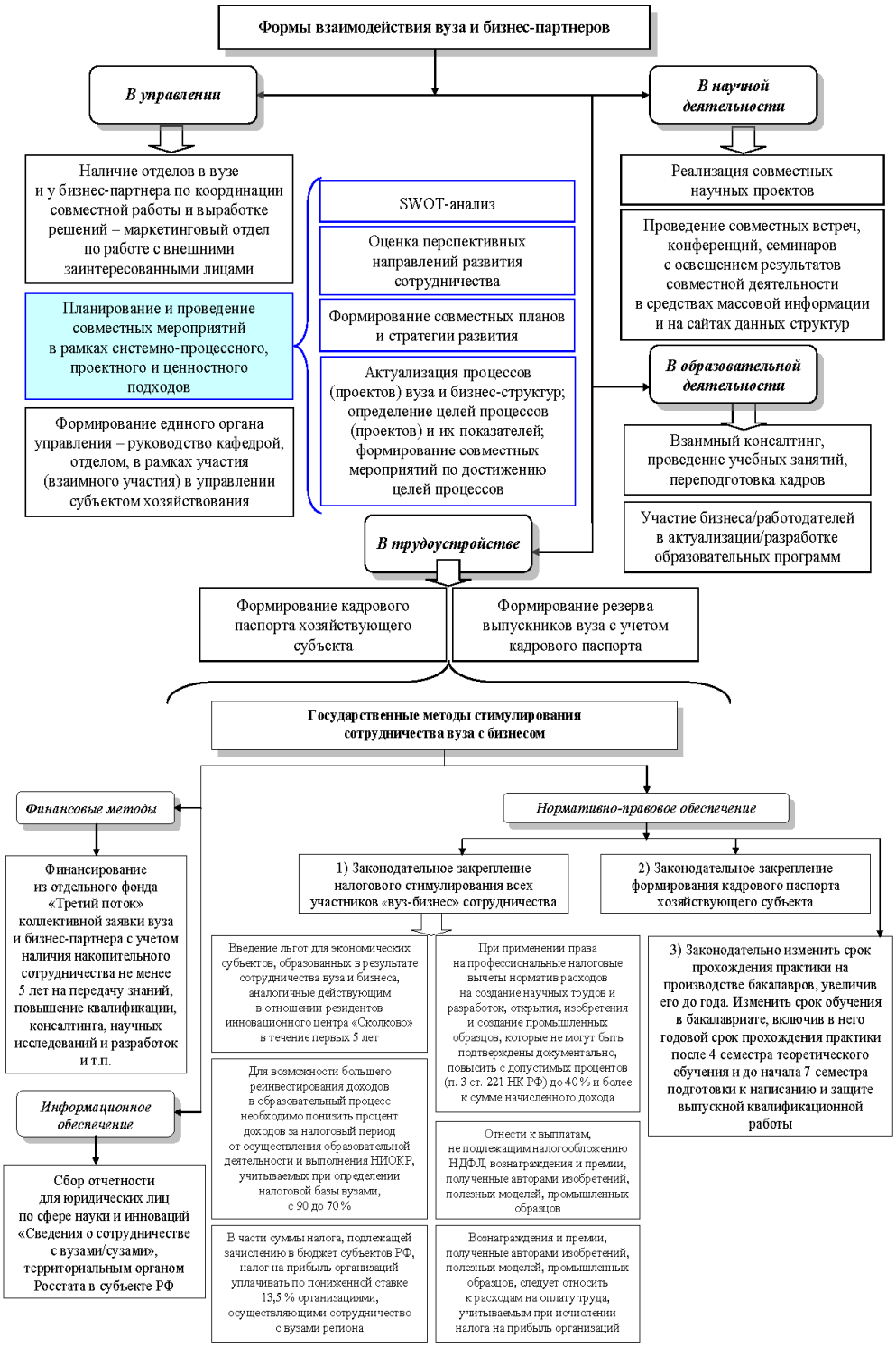


Рис. 1. Формы взаимодействия и методы стимулирования сотрудничества вуза и бизнес-партнеров со стороны государства

Представляется также, что все указанные выплаты следует относить к расходам на оплату труда, учитываемым при исчислении налога на прибыль организаций. Рекомендовано дополнить ст. 255 НК РФ новым пунктом следующего содержания: «суммы вознаграждений и премий, выплачиваемых авторами изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, программ для электронно-вычислительных машин, баз данных, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), рационализаторских предложений».

Предлагается при применении права на профессиональные налоговые вычеты норматив расходов на создание научных трудов и разработок, открытия, изобретения и создание промышленных образцов, которые не могут быть подтверждены документально, повысить с допустимых процентов (п. 3 ст. 221 НК РФ) до 40 % и более к сумме начисленного дохода.

НК РФ включает ст. 284.1, согласно которой вузы вправе применять налоговую ставку 0 % при исчислении налога на прибыль организаций. Для возможности большего реинвестирования доходов в образовательный процесс необходимо усилить данную налоговую льготу для вузов, понизив процент доходов за налоговый период от осуществления образовательной деятельности и выполнения НИОКР, учитываемых при определении налоговой базы, с 90 до 70 %.

Предлагается в отчетность бизнеса (юридических лиц, в том числе субъектов малого предпринимательства) в разделы, касающиеся науки и инноваций, добавить сведения и информацию о взаимодействии с вузами/сузами, совместных научных исследованиях и разработках в форме «Сведения о сотрудничестве с вузами/сузами» (табл. 1). Рекомендуется предоставлять данную информацию территориальному органу Росстата в субъекте Российской Федерации с периодичностью раз в год со сроком сдачи 20 января после отчетного периода.

Данные будут формироваться по одному образовательному учреждению. Если хозяйствующий субъект сотрудничает с несколькими учреждениями образования, сведения подаются по каждому учреждению отдельно.

Таблица 1

Пример формы «Сведения о сотрудничестве с вузом/сузом»

Наименование отчитывающейся организации _____
Почтовый адрес_____
Наименование учреждения образования _____

Наименование показателя	Номер строки	Сведения за 20XX г.	Примечание / Единицы измерения
1	2	3	4
В УПРАВЛЕНИИ ВУЗОМ/СУЗОМ	1		
Участие в попечительском совете	2		*количество человек*
Участие в руководстве вузом: – в качестве кого _____	3		*количество человек*
– в качестве кого _____	4		*количество человек*
– в качестве кого _____	5		*количество человек*

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Проведение совместного SWOT-анализа по видам деятельности развития сотрудничества	6		*количество человек*
Участие в социологическом опросе, проводимом в образовательном учреждении	7		*количество человек*
Разработка совместных планов и стратегии развития:	8		
– на текущий год	9		*количество планов*
– на перспективу	10		*количество планов*
Актуализация процессов (проектов):	11		
– планирование совместных мероприятий	12		*количество мероприятий*
– реализация совместных мероприятий	13		*количество мероприятий*
– оценка результативности проведенных мероприятий *(отношение запланированных показателей к фактическим)*	14		*результативность*
– оценка эффективности *(отношение результативности мероприятия к затратам на его выполнение)*	15		*эффективность*
Формирование кадрового резерва на отчетный год (*количество запланированных к принятию выпускников*)	16		*количество принятых выпускников*
Дополнительные сведения	17		
В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	18		
Совместный научный проект	19		*количество проектов*
Рецензирование работ :	20		
– научных статей	21		*количество прорецензированных научных статей*
– учебных изданий	22		*количество прорецензированных учебных изданий*
– прочее	23		
Исследовательские проекты со студентами:	24		
– наименование проекта _____	25		*количество проектов со студентами*
– студенческие заявки	26		*количество студенческих заявок*
– студенческие заявки прошедшие конкурсный отбор	27		*количество заявок победителей*
– лауреаты конкурса	28		*количество лауреатов конкурса*

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Проекты студентов, внедренные в практику	29		*количество проектов*
Проведение совместных конференций	30		*количество конференций*
Написание совместных научных работ:	31		
– научных статей	32		*количество статей*
– учебных изданий	33		*количество учебных изданий*
– прочее	34		
Подготовка совместных заявок	35		*количество заявок*
Дополнительные сведения	36		
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	37		
Участие в актуализации/разработке образовательных программ	38		*количество*
Чтение лекций	39		*количество проведенных занятий в часах*
Проведение практических работ	40		*количество проведенных занятий в часах*
Проведение лабораторных работ	41		*количество проведенных занятий в часах*
Прохождение стажировки сотрудниками вуза/ссуза	42		*количество человек*
Прохождение практики студентами	43		*количество человек*
Консалтинг :	44		
– обращения к образовательному учреждению за консультацией	45		*количество человек*
– обращение образовательного учреждения за консультацией	46		*количество человек*
Переподготовка, повышение квалификации кадров	47		*количество человек*
Дополнительные сведения	48		
ФИНАНСИРОВАНИЕ	49		
Совместный научный проект	50		*сумма, тыс. руб.*
Оплата обучения выпускников:	51		
– за счет собственных средств	52		*сумма, тыс. руб.*
– за счет средств федерального бюджета	53		*сумма, тыс. руб.*
Дополнительные сведения	54		
ТРУДОУСТРОЙСТВО	55		
Трудоустроенные выпускники в отчетном году:	56		
– запланированные на принятие с учетом формирования кадрового резерва стратегического паспорта	57		*количество человек*

Окончание табл. 1

1	2	3	4
– вне плана	58		*количество человек*
Дополнительные сведения	59		
ПРОЧЕЕ	60		
Экскурсии на производстве	61		*количество мероприятий/человек*
Спортивные соревнования	62		*количество мероприятий/человек*
Проведение встреч, праздников и т.п.	63		*количество мероприятий/человек*
Дополнительные сведения	64		

В столбце 1 формы «Наименование показателя» указываются основные виды совместной деятельности, в столбце 2 – номер строки по порядку, в столбце 3 указываются сведения за отчетный период, в столбце 4 раскрывается информация о единице измерения показателя и более детальная расшифровка данных (если это необходимо для полноты раскрытия материала). Для сведений, не раскрытых в форме, введены строки «Дополнительные сведения».

В случае необходимости юридическое лицо может внести дополнительные сведения, не отраженные в основных пунктах формы. К форме могут быть добавлены приложения (необязательные) для указания детальной расшифровки показателя и (или) совместных мероприятий.

В конечном счете сотрудничество бизнес-структур с вузами даст положительный эффект и тем и другим:

– бизнес-структуры получат преимущества в виде повышения производительности труда за счет роста профессионально ориентированных работников, получивших образование по программам, в которых учтены требования самих работодателей;

– возможность реинвестирования сэкономленных средств, полученных при предоставлении региональных льгот и преференций, в обновление фондов и на развитие производства; повышения имиджа, известности компании, что позволит расширить сферу своих контрагентов и клиентскую базу на региональном, российском и международном рынке;

– деятельность вузов будет отвечать существующим и перспективным требованиям, предъявляемым не только со стороны государства, но и бизнес-структур, работодателей и заинтересованных сторон.

Такой двойной эффект обеспечит национальную безопасность и конкурентоспособность государства, расширит социальные и экономические возможности всех граждан страны.

Итак, скорректирован подход к управлению в системе «государство-вуз-бизнес»-сотрудничества в целях обеспечения соответствия содержания научно-образовательных программ и технологий потребностям экономики и рынка труда в рамках синтеза современных подходов менеджмента: системно-процессного, проектного и ценностного.

Список литературы

1. **Маркаров, Д. Э.** Высшее образование и бизнес: направления взаимодействия / Д. Э. Маркаров, Е. В. Злобин // Высшее образование в России. – 2011. – № 11. – С. 137–142.
2. **Gibson, M.** Бизнес и высшее образование: опыт взаимодействия в Великобритании / M. Gibson, А. Ю. Афонин // Университетское управление. – 2004. – № 4 (32). – С. 53–66.
3. **Седунов, А. В.** Модели взаимодействия университета и делового сообщества: европейский опыт / А. В. Седунов, С. Ю. Седунова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2011. – № 15. – С. 146–153.
4. **Бертон Р. Кларк.** Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / Бертон Р. Кларк ; пер. с англ. А. Смирнова. – М., 2011.
5. Управление вузом в современных условиях (опыт Нижегородского университета) / рук. авт. кол. Р. Г. Стронгин. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2010. – 170 с.
6. **Володин, В. М.** Развитие принципов планирования вузовских услуг на основе синтезирующего подхода / В. М. Володин, Е. А. Бадеева // Университетское образование (МКУО-2016) : сб. ст. XX Междунар. науч.-метод. конф. (г. Пенза, 7–8 апреля 2016 г.) / под ред А. Д. Гулякова, Р. М. Печерской. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – 362 с. – С. 132–134.
7. **Бадеева, Е. А.** Проблемы и перспективы развития эффективной системы планирования видов деятельности квалитативного университетского менеджмента / Е. А. Бадеева // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 23 (374). – С. 39–48.
8. **Бадеева, Е. А.** Стратегия формирования региональной инновационной экосистемы / Е. А. Бадеева // Открытые инновации – вклад молодежи в развитие региона : сб. материалов регионального молодежного форума (г. Пенза, 6 декабря 2013 г.) : в 2 т. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2013. – Т. 2. – 322 с. – С. 149–152.
9. Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства и утверждении типового положения о службе социального развития предприятия, организации, министерства : Постановление от 1 апреля 1986 г. № 109/64/7-23 г. Москва (в ред. Постановления Госкомтруда СССР, Президиума Академии наук СССР и Секретариата ВЦСПС от 24 января 1990 г. № 36/16/2-103). – URL: http://docs.cntd.ru/document/9007599
10. **Бадеева, Е. А.** Развитие научно-исследовательской и инновационной деятельности организаций: налоговый аспект / Е. А. Бадеева, М. И. Тропина // Современная налоговая система: состояние, проблемы и перспективы развития. VII Всероссийская заочная научная конференция с международным участием : сб. тр. / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа : УГАТУ, 2013. – 314 с. – С. 257–271.
11. **Бадеева, Е. А.** Развитие инновационной деятельности экономических субъектов на основе налогового стимулирования / Е. А. Бадеева, М. И. Тропина // Актуальные проблемы налогообложения и развития ключевых сфер экономики : материалы IV Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (г. Пенза, ноябрь 2013 г.) – Пенза : Изд-во ПГУ, 2013. – 188 с. – С. 88–102.

References

1. Markarov D. E., Zlobin E. V. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2011, no. 11, pp. 137–142.
2. Gibson M., Afonin A. Yu. *Universitetskoe upravlenie* [University management]. 2004, no. 4 (32), pp. 53–66.
3. Sedunov A. V., Sedunova S. Yu. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Pskov State University. Series: Humanities, social, psychological and pedagogical sciences]. 2011, no. 15, pp. 146–153.

4. Berton R. Klark. *Sozdanie predprinimatel'skikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii* [Establishment of entrepreneurial universities: organizational focuses of transformations]. Transl. from English by A. Smirnov. Moscow, 2011.
5. *Upravlenie vuzom v sovremennykh usloviyakh (opyt Nizhegorodskogo universiteta)* [University management in modern conditions (the experience of Nizhny Novgorod University)]. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU, 2010, 170 p.
6. Volodin V. M., Badeeva E. A. *Universitetskoe obrazovanie (MKUO-2016): sb. st. XX Mezhdunar. nauch.-metod. konf. (g. Penza, 7–8 aprelya 2016 g.)* [University education (ICUE-2016): proceedings of XX International scientific and practical conference (Penza, 7th–8th April 2016)]. Penza: Izd-vo PGU, 2016, 362 p., pp. 132–134.
7. Badeeva E. A. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. 2014, no. 23 (374), pp. 39–48.
8. Badeeva E. A. *Otkrytye innovatsii – vklad molodezhi v razvitie regiona: sb. materialov regional'nogo molodezhnogo foruma (g. Penza, 6 dekabrya 2013 g.): v 2 t.* [Open innovations – youth contribution into regional development: proceedings of the regional youth forum (Penza, 6th December 2013): in 2 volumes]. Penza: Izd-vo PGU, 2013, vol. 2, 322 p., pp. 149–152.
9. *Postanovlenie ot 1 aprelya 1986 g. № 109/64/7-23 g. Moskva (v red. Postanovleniya Goskomtruda SSSR, Prezidiuma Akademii nauk SSSR i Sekretariata VTsSPS ot 24 yanvarya 1990 g. № 36/16/2-103)* [The enactment from 1st Arpil 1986 № 109/64/7-23, Moscow (edited by the Enactment of the State Labor Committee of USSR, the Presidium of the USSR Acadmy of Sciences and the All-USSR Central Council of Labor Unions from 24th January 1990 № 36/16/2-103)]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/9007599
10. Badeeva E. A., Tropina M. I. *Sovremennaya nalogovaya sistema: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya. VII Vserossiyskaya zaochnaya nauchnaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem: sb. tr.* [Modern tax system: condition, problems and development prospects. VII All-Russian correspondence scientific conference with internationalparticipation: collected papers]. Ufimsk. gos. aviats. tekhn. un-t. Ufa: UGATU, 2013, 314 p., pp. 257–271.
11. Badeeva E. A., Tropina M. I. *Aktual'nye problemy nalogooblozheniya i razvitiya klyuchevykh sfer ekonomiki: materialy IV Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, noyabr' 2013 g.)* [Topical problems of taxation and key economic fields development: proceedings of IV International correspondence scientific and practical conference (Penza, November 2013)]. Penza: Izd-vo PGU, 2013, 188 p., pp. 88–102.

Бадеева Елена Александровна
кандидат технических наук, доцент, кафедра бухгалтерского учета, налогообложения и аудита, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: badeeva_elena@mail.ru

Badeeva Elena Aleksandrovna
Candidate of engineering sciences, associate professor, sub-department of accounting, taxation and audit, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Володин Виктор Михайлович
доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента и экономической безопасности, декан факультета экономики и управления, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ieu@stup.ac.ru

Volodin Victor Mihaylovich
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of management and economic security, dean of the Faculty of economics and management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 378 : 338.242
Бадеева, Е. А.
Механизм развития «государство-вуз-бизнес»-сотрудничества / Е. А. Бадеева, В. М. Володин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 162–175. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-16

УДК 330.33.01 : 338.245.2 : 339.9
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-17

Г. А. Черемисинов, И. О. Пугачев

ВОЕННОЕ КЕЙНСИАНСТВО В КОНЦЕПЦИЯХ ДОЛГОСРОЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена исследованию теоретико-методологических аспектов военного предпринимательства государства в концепциях долгосрочных экономических циклов. Оригинальность научного подхода заключается в попытке обосновать правомерность включения военного кейнсианства в модели вековых циклов и полувековых К-циклов.

Материалы и методы. Научная гипотеза об обусловленности внешних и внутренних угроз экономической безопасности России сочетанием объективных факторов циклической динамики конъюнктуры и субъективных факторов государственной политики позволяет исследовать военно-политические и социально-хозяйственные проблемы с применением методологии миросистемного анализа, концепций государственного предпринимательства и долгосрочных экономических циклов.

Результаты. Показано, что деятельность государства-гегемона США в рамках векового цикла накопления капитала определяла фундаментальные процессы современной мировой экономики, формировала условия реализации К-цикла. Длинноволновые колебания конъюнктуры российской экономики были сопряжены с циклической динамикой мирового хозяйства. Для полупериферийной российской модели государственного предпринимательства были характерны «маятниковые» движения в рамках К-циклов. На повышательных волнах наблюдалось приближение России к центру мировой экономики, на понижательных волнах происходило скатывание ее к периферии.

Выводы. Датировка фаз и временных параметров экономических циклов, определение тенденций социально-политического развития осуществимы на основе экономических показателей и «знаковых» политических событий. Эскалация международной напряженности наблюдалась в переломные периоды между фазами К-цикла: от нисходящей к восходящей и наоборот. Обострение противоречий интересов макроэкономических субъектов при смене фаз вековых циклов и К-циклов мирохозяйственной конъюнктуры объясняет часть сегодняшних трудностей российской экономики ужесточением международной конкуренции, проявлением ее конфликтных форм: санкций, экономической блокады, торговых и денежно-финансовых войн, открытых военных действий. Государственную программу перевооружения российской армии следует рассматривать как долгосрочный мегапроект, создающий предпосылки для восходящей фазы К-цикла.

Ключевые слова: экономические циклы, миросистемный анализ, государственное предпринимательство, военное кейнсианство.

G. A. Cheremisinov, I. O. Pugachyov

MILITARY KEYNESIANISM IN CONCEPTIONS OF LONG-TERM ECONOMIC CYCLES

Abstract.

Background. The article is devoted to theoretical and methodological aspects of the military business of the state in concepts of long-term economic cycles. The ori-

ginality of the scientific approach is to try to justify the legitimacy of inclusion of military Keynesianism in the model of secular cycles and half-century cycles.

Materials and methods. The scientific hypothesis about conditionality of external and internal threats to economic security of Russia by a combination of objective factors of cyclic dynamics of the situation and subjective factors of the state policy allows to explore the military, political and socio-economic problems with the application of the methodology of Microsystem analysis, concepts of government entrepreneurship and long-term economic cycles.

Results. Based on the submitted scientific hypotheses it is shown the activities of USA being a hegemonic state determined the basis processes of the contemporary world economy and formed the conditions of K-cycle actualizing within a secular cycle of capital accumulation. Long-wave fluctuations of the Russian economic conjuncture were connected with the cycling dynamic of the world economy. "Floating" motions within the K-cycles were typical for the semi-peripheral Russian model of government entrepreneurship. On the buoyant waves there was observed the Russian approaching to the center of the world economy and its recession to the periphery on the bearish waves.

Conclusions. Phase dating and time characteristics of economic cycles, determination of the social-political tendencies of developing are feasible in the base of economic activities and "indicative" political events. The international escalation intensity was observed in the critical times within the K-cycles' phases: from descending to ascending and vice versa. Opposition intensification of the macroeconomic subjects' interests within the secular and K-cycle phases' changings of the world-economy conjuncture explains a part of nowadays difficulties in the Russian economy by the toughening of the international competition and its conflict forms demonstration: sanctions, embargo, monetary and commercial wars, and open warfare. The government rearmament program of the Russian army should be considered as a long-term megaproject, creating precondition for the buoyant K-cycle phase.

Key words: economic cycles, world-system analysis, government entrepreneurship, military keynesianism.

Изучение цикличности воздействия государственной власти на экономическую конъюнктуру и обратного влияния макроэкономической динамики на государственное управление и хозяйствование имеет теоретико-методологическое и прикладное значение. Выдвижение тезиса об обусловленности угроз экономической безопасности России сочетанием объективных факторов циклической динамики конъюнктуры и субъективных факторов государственной политики – плодотворная научная гипотеза, позволяющая изучать военно-политические и социально-хозяйственные проблемы с применением методологии миросистемного анализа, концепций государственного предпринимательства и долгосрочных экономических циклов.

Актуальный доклад С. Ю. Глазьева «О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии» на заседании Научного совета Российской академии наук по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию был построен с использованием моделей долгосрочных циклов социально-экономического развития [1].

Внешние и внутренние угрозы экономической безопасности России, по мнению С. Ю. Глазьева, определяются сочетанием объективных и субъективных факторов. Объективно эскалация международной военно-политической напряженности обусловлена переживаемым глобальным кризисом –

закономерным проявлением длинных циклов экономической активности, известных как волны Кондратьева (К-циклы). В основе длинной волны, как считает ученый, лежит жизненный цикл технологического уклада (ТУ) – комплекса технологически сопряженных производств, составляющих вместе с соответствующими им институтами самовоспроизводящуюся целостность. Наряду со структурным кризисом мировой экономики, обусловленным сменой ТУ, происходит переход к новому вековому циклу накопления капитала. В такие периоды наблюдается резкая дестабилизация системы международных отношений, разрушение старого и формирование нового миропорядка, которое сопровождается мировыми войнами между старыми и новыми лидерами за доминирование на мировом рынке [1].

Внутренние субъективные факторы угроз безопасности нашей страны коренятся в стратегических ошибках проводимой российским правительством экономической политики, которые делают ее крайне зависимой от мировой конъюнктуры и зарубежного капитала. Внешние факторы антироссийской агрессии создает руководство США, негативно реагирующее на глобальную интеграцию независимых политико-экономических структур – БРИКС, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества, на инициативу формирования зоны торгового и гуманитарного сотрудничества между Европой и Азией (единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока) [1].

Стремление С. Ю. Глазьева развивать авторскую концепцию технологических укладов [2] в контексте обострения противоречий интересов макроэкономических субъектов при смене фаз циклической динамики мирохозяйственной конъюнктуры побуждает к обсуждению дискуссионных теоретических проблем долгосрочных экономических циклов.

Формирование экономической конъюнктуры зависит от государственного предпринимательства – деятельности, связанной с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, направленной на расширение кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов. В сферу государственного предпринимательства входят непосредственное ведение хозяйственных дел (казенное производство товаров и услуг, торговые монополии, займы и субсидии, текущее поступление и расходование средств бюджета) и реализация функций государственного управления (организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей, регулирование режима внешнеэкономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы) [3, с. 31–32].

Суждения о предпринимательском поведении государства встречаются у исследователей мирохозяйственных проблем. Дж. Арриги рассматривал власть, собственность, богатство как компоненты предпринимательской (капиталистической) деятельности государственных структур (правительства), опираясь на тезис-тождество Т. Гоббса, согласно которому богатство – это сила, власть, и на высказывания М. Вебера о том, что национальные государства являются крупнейшими предпринимателями, конкурирующими за потоки капитала. Интенсивная межгосударственная борьба за мобильный капитал определяет отношения между капитализмом, индустриализмом и милитаризмом [4, с. 108, 121, 256]. Предпринимательство государственного аппарата направлено на максимизацию власти и контролируемых ресурсов (террито-

рии, богатства, населения). Богатство служит источником власти, а власть служит источником богатства.

Р. Бреннер показал, что во второй половине XX в. правительства США, Германии и Японии были главными действующими лицами всей системы конкурентной борьбы капиталистов друг против друга, внутри национальных экономик и на международном уровне [5, с. 105, 140, 152, 161–163, 313, 361]. Государственные структуры осуществляли функции предпринимателя-конкурента.

Специфику современного государства И. Валлерстайн объяснял эволюцией межгосударственной системы как надстройки капиталистического мира-экономики [6, с. 389]. Ученый указывал: «Каждая из государственных машин *ограничена* функционированием мировой экономики (и межгосударственной системы), необходимостью соблюдать определенные ограничения или же… быть готовым к определенным санкциям со стороны других государств (с целью изменить политический курс, границы или режим)» [6, с. 391].

Государства – это институты, созданные для выражения потребностей классовых сил (социальных групп) в масштабах мировой экономики. Они не являются ни суверенными, ни равными, навязывают друг другу ограничения на образ политических и военных действий, на возможности накопления капитала и перераспределения добавленной стоимости [6, с. 408–409].

В мировом хозяйстве складывается единое осевое разделение труда, и в межгосударственной системе формируются три структурные позиции – центр (сердцевина, ядро), периферия и полупериферия. В центре мира-экономики одна страна занимает лидирующее положение гегемона и способна устанавливать правила и добиваться удовлетворения своих интересов в экономической, политической, военной, дипломатической и культурной сферах [6, с. 41, 97].

Гегемония в мировом хозяйстве имеет долгосрочную историко-экономическую эволюцию и теоретически объясняется вековыми циклами (тенденциями) конъюнктуры и полувековыми К-циклами. Концепция вековых (системных) циклов накопления капитала, разработанная Дж. Арриги, представляет развитие капиталистической миросистемы как чередование фаз материальной и финансовой экспансии. На фазах материальной экспансии денежный капитал «приводит в движение» растущую массу товаров, включая рабочую силу и природные ресурсы; а на фазах финансовой экспансии (финансиализации) растущая масса денежного капитала «освобождается» от товарной формы и накопление осуществляется посредством финансовых сделок [7, с. 44].

Концепции вековых циклов связаны с периодической сменой мировой гегемонии [6, с. 95–107; 8, с. 13–84]. Первыми гегемонами в Европе были города-государства Генуя и Венеция. Их сменили Нидерланды, затем Великобритания и США. Соответственно, выделяются четыре вековых цикла мировых процессов накопления капитала: генуэзский цикл XV – начала XVI в., голландский цикл конца XVI – третьей четверти XVIII в., британский цикл второй половины XVIII – начала XX в. и американский цикл с конца XIX в. Последовательные системные циклы накопления пересекаются и длятся больше столетия: отсюда название «долгого века» [7, с. 45].

Дж. Арриги различал сигнальные кризисы гегемонии, которые могут быть разрешены, и терминальные кризисы, знаменующие конец гегемонии.

Государство может оставаться доминантным и после терминального кризиса его гегемонии [4, с. 169].

«Долгий двадцатый век» в понимании ученого состоит из трех сегментов. Первый длился от сигнального кризиса британского режима накопления в 1870-х гг. до его терминального кризиса до 1930-х гг. Второй завершился сигнальным кризисом американского режима, примерно в 1970 г. Третий сегмент продолжается в настоящее время [7, с. 283].

Признаки кризиса американской гегемонии появились в 1968–1973 гг. в военной сфере, финансах и идеологии. Армия США столкнулась с трудностями во Вьетнаме. Федеральная резервная система лишилась установленного в Бреттон-Вудсе способа производства и регулирования мировых денег. «Крестовый поход» против коммунизма начал терять легитимность [7, с. 380].

В середине 1970-х гг., по свидетельству Дж. Арриги, Америка вступила в фазу финансовой экспансии, основанной на вывозе капитала, нематериальном производстве, спекуляциях на валютных рынках и строительстве финансовых пирамид. США скатываются к господству без гегемонии на фоне перемещения центра мировой экономики в Восточную Азию, в Китай [4, с. 99].

Вековые циклы конъюнктуры формируются под воздействием военного государственного предпринимательства. По мнению Дж. Арриги, борьба между странами за контроль над мировыми ресурсами была неотъемлемой частью капиталистической конкуренции – движущей силы «бесконечного» накопления власти и капитала. Контроль над финансовыми ресурсами был решающим преимуществом европейцев в борьбе за прочие ресурсы, а гонка вооружений была главным источником бесконечных инноваций, непрерывно порождавших более масштабные пространственные конфигурации торговли и производства. Военную мощь обеспечивала индустриализация, поэтому результатом взаимодействия финансового капитализма, милитаризма и империализма стала промышленная революция [4, с. 302].

Коммерциализация войны и непрерывная гонка вооружений были характерной чертой западного пути развития капиталистического производства. Так называемое военное кейнсианство, когда за счет военных расходов государства увеличиваются доходы граждан, налоговые поступления и ресурсы финансирования новых военных расходов – старая политика. Развивая систему наемного труда в деле ведения войны и государственного строительства, уже итальянские города-государства практиковали военное кейнсианство, обращавшее часть их расходов на защиту в доходы, так что войны становились самоокупаемыми [4, с. 296].

Ряд положений из исследований вековых циклов накопления капитала были использованы С. Ю. Глазьевым в докладе РАН, где есть прямая ссылка на книгу Дж. Арриги «Долгий XX век» [1]. Российский ученый интерпретирует историко-экономическую эволюцию на основе концепций вековых циклов и технологических укладов.

Переход к господству американских глобальных корпораций, по мнению С. Ю. Глазьева, происходил посредством развязывания трех мировых войн и установления гегемонии США. Первая мировая война разрушила монархический строй, сдерживавший экспансию национального капитала. После Второй мировой войны развалились колониальные империи, ограничивавшие международное движение капитала. В ходе третьей, «холодной»,

мировой войны США захватили глобальное лидерство за счет превосходства в развитии нового ТУ и монополии на эмиссию мировых денег, а с крахом СССР свободное движение капитала и хозяйствование транснациональных корпораций распространилось на весь мир [1].

Две мировые войны XX в. повлекли гигантский отток капиталов и умов из воюющих между собой европейских стран в Америку, способствуя ее экономическому подъему. «Холодная» война завершилась распадом мировой социалистической системы и дала США приток более триллиона долларов, сотен тысяч специалистов, 500 тонн высокообогащенного (оружейного) урана и других ценных материалов, множества уникальных технологий [1].

В настоящий период на волне роста нового ТУ вперед вырывается Китай и просматриваются контуры перехода от американского к азиатскому вековому циклу накопления капитала. США стремятся удержать лидерство за счет развертывания мировой войны с целью ослабления конкурентов и партнеров, добиваются стратегического преимущества в управлении поставками критически значимых природных ресурсов, доминирования в создании новых знаний и разработке передовых технологий [1].

Непосредственное присоединение концепции ТУ к концепции вековых циклов представляется спорным теоретико-методологическим приемом. Оно предполагает конкретизацию, логический переход к концепции К-циклов – механизму смены гегемонии в миросистемном анализе.

И. Валлерстайн утверждал, что, когда гегемония размывается и мирэкономика находится в нисходящей фазе К-цикла, «между лидирующими государствами начинается свалка» за раздел уменьшающегося прибавочного продукта, извлекаемого посредством неэквивалентного обмена, возникают побудительные мотивы к переструктурированию систем союзов [6, с. 106].

Ф. Бродель представлял вековую тенденцию (вековой тренд) в виде объединения трех циклов Кондратьева [8, с. 75–77]. Миросистемный анализ у французского ученого так же, как у И. Валлерстайна, опирался на сравнительно хорошо разработанную в экономической теории модель больших циклов [9, с. 289–292].

С. Ю. Глазьев выделил жизненные циклы пяти последовательно сменявших друг друга ТУ, лежащих в основе К-циклов: первый ТУ 1770–1830 гг. (текстильные машины); второй ТУ 1830–1880 гг. (паровой двигатель); третий ТУ 1880–1930 гг. (электродвигатель); четвертый ТУ 1930–1970 гг. (двигатель внутреннего сгорания); пятый ТУ 1970–2010 гг. (микроэлектроника). Ключевыми направлениями развития нового ТУ (2010–2040 гг.) видятся биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологии, галио- и ядерная энергетика, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы [1]. За два столетия, по мнению экономиста, период К-цикла сократился с 60 до 40 лет.

Вопросы о периодизации К-циклов и фазовом поле современной экономической конъюнктуры вызывают споры. Одна группа исследователей опирается на концепцию смены ТУ, на индикаторы реальной экономики: производственные показатели, динамику занятости, инвестиционную активность. Периодичность в их понимании такова: понижательная волна третьего цикла с 1914–1920 гг. (в США она началась позже – с 1929 г.) до 1936–1940 гг.; IV цикл: повышательная волна с 1936–1940 гг. до 1966–1971 гг., по-

нижательная волна с 1966–1971 гг. до 1980–1985 гг.; V цикл: повышательная волна с 1980–1985 гг. до 2000–2007 гг., понижательная волна с 2000–2007 гг. до, предположительно, 2015–2025 гг. (прогноз); VI цикл: повышательная волна с 2015–2025 гг. до 2035–2045 гг. (прогноз). По мере интенсификации научно-технического прогресса циклы уплотняются и сжимаются с 50–55 лет в XIX в. до 40–45 лет в XX в. [10].

Другая группа исследователей мирохозяйственных процессов и ряда макроэкономических показателей (нормы прибыли, реальной заработной платы, государственного бюджета) предлагает иную периодизацию: понижательная волна третьего цикла с 1914–1920 гг. до 1950-х гг.; IV цикл: повышательная волна с 1950-х гг. до 1980–1985 гг., понижательная волна с 1980–1985 гг. до 20?? гг. [10].

Датировка фаз и временных параметров экономических циклов, определение тенденций социально-политического развития осуществимы на основе экономических показателей и «знаковых» политических событий. Фундаментальные процессы современной мировой экономики определяла деятельность государства-гегемона. Динамика векового цикла накопления капитала формировала условия реализации К-цикла с временным лагом примерно в десять лет. Заключение в июле 1944 г. Бреттон-Вудского соглашения о реформировании мировой валютной системы создало предпосылки восстановления конвертируемости валют развитых стран и подписания в августе 1955 г. соглашения о Европейском валютном союзе. Ликвидация золотовалютного стандарта доллара в августе 1971 г. перевела вековой цикл накопления капитала в фазу финансовой экспансии США (посредством эмиссии доллара), а эволюцию мировой экономики – в стадию финансиализации, создала предпосылки «монетаристской контрреволюции» с максимумом учетной ставки ФРС в мае–ноябре 1981 г. – 14 % [11, с. 249].

Хронологические рамки современного К-цикла обозначаются периодом со второй половины 1950-х гг. по настоящее время. Подписание соглашения о Европейском валютном союзе положило начало восходящей фазе IV цикла; с 1958 г. резко ускорился рост мировой экономики. «Монетаристская контрреволюция» в 1979–1982 гг. стала знаковым событием надлома конъюнктуры восходящей фазы К-цикла и перехода его в понижательную фазу.

Завершение нынешнего цикла Кондратьева совпало с окончанием американского векового цикла накопления капитала, поэтому произошло депрессивное удлинение понижающейся конъюнктуры и «растягивание» нисходящей фазы К-цикла под воздействием государственного предпринимательства развитых стран.

Подчеркивая взаимосвязь серьезных технико-экономических перемен с эскалацией международной военно-политической напряженности на восходящей фазе К-цикла, С. Ю. Глазьев актуализирует две эмпирические правильности концепции больших циклов Н. Д. Кондратьева. Во-первых, перед началом повышательной волны каждого большого цикла наблюдаются глубокие изменения в условиях экономической жизни общества: значительные изменения техники (чему предшествуют значительные технические открытия и изобретения), вовлечение в мировые экономические связи новых стран, изменение денежного обращения. Во-вторых, на периоды повышательной волны каждого большого цикла приходится наибольшее количество социальных потрясений (войн и революций) [12, с. 225].

О возрастании военно-политической напряженности и рисков международных конфликтов в периоды глобальных технологических сдвигов на волне роста нового технологического уклада, о решающей роли военных расходов в развитии К-циклов, по мнению С. Ю. Глазьева, «свидетельствует трагический опыт двух предыдущих структурных кризисов мировой экономики» [1].

Великая депрессия 1930-х гг., обусловленная пределами роста ТУ «угля и стали», была преодолена милитаризацией и перестройкой отраслевой структуры экономики, началом Второй мировой войны. Лидерство США на длинной волне экономического подъема было обеспечено ростом оборонных заказов, освоением новых технологий и притоком иностранных капиталов при разрушении производственного потенциала конкурентов [1].

Прекращение роста очередного ТУ вызвало депрессию середины 1970-х – начала 1980-х гг., стимулировало гонку вооружений в космосе с использованием информационно-коммуникационных технологий. Из «холодной» войны, равновеликой Третьей мировой войне, страны НАТО вышли победителями и воспользовались ресурсами бывших социалистических стран, не сумевших своевременно освоить новый ТУ [1].

Причиной нынешнего глобального кризиса стала необходимость перехода к новому ТУ, ориентированному на здравоохранение, образование, науку. Но главным инструментом государственного стимулирования структурных преобразований экономики по-прежнему служит увеличение военных расходов. По логике длинных циклов современное обострение военно-политической напряженности должно расцениваться как появление признаков Четвертой мировой войны [1].

Некоторые вышеприведенные высказывания Дж. Арриги и С. Ю. Глазьева дискуссионны. Военные расходы СССР достигали 12 % ВВП [12, с. 84] и сдерживали экономический рост, но не они привели к поражению в холодной войне. Системное разрушение экономики («банкротство») нашей страны произошло в 1991 г., когда непокрытый дефицит государственного бюджета превысил 30 % ВВП [13, с. 40–41].

Хронологически не согласуются у С. Ю. Глазьева циклы смены ТУ и глобальных обострений военно-политической и социально-экономической конкуренции. Два жизненных цикла ТУ (максимум два с половиной К-цикла) за сто лет, по мнению автора, вместили четыре «мировые войны». Вероятно, эскалация международной напряженности наблюдалась в переломные периоды между фазами К-цикла: от нисходящей к восходящей и наоборот.

Вторую эмпирическую правильность концепции К-циклов следует уточнить, приняв во внимание содержание работы Н. Д. Кондратьева «Большие циклы». Войны и революционные потрясения в авторском перечне тяготеют, скорее, к переломным точкам, хронологически размещаются в пределах одного десятилетия от фазовых переходов больших циклов. Фактор военно-революционных потрясений используется при объяснении надлома повышательной волны и перехода к понижательной волне большого цикла [12, с. 203–204, 220].

Исторический опыт подтверждает правомерность включения военного кейнсианства в концепции вековых циклов и К-циклов. «Холодная» война, сдерживание советской угрозы и военное кейнсианство были основой амери-

канской гегемонии во второй половине XX в. Контроль над мировыми финансами и военной силой, как отмечает Дж. Арриги, позволил США осуществлять проект создания «военного государства всеобщего благоденствия» во всемирном масштабе в противопоставление советской системе коммунистических государств. Благодаря совместным действиям военного и социального кейнсианства в мировом масштабе удалось избежать послевоенного спада. Военное кейнсианство – огромные расходы на перевооружение США и их союзников, развертывание широчайшей сети военных баз запустило величайшую в истории капитализма экспансию. Спонсированное Соединенными Штатами распространение социального кейнсианства – правительственных программ полной занятости и роста массового потребления на Западе/Севере, «развития» мирового Юга – стимулировало экономический рост [4, с. 170–171].

Заключение Бреттон-Вудского соглашения, по мнению Р. Бреннера, обернулось неформальной сделкой, обеспечившей военно-экономическую гегемонию США. С одной стороны, доллар стал ключевой валютой и США получили возможность управлять крупным платежным балансом дефицитов и за счет этого содержать свои заокеанские военные базы, осуществлять финансовую поддержку зарубежных стран и прямых инвестиций своих корпораций за рубежом. С другой стороны, союзники и конкуренты Соединенных Штатов получили право контролировать доступ товаров и капиталов на американский внутренний рынок [5, с. 102].

Глобальная гегемония обусловила выбор «военно-кейнсианского» режима государственного предпринимательства в современном К-цикле. Послевоенная экономика США стала выдыхаться из-за взаимного снижения прибыльности и инвестиций. Колоссально увеличившиеся в 1950-е гг. затраты правительства (до 25 % ВНП), особенно военные расходы (около 10 % ВНП), поддержали экономический подъем Соединенных Штатов и мирового хозяйства. Военный спрос предоставил американским компаниям возможность инвестирования и извлечения прибылей на внутреннем рынке без конкурентной борьбы. Однако капиталовложения в оборонную промышленность несущественно повысили долгосрочную производительность экономики США [5, с. 121–122].

Государство использовало военный спрос как инструмент экономического роста и на нисходящей фазе К-цикла. Беспрецедентное наращивание государственного долга администрацией Рейгана в 1980-х гг. для финансирования милитаристских расходов было возвращением к масштабному военному кейнсианству, но уже без социальной составляющей. «Рейганомика» сменила режим социально ориентированного военного кейнсианства режимом корпоративно-бюрократического «военного кейнсианства для богатых» [5, с. 265].

Р. Бреннер констатировал, что после того как глава ФРС П. Волкер в соответствии с монетаристской доктриной резко оборвал кредит в 1979 г., запустились процессы долговой дефляции и отраслевой перетряски. Монетаризм «спасал» экономику США ценой ее разрушения. К лету 1982 г., после 18 месяцев ужесточения государственного кредита, американская экономика оказалась на грани краха: число банкротств и безработица достигли уровней Великой депрессии. Монетарные власти США возобновили накачку спроса и

расширение кредита. ФРС ослабила жесткий денежный режим, администрация президента начала широкомасштабную программу экономического стимулирования, что означало конец американского монетаристского эксперимента [5, с. 301].

Рейган, обещавший сбалансировать бюджет, запустил самый масштабный в мировой истории эксперимент по кейнсианскому дефицитному финансированию экономики. Беспрецедентный рост долгов всех типов – государственного, корпоративного и потребительского – не давал уровням загрузки мощностей и занятости опускаться. Оказалось, что монетаризм не мог быть внедрен без кейнсианства, которое поддерживало стабильность посредством смягчения и растягивания долгого спада экономики во времени [5, с. 301–302].

Монетаристская контрреволюция, укрепив доллар, остановила падение американской мощи, перенаправила громадные потоки мирового капитала в Соединенные Штаты. Из нетто-кредитора, главного источника мировой ликвидности и прямых зарубежных инвестиций в 1950–1960-е гг., США превратились в нетто-должника, главного мирового поглотителя ликвидности начиная с 1980-х гг. и до настоящего времени [4, с. 163, 164].

Стадия финансиализации векового цикла накопления капитала трансформировала механизм среднесрочных циклов, которые с 1980-х гг. протекали в форме создания и «схлопывания финансовых пузырей». Стратегию стимулирования спроса с помощью рынка акций и производимого им эффекта богатства со второй половины 1990-х гг. можно назвать «биржевым кейнсианством» или «спекулятивным кейнсианством» [5, с. 461].

Долгосрочное циклическое развитие мирового хозяйства позволяет объяснять часть сегодняшних трудностей российской экономики обострением международной конкуренции, проявлением ее конфликтных форм: санкций, экономической блокады, торговых и денежно-финансовых войн и даже открытых военных действий.

Проблемы ужесточения противоборства России в международной конкуренции восходят как минимум к временам революции октября 1917 г. Противостояние США и России (СССР) наблюдается на протяжении почти всего нынешнего векового цикла. Исключением было вынужденное экономическое сотрудничество с СССР в 1920–1930-е гг. американского бизнеса [17], старавшегося за счет иностранного партнера поддержать деловую активность. В частности, советские заказы на покупку тракторов в годы Великой депрессии оказались жизненно важными для американских производителей сельхозтехники [14, с. 228].

Неординарно определял роль России в истории XX в. с позиции миросистемных циклов гегемонии И. Валлерстайн. Ученый очерчивал хронологические рамки современной стадии развития мира-экономики историческим местом СССР, «коммунистической эпохой», началом которой считается Первая мировая война (1914 г.) и русская революция (1917 г.), а завершением – «коллапс коммунизма» в Центральной и Восточной Европе и распад СССР (1989–1991 гг.) [6, с. 51,182, 371].

СССР в понимании автора всегда был частью и участником капиталистической мироэкономики. Желание улучшить место в международном хозяйстве определяло историю нашей державы: «Советский Союз до 1991 г. и Россия сегодня могут быть помещены в категорию полупериферийных госу-

дарств в капиталистической мироэкономике, причем их политическое влияние в очень большой степени основывалось на мощи их военного аппарата. Это, между прочим, было справедливо и для царской России. Россия/СССР пытались использовать эту политико-военную мощь для осовременивания тех видов деятельности, которые осуществлялись в зоне ее/его контроля, увеличивая таким образом уровень накопления капитала» [6, с. 14].

Полупериферийное положение государства, а не идеологическое противоборство предопределяло конфликтность отечественной истории. Стремление России усилить государственную машину, чтобы изменить структуру производства и место в мировом разделении труда, наталкивалось на сопротивление стран центра, особенно державы-гегемона. Жестокая конкуренция, непрекращающееся давление государств ядра экономическими, политическими, военными средствами дают основание рассматривать чрезвычайные кризисы и системные трансформации, происходившие в России, в виде закономерного сочетания внутренних и внешних причин и объективно обусловленного стечения обстоятельств [9, с. 335].

По мнению И. Валлерстайна, русская революция произошла в полупериферийной стране и привела к власти группу государственных управленцев, обративших вспять тенденцию соскальзывания державы к периферии. В конце Второй мировой войны Россия восстановила свое положение очень сильного члена полупериферийного сообщества и смогла начать бороться за обретение полноправного статуса в сердцевине [6, с. 51].

Комментируя применение «модели гонки вооружений» в соревновании Соединенных Штатов с СССР, Дж. Арриги указал на перенос средоточия власти к огромным государствам, способным иметь конкурентоспособные военно-промышленные комплексы. Мировой военный потенциал приобрел вид эффективной двухполярности, но политика устрашения ускоряла гонку вооружений. Мобилизация финансовых ресурсов, недоступных СССР, помогла США победить в «холодной» войне. Огромные зарубежные займы при Рейгане привели к резкому росту военных расходов и банкротству СССР [4, с. 164–165, 303–304].

Длинноволновые колебания конъюнктуры российской экономики были сопряжены с циклической динамикой мирового хозяйства. Для полупериферийной российской модели государственного предпринимательства были характерны «маятниковые» движения в рамках К-циклов. На повышательных волнах наблюдалось приближение России к центру мировой экономики, на понижательных волнах происходило скатывание ее к периферии.

Начало политики «перестройки» М. С. Горбачева было объективно обусловлено завершением восходящей фазы К-цикла директивно-плановой экономики СССР. Дальнейшие рыночные реформы изменили экономическую систему страны и модель государственного предпринимательства, низвели Россию к концу XX в. со статуса полупериферийной державы в статус представителя периферии мировой экономики.

Макроэкономическая динамика современной России формировалась под воздействием отечественного и зарубежного государственного предпринимательства. Колебания мировой конъюнктуры во многом определялись экономической политикой страны-гегемона: деятельностью ФРС и стратегией заимствования правительства США. Изменения макроэкономических

трендов мировой конъюнктуры и конъюнктуры отдельных стран складывались под влиянием курсовых соотношений доллара к резервным валютам и динамики покупательной способности доллара, выраженной в цене важнейших товаров фьючерсной фондовой торговли – нефти и золота.

Переход от хронических дефицитов к профицитам государственного бюджета с 2000 г. и образование Стабилизационного фонда в 2004 г. показывают тенденцию усиления позиций государства в отечественной экономике. Относительное уменьшение вывоза ресурсов (ренты) из страны можно интерпретировать как переход России к восстановлению статуса мощного полупериферийного государства. Но этот процесс протекает конфликтно, относительное ослабление позиций компрадорски ориентированного корпоративного бизнеса сопровождается абсолютным ростом контролируемых им ресурсов. Сохранение высокой доли офшоризации российской экономики обеспечивает поддержку неолиберальных компонентов отечественного государственного предпринимательства, препятствует экономическому росту и решению социальных проблем.

Российское государственное предпринимательство преимущественно функционировало в проциклическом режиме, особенно в условиях неблагоприятной конъюнктуры. На нисходящей фазе К-цикла политика правительства ускоряла и усиливала спад экономики в 1992–1998 гг., препятствовала росту и восстановлению в 1999–2008 гг., стимулировала рецессию в 2008–2015 гг.

За четверть века рыночно ориентированной государственной политики в России произошла деградация многих отраслей экономики. Разрушения, вызванные перестройкой хозяйственного механизма в 1992–1998 гг., не были восстановлены за годы роста в 1999–2008 гг. В 2009 г. начался спад, перешедший в рецессию, поскольку резервы экстенсивного роста в рамках экспортно-сырьевой модели были исчерпаны. Государственное предпринимательство в современной России обострило и растянуло нисходящую фазу К-цикла.

Тезис о повышенной военно-политической и социально-экономической напряженности в периоды переломных точек долгосрочных циклов конъюнктуры подтверждается событиями последних лет. Наложение нисходящих фаз векового цикла гегемонии и К-цикла объективно обусловило экстраординарное обострение противоречий интересов всех макроэкономических субъектов внутри национальных экономик и в международной хозяйственной системе.

Нарастание конфликтности в борьбе за присвоение ренты, переход конкуренции в формы открытого противостояния в сферах производства, торговли, кредитно-денежного обращения инициировали борьбу за передел зон хозяйствования, в том числе с применением политико-экономических санкций, торговых и денежно-финансовых войн, прямых военных действий.

Возросшую агрессивность США С. Ю. Глазьев объясняет стремлением при помощи военного кейнсианства сохранить глобальное доминирование и преодолеть последствия понижательных фаз долгосрочных циклов. Направляя на нужды милитаризации 37 % мировых военных расходов, США пытаются продлить долларовую экспансию, усиливают военно-политическое давление на конкурентов посредством глобальной сети военных баз, информационного мониторинга, электронной разведки. Для сбрасывания нарастаю-

щего бремени устаревших инвестиций, гигантских финансовых пирамид частных и государственных обязательств они объективно заинтересованы в мировой войне [1].

Либеральная идеология США, по утверждению экономиста, отрицает целесообразность наращивания расходов бюджета на развитие инфраструктуры, образования, здравоохранения, фундаментальной науки и на социальную помощь незащищенным слоям населения, но поощряет государственный аппарат увеличивать расходы на реализацию интересов крупного бизнеса, на нужды обороны. Используя государственный спрос для стимулирования роста нового ТУ, деловые круги прибегают к эскалации военно-политической напряженности, подталкивая правительство к расширению закупок современной военной техники [1].

Усиление военно-промышленного фактора в современной экономике говорит о создании предпосылок перехода к восходящей фазе К-цикла. Е. М. Примаков указывал, что развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК) может быть источником экономического роста, поскольку гонка вооружений ныне заменяется гонкой технологий. В России в военных отраслях сосредоточен солидный интеллектуальный потенциал, который нуждается в инновационной, финансовой и организационной подпитке. В 2013 г. военные расходы России были в 8,5 раза меньше, чем в США (582,4 млрд долл.), в два раза меньше, чем в Китае, сопоставимы с затратами Великобритании, Японии, Франции [15, с. 84, 85].

На принятую правительством России государственную программу вооружений в 2011–2020 гг. предусматриваются ассигнования 20 трлн руб., из которых 10 % планируется израсходовать на НИОКР, 80 % – на закупку новых вооружений, 10 % – на ремонт военной техники. Доля расходов на национальную оборону по отношению к ВВП в 2012 г. составила 3 %, в 2013 г. – 3,2 %, в 2014 г. – 3,4 %. Финансирование в 2015 г. составит 4,2 % к ВВП, в 2016 г. – 3,7 %, в 2017 г. – 3,6 %. Наблюдается рост нагрузки оборонных расходов на бюджет. В 2014 г. на национальную оборону было выделено 2,474 трлн руб. (17,6 % общих расходов федерального бюджета), в 2015 г. запланировано 3,286 трлн руб. (21,2 %), в 2016 г. – 3,113 трлн руб. (19,7 %), в 2017 г. – 3,237 трлн руб. (20 %) [16].

Государственную программу перевооружения российской армии можно рассматривать как долгосрочный мегапроект, типичный для восходящей фазы К-цикла. Реализация стратегических проектов предполагает разноплановое участие в них государственного предпринимательства: финансирование, создание и предоставление транспортной, коммуникационной, ресурсно-сырьевой, научно-технической, кадрово-образовательной инфраструктуры, производство товаров и услуг. Крупные компании, имея больше возможностей для инвестиций, способны осуществлять мегапроекты, особенно инфраструктурные, инициировать экономический рост [15, с. 65, 66].

К сожалению, позитивные моменты военного кейнсианства – развитие ОПК и укрепление вооруженных сил России – пока не компенсируют продолжающегося под воздействием государственной политики разрушения гражданского сектора производства, не связанного с сырьевым и военным экспортом. Происходит утрата отечественного социального кейнсианства:

сокращаются расходы бюджета на развитие инфраструктуры, фундаментальной науки, образования, здравоохранения, культуры, на социальную помощь незащищенным слоям населения.

Список литературы

1. **Глазьев, С. Ю.** О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии / С. Ю. Глазьев. – URL: http://glazev.ru/upload/iblock/36e/36e7f951026a2c71de9fc7250a77459b.doc (дата обращения: 30.10.2014).
2. **Глазьев, С. Ю.** Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М. : ВлаДар, 1993. – 310 с.
3. **Черемисинов, Г. А.** Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований. Часть 1 / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2012. – 348 с.
4. **Арриги, Дж.** Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Дж. Арриги. – М. : Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
5. **Бреннер, Р.** Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005 / Р. Бреннер – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 552 с.
6. **Валлерстайн, И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.
7. **Арриги, Дж.** Долгий XX век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. – М. : Территория будущего, 2006. – 472 с.
8. **Бродель, Ф.** Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII в. : в 3 т. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1992. – Т. 3. – 678 с.
9. **Черемисинов, Г. А.** Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований. Часть 2 / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2012. – 460 с.
10. **Айвазов, А.** Николай Кондратьев как «зеркало» кризиса / А. Айвазов, А. Кобяков // Авторский сайт А. Э. Айвазова. – URL: http://ajvazov.ru/articles/nikolaj-kondratev-kak-zerkalo-krizisa.html (дата обращения: 24.08.2015).
11. **Бардаева, П. С.** Влияние процентной ставки на динамику структуры активов и пассивов коммерческих банков / П. С. Бардаева // Экономические науки. – 2009. – № 5. – С. 247–252.
12. **Кондратьев, Н. Д.** Проблемы экономической динамики / Н. Д. Кондратьев. – М. : Экономика, 1989. – 526 с.
13. **Черемисинов, Г. А.** Государственное предпринимательство как типологический признак развития экономики России: теоретико-методологический аспект / Г. А. Черемисинов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 7, вып. 1. – С. 31–44.
14. **Загорулько, М. М.** Наркомземовские концессии: сельское хозяйство и водные промыслы / М. М. Загорулько, В. В. Булатов. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2010. – 480 с.
15. **Примаков, Е. М.** Россия. Надежды и тревоги / Е. М. Примаков. – М. : Центрполиграф, 2015. – 224 с.
16. Расходы на оборону в 2015 году будут увеличены на треть // Русское агентство новостей. – URL: http://ru-an.info/новости/расходы-на-оборону-россии-в-2015-году-будут-увеличены-на-треть/ (дата обращения: 20.08. 2015).

References

1. Glaz'ev S. Yu. *O vneshnikh i vnutrennikh ugrozakh ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh amerikanskoy agressii* [On external and internal threats to economic security of Russia in conditions of American aggression]. Available at: http://glazev.ru/upload/iblock/36e/36e7f951026a2c71de9fc7250a774 59b.doc (accessed 30.10.2014).

2. Glaz'ev S. Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of long-term technical and economic development]. Moscow: VlaDar, 1993, 310 p.
3. Cheremisinov G. A. *Paradigma direktivno-planovoy ekonomiki: rossiyskiy opyt khozyaystvennykh preobrazovaniy. Chast' 1* [The paradigm of directive-planned economy: Russian experience of economic transformations. Part 1]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2012, 348 p.
4. Arrigi Dzh. *Adam Smit v Pekine: Chto poluchil v nasledstvo XXI vek* [Adam Smith in Beijin: What has the XXI century inherited]. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 2009, 456 p.
5. Brenner R. *Ekonomika global'noy turbulentnosti: razvitye kapitalisticheskie ekonomiki v period ot dolgogo buma do dolgogo spada, 1945–2005* [The economy of global turbulence: development of capitalistic economy in the period between the long boom and the long recession, 1945–2005]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014, 552 p.
6. Vallerstayn I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the contemporary world situation]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001, 416 p.
7. Arrigi Dzh. *Dolgiy XX vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [Long XX century: Money, power and origins of our times]. Moscow: Territoriya budushchego, 2006, 472 p.
8. Brodel' F. *Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII v.: v 3 t.* [The time of peace. Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries: in 3 volumes]. Moscow: Progress, 1992, vol. 3, 678 p.
9. Cheremisinov G. A. *Paradigma direktivno-planovoy ekonomiki: rossiyskiy opyt khozyaystvennykh preobrazovaniy. Chast' 2* [The paradign of directive-planned economy: Russian experience of economic transformations. Part 2]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2012, 460 p.
10. Ayvazov A., Kobyakov A. *Avtorskiy sayt A. E. Ayvazova* [Author's website of A. E. Ayvazov] Available at: http://ajvazov.ru/articles/nikolaj-kondratev-kak-zerkalo-krizisa.html (accessed 24.08.2015).
11. Bardaeva P. S. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2009, no. 5, pp. 247–252.
12. Kondrat'ev N. D. *Problemy ekonomicheskoy dinamiki* [Problems of economic dynamics]. Moscow: Ekonomika, 1989, 526 p.
13. Cheremisinov G. A. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Economics, Management, Law]. 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 31–44.
14. Zagorul'ko M. M., Bulatov V. V. *Narkomzemovskie kontsessii: sel'skoe khozyaystvo i vodnye promysly* [Narkomzemovsky consessions: agriculture and water industries]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2010, 480 p.
15. Primakov E. M. *Rossiya. Nadezhdy i trevogi* [Russia. Hopes and anxiety]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2015, 224 p.
16. *Russkoe agentstvo novostey* [Russian news agency]. Available at: http://ru-an.info/novosti/raskhody-na-oboronu-rossii-v-2015-godu-budut-uvelicheny-na-tret'/ (accessed 20.08. 2015).

Черемисинов Георгий Александрович
доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

Cheremisinov Georgy Aleksandrovich
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of economics and national economy, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

E-mail: Cheremisinov@inbox.ru

Пугачев Илья Олегович
ассистент, кафедра туризма и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

Pugachyov Ilya Olegovich
Assistant, sub-department of tourism and cultural heritage, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

E-mail: ilya_ov@mail.ru

УДК 330.33.01 : 338.245.2 : 339.9

Черемисинов, Г. А.

Военное кейнсианство в концепциях долгосрочных экономических циклов / Г. А. Черемисинов, И. О. Пугачев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 176–191. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-17

УДК 334.726
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-18

А. Л. Сапунцов

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ ЭКСТРАКОНТИНЕНТАЛЬНОГО БОЛЬШОГО КИТАЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В АФРИКЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. На рынках Африки российские ТНК обладают потенциальной конкурентоспособностью, однако на конец 2013 г. объем отечественных прямых иностранных инвестиций в экономике континента составлял порядка 2 млрд долл. – 0,5 % от общего объема такого капитала за рубежом, что диктует необходимость активизации инвестиционной деятельности на данном направлении и поиска новых партнеров для реализации совместных проектов, в частности, предпринимателей из стран БРИКС. ТНК экстраконтинентального Большого Китая (Гонконг, Макао, Тайвань и Сингапур) добились значительного успеха в африканской инвестиционной экспансии, сделали много полезного для принимающих стран, но в ряде случаев были допущены ошибки и возникли отрицательные внешние эффекты, которые следует учитывать в бизнесе на континенте с участием российской стороны. *Цель работы* – выявление закономерностей в организации африканского бизнеса компаниями вышеуказанных стран.

Материалы и методы. В работе использованы финансовая отчетность ТНК, подлежащая раскрытию информации в соответствии с законодательством, в частности с требованиями для листинга на Сингапурской, Гонконгской, Тайбэйской, Йоханнесбургской и иных фондовых биржах. Проведены расчеты на основании данных национальных статистических ведомств, Международного валютного фонда и сборников Конференции ООН по торговле и развитию. Применялись методы статистической обработки данных, сравнительного анализа при выявлении положительных и отрицательных последствий организации бизнеса, а также историко-экономического и абстрактно-логического анализа.

Результаты. Показано, что компании рассматриваемых стран оказались конкурентоспособными на рынках Африки и смогли организовать производства готовых товаров, трудоустроить местных жителей, сбывать продукцию в принимающих государствах, а также экспортировать ее, причем степень переработки сырья, выполненная африканцами, постоянно увеличивается. Положительной чертой бизнеса является выход на рынки услуг принимающих стран, а также способность организовать крупные плантационные хозяйства, которые в ряде случаев уступают модели сетевых отношений с мелкими африканскими аграриями, так как приводят к изменению ландшафта, искоренению традиционных культур и к сдвигам в условиях жизни африканцев, что вызывает недовольство.

Выводы. Проведенный анализ позволяет прогнозировать выход компаний экстраконтинентального Большого Китая в новые отрасли обрабатывающей промышленности Африки, например пищевые производства, а также активизировать бизнес в сфере услуг, в частности в телекоммуникациях. В условиях финансовых санкций против России и ответных запретов на ввоз продовольствия представляется целесообразным использовать новые возможности для инвестирования в сельское хозяйство Африки, осуществить которое в сотрудничестве с ТНК получится более эффективно, в том числе с рассматриваемыми

фирмами, однако при этом следует разработать и реализовать стратегию, которая будет минимизировать негативные внешние эффекты при организации бизнеса.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, прямые иностранные инвестиции, Сингапур, Гонконг, Тайвань, Африка, сельское хозяйство.

A. L. Sapuntsov

TRANSNATIONAL CORPORATIONS OF EXTRACONTINENTAL BIG CHINA: BUSINESS PRIORITIES IN AFRICA

Abstract.

Background. Russian TNCs have certain competitive advantages in African markets, however by the end of 2013 the stock of Russian FDI in Africa was only 2 billion dollars or just 0,5 % of such total investments abroad. The value determines the necessity to invest more actively and to find new partners for undertaking mutual projects, in particular, from BRICS countries. TNCs from extracontinental Big China (Hong Kong, Macao, Taiwan and Singapore) have achieved significant success in the African investment expansion and have done many beneficial things for host countries, however in some cases the mistakes were made and the negative external effects occurred – such instances should be considered in business ventures involving Russian parties. The purpose of the article is to determine tendencies in organization of African business by companies from the abovementioned countries.

Materials and methods. The article studies financial statements, subject to disclosure by public TNCs in accordance with the legislature, in particular, under the requirements for listing on the Singapore, Hong Kong, Taipei, Johannesburg and other stock exchanges. Data from national statistical authorities was analyzed, as well as publications by the International Monetary Fund and U.N. Conference on Trade and Development. The methods of statistical data analysis were used, and the comparative analysis has allowed for the determination of positive and negative outcomes of the business organization. The analysis in history and economics, abstract and logic studies have been applied.

Results. It has been determined that entities from the studied countries have shown signs of competitive advantages in the African markets. These enterprises have established production facilities for output of manufactured goods, have hired local employees, and are selling goods and services in host African countries and also manage to make exportations while the value added by the Africans is constantly increasing. The entry into markets of services in host countries is a positive feature of such business while the ability to establish large plantations sometimes is inferior to the network relationships with smaller African agrarians due to alteration of the landscape, eradication of traditional crops and changes in lifestyles of Africans – such things cultivate the hostility.

Conclusions. The analysis conducted allows to forecast that the companies form extracontinental Big China can enter into new branches of Africa's manufacturing, such as food producing enterprises, and to activate business in services, especially in telecommunications. The financial sanctions against Russia and the countermeasures related to the ban on food imports has determined the reasonability of using new opportunities to invest into Africa's agriculture. It will be more effective to realize such investments in cooperation with the studied TNCs, however a relevant strategy needs to be developed and implemented in order to minimize negative externalities in business organization.

Key words: TNC, FDI, Singapore, Hong Kong, Taiwan, Africa, agriculture.

Главной чертой глобализации в мировой экономике выступает формирование и внешнеэкономическая экспансия транснациональных корпораций (ТНК), за счет которой страны-инвесторы могут выгодно использовать экономические преимущества принимающих стран и выйти на новые рынки сбыта. Экономический рост и развитие внешнеэкономических связей между странами третьего мира определяют динамизм потоков «перекрестных» прямых иностранных инвестиций (ПИИ) между такими государствами, что достаточно ярко проявляется в интенсификации экономического сотрудничества ТНК Большого Китая с Африкой, который состоит из континентальной части – КНР и внешних стран: Гонконга, Макао, Тайваня, а также Сингапура из-за преобладания в его населении этнических китайцев. Лидером Большого Китая по накопленным объемам ПИИ в Африке выступает КНР с 26,2 млрд долл. капитала на конец 2013 г., однако страны экстраконтинентальной части региона также рассматривают африканский вектор зарубежного бизнеса в качестве приоритетного и активизируют хозяйственную деятельность [1].

По данным Статистического департамента Сингапура, на конец 2013 г. накопленные ПИИ этой страны в Африке достигли 17,6 млрд долл., из которых 13,6 млрд долл. вложены в Маврикий [2]. За последние десять лет объемы накопленных ПИИ Сингапура в Африке увеличились в 1,8 раза, однако динамичный бизнес в КНР, а также выход на рынки Великобритании и Австралии привели к сокращению доли Африки в общих объемах ПИИ Сингапура за рубежом с 7 до 4 %. В 2004 г. доля Маврикия в сингапурских ПИИ в Африку составляла 89 %, но в последнее время инвесторы активизировали бизнес в Нигерии (инвестиции более 1 млрд долл.), Либерии, Кот-д'Ивуаре, Гане, Камеруне, Габоне, ЮАР, Зимбабве и Египте (каждая от 100 млн до 1 млрд долл.), а также инвестиции более 10 млн долл. регистрируются в Алжире, Тунисе, Замбии и Мозамбике.

Заметно присутствие крупных сингапурских аграрных ТНК в Африке. Wilmar International Limited, с глобальным оборотом в 43,1 млрд долл. и чистой прибылью в 1,2 млрд долл., организует бизнес в Африке на протяжении последних 15 лет. Первый проект был реализован в Уганде, где учредили совместное предприятие (СП) по управлению плантацией пальм для выпуска соответствующего масла, и в 2010 г. компания модернизировала заброшенные угодья в Нигерии, где купила 19 732 га земельных участков и планирует увеличить их площадь до 50 тыс. га. В настоящее время деятельность ведется в 13 странах Африки: выращиваются пальмы и гевеи, организуется бизнес по рафинированию пищевых масел и их розливу, производство жиров, мыла и детергентов, маслобойные фабрики и плантации сахарного тростника [3, p. 4].

Golden Agri Resources, крупная сингапурская ТНК, организует бизнес в Либерии через фирму The Verdant Fund LP, в собственности которой находится Golden Veroleum – компания-получатель концессии на разработку 220 тыс. га земель под плантацию пальм [4, p. 17]. Взятие на себя обязательств по строительству объектов социальной сферы позволило этой ТНК быстро найти общий язык с правительством Либерии и выкупить землю под плантации вместе с местными жителями, которая в этой стране находится в собственности государства, так как в крайне редких случаях у африканцев есть документы, подтверждающие право землевладения и землепользования. В деревне Плух Golden Veroleum внезапно распахала земельные наделы, на

которых африканцы выращивали маниоку, ямс, бананы и саженцы гевеи (планируя организовать производство и сбыт латекса), разобрала глинобитные хижины и погрузила саманы на автомобили, заплатив компенсацию порядка 300 долл., а также вырубила близлежащие леса, где африканцы охотились и собирали фрукты[1].

Сингапурская компания Olam была учреждена в 1989 г. для организации экспорта орехов кешью из Нигерии в Индию и в настоящее время трансформировалась в транснациональный аграрный бизнес, осуществляющий деятельность в 65 странах и поставляющий продовольствие, а также промышленные необработанные материалы 13,8 тыс. клиентам. По состоянию на конец сентября 2014 г. из 19,8 % акций Olam, обращающихся на открытом рынке, 82,7 % находились в руках американских институциональных инвесторов, а сингапурцам принадлежало только 4,6 % акций [5, p. 198–199]. Численность персонала компании составляет 23 тыс. человек, и основные производимые продукты включают в себя какао, кофе, кешью, рис и хлопок. Доля Африки в общем объеме закупок продукции за 2014 ф.г. составила 16,6 %, выручка – 21,3 % [5, p. 4].

Деятельность компании в Абиджане (Кот-д'Ивуар) началась в 1994 г. с экспорта кешью, который закупался в Корого, и сейчас бизнес диверсифицировался в экспорт хлопка, какао, кофе, семян дерева ши, древесины тикового дерева и кунжута, а также в импорт риса, молочных продуктов и упакованное продовольствие. Компания управляет портом San Pedro, где осуществляются экспортные отгрузки какао (с 1998 г.) и работает фабрика по переработке этого сырья с годовой мощностью в 75 тыс. м.т и 150 человек персонала. В Буаке, втором по величине городе указанной страны, работает крупнейшая в Африке фабрика по механизированной обработке кешью с персоналом в 2,5 тыс. человек, преимущественно женщин (что активно подчеркивается в программе корпоративной социальной ответственности (КСО)), – компания является крупнейшим работодателем в регионе. Развивается плантация хлопка, которая занимает территорию в 15 тыс. га. В Сенегале компания начала деятельность в 2008 г. в качестве импортера и дистрибьютера сухого молока и риса, а в мае 2014 г. организовала мукомольную фабрику, в которой на постоянной основе трудоустроены 54 человека, и еще примерно столько же – на временной.

В Буркина-Фасо бизнес ведется в г. Бобо-Диуласо, где был открыт офис с 16 сотрудниками (1994 г.), и сейчас Olam является крупнейшим экспортером кунжута и кешью в этой стране, а также занимается хлопководством, закупками и импортом риса, пшеницы и упакованных пищевых продуктов. Филиал с 40 сотрудниками в г. Ломе (Того) – один из крупнейших в стране экспортеров кофе и какао, а также значимый импортер риса и упакованных пищевых продуктов под марками "Tasty Tom" и "Festin". Масштабный проект с участием 3 тыс. мелких местных фермеров по выращиванию кофе арабика, который реализуется в г. Кумбо (Камерун), направлен на повышение урожайности и диверсификации источника доходов аграриев, для чего в г. Мбоуда была построена крупнейшая в этой стране фабрика по переработке кофе, а мукомольная фабрика, оснащенная самым современным оборудованием, – недавно сдана в строй в г. Дуала.

[1] URL: http://www.palmwatchafrica.org/tag/sime-darby/

Офис в г. Кумаси (Гана) занимается закупками какао и кешью у местных фермеров, а также импортом риса, зерновых культур и упакованных продуктов, в том числе такие закупки осуществляет и офис Сефви-Виасво, открытый в 1999 г. Введение правительством Ганы института лицензированных закупочных компаний позволило сохранить земельные наделы в собственности местных фермеров и избежать появления крупных плантаций, находящихся в руках ТНК. В округе Биа Джуабезо Olam в сотрудничестве с компанией Rainforest Alliance и местными фермерами импортировал и внедрил первые в мире сорта какао, способные адаптироваться к изменению климата (2014 г.). Эта программа ориентирована на прекращение обезлесивания территории, защиту экологических систем и на уменьшение объемов выделения парниковых газов. Компания также управляет ганскими фабриками по выпуску томатной пасты и печенья.

Выход Olam на рынок Нигерии датируется 2006 г., когда была приобретена хлопкоочистительная фабрика в г. Зариа (Olam – это крупнейший экспортер хлопка в Нигерии), и позже в г. Акуре построена небольшая, но эффективная фабрика (500 работников) по обработке какао, выпуску масел и качественных порошков из этого сырья. В г. Шагаму компания переориентирует деятельность с торговых операций на переработку сырья: в марте 2014 г. была сдана в эксплуатацию современная фабрика по обрушению зерна кунжута. В портовом г. Варри находится мукомольный объект, входящий в состав отделения Crown Flow Mills, являющего одним из трех крупнейших мукомольных компаний Нигерии и поставляющего муку для хлеба и макарон, а также манную крупу.

В настоящее время численность персонала компании в Нигерии составляет 3,5 тыс. человек, которые вступают в хозяйственные отношения с 500 тыс. местными фермерами и поставщиками[1]. В 2013 г. были инвестированы 95 млн долл. в приобретение 10 тыс. га земельных угодий, на которых работают 950 фермеров и ежегодно производят 36 тыс. т риса для местного рынка под марками “Mama’s Pride” и “Mama’s Choice”. Компания предоставляет 3 тыс. фермерам, которые осуществляют деятельность на сопредельных земельных участках, услуги кредитования, поставляет удобрения и посевной материал, причем к 2018 г. численность таких аграриев планируется увеличить до 16 тыс. человек.

В районе г. Лагос построена фабрика по выпуску томатной пасты, которая является важным элементом национальной кулинарии и реализуется на нигерийском рынке. Продукция брендируется под марками “Tasty Tom” (ориентирована на массового потребителя) и “DeRica” (премиальная). Работает упаковочная фабрика Vedan, выпускающая специи под указанной маркой, занимающей лидирующие позиции на рынке Нигерии. В 2012 г. было приобретено производство по розливу напитков, которое подверглось реновации и начало производить питьевой йогурт “Fresh Yo” и нектары под маркой “Nature’s Fresh”. Кондитерская фабрика выпускает жевательную резинку и печенье “All Milk”, “Starlight” и “Gin Gin”.

Olam на заводе Caraway Foods занимается бизнесом по смене упаковки брендированных пищевых продуктов, таких как молоко, изделия из дробле-

[1] URL: http://olamgroup.com/locations/west-central-africa/nigeria

ного зерна и томатная паста. Выпуск макарон “Cherie Noodles” проводится на СП с участием японской компании Sanyo Foods (лидер по производству лапши быстрого приготовления), что позволило обеспечить внедрение инновационных технологий, повысить эффективность производства и добиться рыночного успеха в условиях жесткой конкуренции со всемирно известными продуцентами. Завод по фасовке сухого молока и хлебных злаков был приобретен в 2012 г. Его продукция отпускается потребителям на месте, а фабрика по производству сладостей выпускает востребованную рынком продукцию под марками “OK Popop (Lollipop)”, “Mikits Lollipop” и “Galactic”.

Производства в Габоне представлены в г. Либервиль, где с 1999 г. были реализованы четыре проекта в агробизнесе при механизмах СП с местным правительством: пальмовая и каучуковая плантации (площадью 50 тыс. га с прогнозным увеличением до 300 тыс. га), СЭЗ и компания по выпуску удобрений. К 2022 г. проекты должны выйти на полную мощность, и компания будет работодателем для 6 % экономически активного населения этой страны, в результате чего подушевой доход вырастет на 9 %[1]. Для закрепления позиций на рынке Габона активно используется программа КСО, включающая в себя элементы достижения экологических нормативов (например, сокращение объемов использования углеводородного топлива на 10 % к 2022 г.), экономического благосостояния фермеров и решение социальных задач по повышению качества жизни.

В Республике Конго Olam де-факто купила (на условиях долгосрочных договоров аренды в 2011 г.) рекордные 1,4 млн га лесных участков, что составляет 4 % от территории этой страны и в 20 раз превышает площадь государства базирования (Сингапура)[2]. Пропорционально площади России такая сделка была бы эквивалентна продаже иностранной частной компании целиком крупного субъекта Федерации, такого как Иркутская область или Хабаровский край, а для США – штата Калифорния. Лесные участки были проданы вместе с местными жителями, для которых компания разрабатывает планы по трудоустройству в лесозаготовках, причем в программе КСО указано, что древесина заготавливается выборочно и подлежит не только экспорту в необработанном виде, но и проходит через пилорамы и сушильные камеры с применением труда африканцев. В настоящее время на объекте работают 800 человек, занятых подготовкой инфраструктуры и управлением лесным хозяйством.

В ЮАР компания начала деятельность в 2000 г. в Дурбане с открытия фабрики по фасовке арахиса и пищевых масел. В настоящее время численность персонала в ЮАР составляет 60 человек, и в Йоханнесбурге расположен главный офис компании, который управляет кафетерием и магазином Café Enrista[3]. В мозамбикском Мапуту расположено СП по импортированию, рафинированию и дистрибуции пищевых масел подсолнечника, сои и пальмы с годовой мощностью в 30 тыс. т. Фабрика по переработке кешью с 40 тыс. занятых (90 % из которых женщины) построена в г. Нампула. На условиях концессии компания управляет тремя хлопковыми плантациями в северном и

[1] URL: http://olamgroup.com/locations/west-central-africa/gabon/our-mission/
[2] URL: http://olamgroup.com/locations/west-central-africa/republic-of-congo/
[3] URL: http://www.cafe-enrista.co.za/

центральном Мозамбике, где трудятся порядка 40 тыс. местных фермеров, а также приступила к реализации проектов по культивированию риса и сахарного тростника. Этот проект особенно важен в части снабжения продовольствием 3,6 тыс. рабочих из КНР, которые заняты в этой стране на производствах собственных ТНК. В г. Хараре (Замбия) деятельность была начата в 2005 г. и в настоящее время включает в себя сотрудничество с 16 тыс. производителями хлопка, а в г. Синда в проекте участвуют 65 тыс. мелких хлопководческих хозяйств.

В Танзании ТНК Olam организовала бизнес в 1994 г. и сейчас управляет интегрированной сетью по поставкам какао, кофе, кунжута, кешью и хлопка. В этой стране компании принадлежат 4,38 тыс. га земельных угодий с планируемым увеличением до 5,866 тыс. га. Близ г. Сонгеа с 2011 г. возделываются 2 тыс. га земли, из которых на 1,06 тыс. га культивируется кофе арабика. Более 100 тыс. фермеров выращивают кешью в районе г. Мтвара, который централизованно закупается и перерабатывается на автоматизированной пищевой фабрике, где заняты более 4 тыс. человек, причем приоритет в трудоустройстве отдается женщинам. В г. Бунда близ озера Виктория размещается джин (хлопкоочистительная машина), трудоустраивающая 200 сезонных рабочих. В г. Гитега (Бурунди) размещены кофемольные производства по выпуску особых сортов кофе, который закупается через сеть местных фермеров. В г. Кампала (Уганда) ведется сотрудничество в культивировании хлопка, какао, сахара, пальмового масла, кунжута и кофе.

В Эфиопии компания производит один из лучших кофе в мире. Правительство этой страны выделило сельскохозяйственные угодья для выращивания сорта арабика в основных кофеводческих районах страны. Бизнес начался в 2012 г., и через несколько лет компания планирует экспортировать кофе собственного производства. Olam является одним из крупнейших закупщиков кофе и кунжута в Эфиопии, купила 5 тыс. га земельных угодий, учредила компанию Outspan Agri Estates PLC для выполнения подготовительных работ. Партнерские отношения с местными производителями и фирменные лаборатории позволили закупать качественный кофе и кунжут для их дистрибуции в США, ЕС, Китае, Японии и на Ближнем Востоке.

В египетском Городе имени 6 Октября Olam купила компанию Dehydro Foods Co. SAE (2012 г.) по производству дегидрированного лука, основная часть которого поставляется в ЕС, а остальная – в Америку и на Дальний Восток. Аналогичный завод размещен в г. Бени-Суэйф: готовая продукция выпускается в ломтиках, крупнодробленой, рубленой, гранулированной и порошковой форме. Olam начала поставки кофе в Алжир в 1997 г., открыла там офисы по маркетингу и в настоящее время стала одним из крупнейших поставщиков и дистрибуторов кофе, молочных продуктов, столовых корнеплодов, риса и бобовых растений.

Учредитель Olam – компания Kewalram Chanari Group (владеет 14,6 % акций). Основанная в 1860 г. и в настоящее время разместившая свою штаб-квартиру в Сингапуре, она является одной из старейших ТНК, занимающихся бизнесом в Африке, начало которого датируется 70-ми гг. XIX в. и связано с организацией текстильных производств в Марокко. В начале XX в. ТНК начала хозяйственную деятельность в Сьерра-Леоне, Гане и Нигерии, в 50-е гг. открыла универсальные магазины и новые текстильные производства в по-

следней стране, где в 60-е гг. была организована интегрированная текстильная фабрика Afprint, позже – плантации хлопка и производства по его очистке в рамках зависимой компании Afcott, разместившей акции на фондовой бирже Лагоса. В 1989 г. в Нигерии была начата деятельность по экспорту необработанных орехов кешью, какао и семян дерева ши[1].

В настоящее время Kewalram Chanari Group использует в Африке зависимую фирму с торговой маркой Afri Ventures, зарегистрированную в Дубае, и организует поставки и распределение аграрной продукции на рынках Нигерии, Бенина, Ганы, Камеруна, Кот-д'Ивуара, Кении, Малави и ЮАР. В сельском хозяйстве и агрономии компания предоставляет фермерам комплектные решения, включая организацию поставок оборотных средств: гибридные семена, химикалии для защиты растений, удобрения, трактора и сельскохозяйственный инвентарь – эти товары брендируются раздельно и изготавливаются в разных регионах мира с соблюдением строжайших норм качества. В производстве пищевой продукции компания управляет двумя маслобойными фабриками в Нигерии, которые работают на соевом сырье. Пищевое масло реализуется под собственной торговой маркой "Sunola", под которой также организован выпуск специй, сахара, майонеза и подобных кулинарных товаров. В Нигерии компания открыла производство томатной пасты и птицефабрику, участвует в импортных поставках замороженной рыбы.

В Нигерии Kewalram Chanari Group организовала автоматизированные производства по сборке транспортных средств, в частности получив лицензии японской Mitsubishi сроком в 25 лет на выпуск коммерческих автомобилей. Более того, организована сеть станций по техническому и послепродажному обслуживанию транспортных средств. Afri Ventures вышла на рынок здравоохранения со стратегией предоставления доступных услуг африканцам. В Нигерии осуществляется торговля шинами "Bridgestone", для чего развивается сеть пунктов сбыта.

Сингапурские ТНК активизировали покупки земельных участков в Африке под плантации: Agritech – в Бенине (32 тыс. га), Буркина-Фасо (644 га с ростом до 200 тыс. га) и Мозамбике (10 тыс. га), Nauvu – в Кот-д'Ивуаре (39,3 тыс. га в 2008 г. через местную компанию PALMCI), VitaGrain – в Маврикии (500 га через Green Island Rice Ltd), Biopalm Energy Limited – в Сьерра-Леоне (80 тыс. га с увеличением до 220 тыс. га), Камеруне (3348 га с увеличением до 200 тыс. га) и Кот-д'Ивуаре (5 тыс. га с ростом до 29 тыс. га). Компания GMG Global Ltd приобрела 45 тыс. га плантаций в Камеруне, Габоне и Кот-д'Ивуаре, а сама ТНК на 51,12 % находится в собственности китайской государственной Sinochem International [6, p. 124].

Export Trading Group, учрежденная в Кении в 1967 г. и выкупленная в 1982 г. сингапурцами, представлена в 30 странах Африки, где осуществляется бизнес по торговле продовольствием, его складированию, процессингу, мерчендайзингу, транспортировке и дистрибуции. Основная продукция включает в себя бобовые растения, пшеницу, маис, кунжут, кешью и кофе. В Танзании компания владеет плантацией "Mbeya" с площадью 7,9 тыс. га, на 3 тыс. га которых возделываются рис и ячмень, а также в Мозамбике – компанией Socialende De Zambezia Cha Sarl с плантацией чая площадью 7386 га,

[1] URL: http://kewalramchanrai.com/milestones

из которых 2 тыс. га уже засеяно чаем и еще 1 тыс. га очищено от растительности и подготовлено[1]. Компания разрабатывает бизнес план по активизации участия в переработке сельскохозяйственного сырья в Африке.

Крупная телекоммуникационная ТНК Сингапура Singtel с более чем 550 млн абонентов в 21 стране мира участвует в 32,4 % капитала компании Airtel (Индия) через СП [7, p. 219]. Указанная фирма осуществляет деятельность по предоставлению инновационных услуг мобильной связи в Буркина-Фасо, Чаде, ДРК, Республике Конго, Габоне, Гане, Кении, Малави, Мадагаскаре, Нигерии, Нигере, Руанде, на Сейшельских Островах, в Сьерра-Леоне, Танзании, Уганде и Замбии – за 2014/15 ф.г., закончившийся 31 марта, абонентская база компании в Африке выросла на 36 % и достигла 30,4 млн клиентов (40 % от их общего числа)[2]. Начинаются продажи доступного кастомизированного смартфона с сотрудничестве с Qualcomm, стоимостью 53 долл., распространение которого позволит увеличить объемы услуг по передаче данных и доступу в Интернет.

Статистические ведомства фиксируют накопленные ПИИ Гонконга в Африке только в Либерии (6 млрд долл., 2013 г.) и в Маврикии (2,9 млрд долл.), что представляет лишь 1 % от общего объема таких инвестиций Гонконга[3]. Однако ведущие компании этой страны, например Hutchison Whampoa Limited – крупнейшая ТНК развивающихся стран, ранжированная по объему зарубежных активов, осуществляет диверсифицированную деятельность, которая особенно активно развивается в Европе и Азии. В Африке эта компания специализируется на управлении портовым хозяйством: действует в Танзании через зависимую компанию Tanzania International Container Terminal Services, которая обслуживает 75 % товарооборота в Дар-эс-Саламе, а в Египте – через Alexandria International Container Terminals в терминалах Александрии и Эль-Дехейла[4]. В Марокко расположен парфюмерный магазин указанной ТНК, реализующий продукцию под маркой Marionnaud, причем эта крупная сеть магазинов некоторое время тому назад была приобретена у французов.

Jardine Matheson Holdings Ltd через зависимую компанию Mandarin Oriental Hotel Group заканчивает строительство гостиницы в г. Марракеш (Марокко), расположенной на 20 га земли и состоящей из 54 индивидуальных вилл, каждая из которых оборудована в соответствии с высочайшими требованиями [8, p. 10]. Входящая в состав конгломерата Jardine Lloyd Thompson в 2013 г. приобрела компанию Eluleka, базирующуюся в ЮАР и специализирующуюся на оказании консультационных услуг по добровольному медицинскому страхованию и предоставлению пособий персоналу. В результате этого прибыль от бизнеса в ЮАР увеличилась восемь раз и составила 1,6 млн долл. в 2014 г., что позволило компании обнародовать планы о входе на рынок негосударственного пенсионного обеспечения ЮАР, так как в этой стране проводятся законодательные реформы [9, p. 35].

---

[1] URL: http://www.etgworld.com/operations/farming/

[2] URL: http://africa.airtel.com/wps/wcm/connect/africarevamp/Africa/home/about-us/company-overview

[3] URL: http://cdis.imf.org

[4] URL: https://www.hph.com/en/globalbusiness/gbpage-4.html

Компания активно использует инструменты КСО: в 2014 г. в ЮАР был проведен день гольфа, за который было собрано 14 тыс. долл. для финансирования бесплатных обедов для детей из малообеспеченных семей [9, p. 45]. Компания Li & Fung Ltd – организатор оптовой торговли одеждой, предметами домашнего обихода, сувенирами и игрушками с глобальным оборотом в 19,3 млрд долл. (2014 г.) – осуществляет деятельность в следующих странах Африки: в Египте, на Мадагаскаре, Маврикии, в Марокко, ЮАР [10, p. 15]. ТНК Shangri-La Asia Ltd владеет и управляет гостиницей на острове Маврикий[1].

По данным инвестиционной комиссии Министерства экономических отношений Тайваня, объемы ПИИ этой страны, накопленные в Африке на конец 2012 г., достигли 550 млн долл., и за последние десять лет зарегистрировано их двукратное увеличение, что уступает росту показателя по инвестированию в другие развивающиеся страны [11, p. 4]. Существенным сдерживающим фактором в инвестиционной деятельности тайваньских ТНК в Африке выступает политическая неопределенность, связанная с разрывом подавляющим большинством стран Африки дипломатических отношений с Тайванем в пользу КНР: отношения сохранили только Свазиленд, Буркина-Фасо, а также Сан-Томе и Принсипи.

Последняя перепись деятельности ТНК Тайваня выявила в ЮАР 620 таких компаний с 40 тыс. рабочих мест, а с учетом Лесото и Свазиленда – 2,1 млрд долл. ПИИ и 110 тыс. занятых, причем многие предприятия организовали обрабатывающие производства по выпуску текстиля (в особенности хлопчатобумажных тканей), одежды, изделий из кожи, обуви [12]. В настоящее время в Лесото функционирует текстильная фабрика «Формоза», в которую тайваньские инвесторы вложили порядка 100 млн долл. Предприятие работает на африканском сырье и выпускает более 1 млн п.м хлопчатобумажной ткани в год, также 900 т хлопковой пряжи для производства трикотажных изделий [13].

Культура и традиции бывшей державы-метрополии достаточно ярко проявляется при приоритетах в налаживании инвестиционных связей Макао с бывшими колониями Португалии в Африке, когда языковая близость и сходство менталитета способствуют бизнесу. Например, компания Charlestrong Engineering (Макао) построила в Мозамбике 240 домов и недавно обнародовала планы о возведении 70 тыс. домов, а также плотины и иных объектов инфраструктуры с первоначальными инвестициями в 400 млн долл. и общим объемом капиталовложений в 8 млрд долл. на протяжении пяти лет [14]. Предприниматели из Макао реализуют в Кабо-Верде проект по туризму, который предполагает инвестирование 273 млн долл. в строительство крупного курорта с гостиницами и казино, право управлениями которым будет передано инвестору на 25 лет, причем работы планируется завершить за три года и выйти на уровень рентабельность за пять лет [15].

В общей сложности сингапурские инвесторы купили в Африке земельных участков площадью более 2 млн га, что равно площади Словении. В странах Африки с нестабильными политическими режимами «аграрные» ТНК способны действовать достаточно «жестко» и формировать большие плантации, что сопряжено с разрушением привычного образа жизни местных

[1] URL: http://www.shangri-la.com/shangrila/find-a-hotel-map-search/

жителей и вовлечением их в интенсивную хозяйственную деятельность. Это вызывает определенное недовольство среди африканцев, однако не наблюдаются факты эксплуатации и нищенской оплаты труда, которые фиксируются в деятельности ТНК КНР при разработке горнорудных месторождений и строительстве объектов инфраструктуры, когда вспыхивают восстания и местные жители убивают китайских менеджеров. Положительной чертой в экспансии ТНК экстраконтинентального Большого Китая является способность некоторых стран Африки, таких как Гана, Уганда и Эфиопия, развивать систему контрактных отношений с местными мелкими аграриями, в собственности которых остаются земельные наделы, а ТНК выступают централизованным закупщиком продукции и предоставляют элементы материального оборотного капитала, основанные на передовой технологии.

Бурная экспансия рассматриваемых компаний в обрабатывающую промышленность Африки, продукция которой сбывается на местном рынке и экспортируется в третьи страны (в особенности готовые пищевые продукты, текстильные изделия), представляет собой новый этап в эволюции транснационального бизнеса, связанный с активизацией трудоустройства африканцев и увеличением суммы добавленной стоимости. Новые направления диверсификации бизнеса ТНК Сингапура и Гонконга включают в себя организацию производств машинотехнической продукции, выход на рынки услуг, в том числе инновационных.

Список литературы

1. Table 11-19. Overseas Direct Investment by Countries and Regions. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexeh.htm
2. Department of Statistics Singapore – URL: http://www.singstat.gov.sg/statistics/browse-by-theme/investment
3. Annual Report. – 207 p. – URL: http://phx.corporate-ir.net/External.File?item=UGFyZW50SUQ9Mjg0NDQ3fENoaWxkSUQ9LTF8VHlwZT0z&t=1
4. Annual Report. – 178 p. – URL: http://www.goldenagri.com.sg/pdfs/Annual%20Report/GAR_AR_2014_%28reduced%29.pdf
5. Annual Report. – 208 p. – URL: http://49tmko49h46b4e0czy3rlqaye1b.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2014/10/Olam-Annual-Report-2014.pdf
6. Annual Report. – 130 p. – URL: http://gmg.listedcompany.com/misc/ar2014/ar2014.pdf
7. Annual Report. – 227 p. – URL: http://info.singtel.com/sites/default/files/invrel_areports/Singtel%20Annual%20Report%202015.pdf
8. Thistle. The Magazine of Jardine Matheson. – 2012. – Vol. 3. – 44 p. – URL: http://www.jardines.com/assets/files/NewsAndEvents/thistle/12_%20vol3.pdf
9. Annual Report. – 148 p. – URL: http://www.jlt.com/~/media/files/sites/group/reports/jlt_annual_report_2014.pdf?la=en-gb
10. Annual Report. – 222 p. – URL: http://www.lifung.com/wp-content/uploads/2014/05/2014-Annual-Report.pdf
11. Taiwan FDI. – 4 p. – URL: http://unctad.org/Sections/dite_fdistat/docs/webdiaeia2014d3_TWN.pdf
12. Taiwanese Investment in Southern Africa – PRESS RELEASE – 12.06.2003. – URL: http://www.roc-taiwan.org/ZA/ct.asp?xItem=9521&ctNode=2122&mp=402&nowPage=2&pagesize=45
13. Lesotho Textile Industry. – URL: http://www.lesothotextiles.com/Pages/Lesotho-Textile-Industry.asp?lID=2
14. **Filipe, J. S.** Mozambique in Macau chasing Chinese investment / J. S. Filipe // Macau Business Daily. – 2015. – 5 June.

15. Macau company to build tourist resort with gambling in Cabo Verde. – URL: http://www.macauhub.com.mo/en/2015/07/23/macau-company-to-build-tourist-resort-with-gambling-in-cabo-verde

References

1. *Table 11-19. Overseas Direct Investment by Countries and Regions*. Available at: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexeh.htm
2. *Department of Statistics Singapore*. Available at: http://www.singstat.gov.sg/statistics/browse-by-theme/investment
3. *Annual Report*. 207 p. Available at: http://phx.corporate-ir.net/External.File?item=UGFyZW50SUQ9Mjg0NDQ3fENoaWxkSUQ9LTF8VHlwZT0z&t=1
4. *Annual Report*. 178 p. Available at: http://www.goldenagri.com.sg/pdfs/Annual%20Report/GAR_AR_2014_%28reduced%29.pdf
5. *Annual Report*. 208 p. Available at: http://49tmko49h46b4e0czy3rlqaye1b.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2014/10/Olam-Annual-Report-2014.pdf
6. *Annual Report*. 130 p. Available at: http://gmg.listedcompany.com/misc/ar2014/ar2014.pdf
7. *Annual Report*. 227 p. Available at: http://info.singtel.com/sites/default/files/invrel_areports/Singtel%20Annual%20Report%202015.pdf
8. *Thistle. The Magazine of Jardine Matheson*. 2012, vol. 3, 44 p. Available at: http://www.jardines.com/assets/files/NewsAndEvents/thistle/12_%20vol3.pdf
9. *Annual Report*. 148 p. Available at: http://www.jlt.com/~/media/files/sites/group/reports/jlt_annual_report_2014.pdf?la=en-gb
10. *Annual Report*. 222 p. Available at: http://www.lifung.com/wp-content/uploads/2014/05/2014-Annual-Report.pdf
11. *Taiwan FDI*. 4 p. Available at: http://unctad.org/Sections/dite_fdistat/docs/webdiaeia2014d3_TWN.pdf
12. *Taiwanese Investment in Southern Africa – PRESS RELEASE* 12.06.2003. Available at: http://www.roc-taiwan.org/ZA/ct.asp?xItem=9521&ctNode=2122&mp=402&nowPage=2&pagesize=45
13. *Lesotho Textile Industry*. Available at: http://www.lesothotextiles.com/Pages/Lesotho-Textile-Industry.asp?lID=2
14. Filipe J. S. *Macau Business Daily*. 2015, 5 June.
15. *Macau company to build tourist resort with gambling in Cabo Verde*. Available at: http://www.macauhub.com.mo/en/2015/07/23/macau-company-to-build-tourist-resort-with-gambling-in-cabo-verde

---

Сапунцов Андрей Леонидович
кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН
(Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1)

Sapuntsov Andrey Leonidovich
Candidate of economic sciences, associate professor, senior staff scientist, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
(30/1 Spiridonovka street, Moscow, Russia)

E-mail: Andrew@sapuntsov.ru

УДК 334.726

Сапунцов, А. Л.

Транснациональные корпорации экстраконтинентального Большого Китая: экономические приоритеты в Африке / А. Л. Сапунцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 192–203. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-18

УДК 331.524
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-19

О. С. Кошевой

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАУКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация.

Актуальность и цели. Ведущим элементом инновационного потенциала региона является качество производственно-промышленного персонала, занятого в сфере научно-исследовательской деятельности. При этом особую роль играет человеческий потенциал науки, представляющий интегральную форму явных и скрытых свойств совокупности людей, чья творческая деятельность обеспечивает воспроизводство научных знаний. Цель работы – установление особенностей формирования человеческого потенциала науки Пензенского региона.

Материалы и методы. Реализация исследовательской задачи достигнута на основе анализа официальных статистических данных по наблюдению сферы науки и инноваций. Методология исследования включала: метод типологических группировок, построенных с временным лагом 12 лет; определение относительных статистических показателей (динамики, структуры, координации); простейшие методы постарения тенденций временных рядов.

Результаты. За исследуемый временной период вывялено сокращение общего количества предприятий и организаций, занимающихся научными исследованиями и инновациями, снижение экономической эффективности реализации научных разработок. В то же время произошло существенное – практически в четыре раза – увеличение докторов и кандидатов наук, выполнявших научные исследования, что напрямую свидетельствует о повышении качества человеческого потенциала науки Пензенской области. С использованием результатов переписи населения 2010 г. установлено, что Пензенская область обладает существенным научным и образовательным потенциалом.

Выводы. Установлены направления совершенствования научного потенциала Пензенского региона, в первую очередь связанные с повышением эффективности управления инновационной политикой региона со стороны органов государственной власти.

Ключевые слова: инновация, потенциал, наука, ученая степень, типологическая группировка, относительные показатели динамики, структуры и координации.

O. S. Koshevoy

HUMAN POTENTIAL OF SCIENCE: REGIONAL FEATURES BY THE EXAMPLE OF PENZA REGION

Abstract.

Background. The quality of production and industrial personnel in the field of research is a key element of the regional innovative potential. A special importance here is attached to the human potential of science being an integral form of obvious and latent qualities of people in mass possessing such creativity that provides reproduction of scientific knowledge. The aim of the work is to determine the features of formation of human potential of science in Penza region.

Materials and methods. The research tasks were implemented through analyzing official statistical data regarding the field of science and innovations. The research methodology included the method of typological groups assembled with a time lag of 12 years; determination of relative statistical indexes (dynamics, structure, coordination); simple methods of time series trends aging.

Results. Taking the time period under consideration there has been revealed a reduction of the total amount of enterprises and organizations involved in research and innovations, a reduction of economic efficiency of scientific development realization. At the same time there has been a significant – virtually 4 times – increase of doctors and candidates of sciences carrying out scientific research, directly indicating quality improvement of human potential in science in Penza region. Using the results of population census in 2010 it has been established that Penza region possesses a considerable scientific and educational potential.

Conclusions. The article has established the paths of improvement of scientific personnel in Penza region, first of all, associated with improving efficiency of regional innovation policy management by the public authorities.

Key words: innovation, potential, science, academic degree, typological group, relative indexes of dynamics, structure and coordination.

Инновационный путь развития продолжает оставаться одним из главных направлений модернизации экономики на современном этапе. К настоящему времени существует значительное число подходов, позволяющих оценить инновационный потенциал региона. Это подходы, разработанные ведущими вузами станы: НИУ «Высшая школа экономики», Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институтом инновационной экономики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и рядом других вузов и организаций.

Так, в частности, структура российского регионального инновационного индекса (РРИИ), разработанного НИУ «Высшая школа экономики» [1], включает четыре субиндекса:

– социально-экономические условия инновационной деятельности (ИСЭУ);

– научно-технический потенциал (ИНТП);

– инновационная деятельность (ИИД);

– качество инновационной политики (ИКИП).

Кроме того, каждый субиндес включает несколько индикаторов, так что всего в формировании российского регионального инновационного индекса (РРИИ) участвуют 36 индикаторов.

На наш взгляд, достоверность полученных результатов с использованием данного подхода не является достаточной в силу следующих причин:

– методика определения некоторых индикаторов является в достаточной мере субъективной, например индикатор «Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, в общем числе домашних» либо «Число статей, опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ, в расчете на 10 исследователей»;

– интегральный индекс инновационного развития региона (РРИИ) рассчитывается как взвешенное среднеарифметическое значения субиндексов, при этом значения весовых коэффициентов субиндексов принимаются равными доле числа показателей, используемых в расчете каждого субиндекса,

в общем числе отобранных показателей, что не отражает истинное весовое значение субиндекса в формировании РРИИ;

– некоторые положения, изложенные в форме № 4-инновация, требуют более четкого пояснения как в понятийном аспекте, так и в методике оценки того или иного показателя.

В силу отмеченных выше причин нами предлагается подход, основанный на понятии «человеческий капитал», который в современной экономической литературе широко используется наряду с понятием «качество рабочей силы».

В целом, человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию [2, с. 303].

Человеческий капитал рассматривается также как особый вид капиталовложений, совокупность затрат на развитие воспроизводственного потенциала человека, повышение качества и улучшения функционирования рабочей силы [3, с. 275].

В отечественной литературе отмечено, что качественные характеристики рабочей силы, способности человека к трудовой деятельности, его умения, знания, навыки можно рассматривать как человеческий капитал. Этот капитал складывается из природных способностей отдельного человека и может быть увеличен в процессе профессиональной подготовки, приобретения опыта работы.

В качестве системообразующих элементов человеческого капитала (общественных фондов), участвующих в его формировании и накоплении, выделяют [4, с. 22]:

1) образование: дошкольное, школьное (начальное, основное и среднее общее), профессиональное (начальное, среднее, высшее, послевузовское);

2) наука и НИОКР: фундаментальные научные достижения, прикладные разработки, инновации;

3) здравоохранение: медицинское обслуживание, физкультура и спорт;

4) культура и искусство: фестивали, конкурсы, туризм;

5) прочие: управленческие навыки, СМИ.

В работе [5] представлена заимствованная нами авторская трактовка понятия «человеческий потенциал науки». «***Человеческий потенциал науки – это интегральная форма явных и скрытых свойств совокупности людей, чья творческая деятельность обеспечивает воспроизводство научных знаний***». При этом структурным «носителем» человеческого потенциала науки является институт науки, организующий коллективное действие; субъектными носителями выступают лица, чья деятельность направлена на выполнение основной функции данного института. Данное определение отражает вторую позицию системообразующих элементов человеческого капитала и тогда в общепринятой терминологии можно считать, что человеческий потенциал науки является **специальным видом человеческого капитала.**

Объектом исследования данной работы является человеческий потенциал науки в масштабе региона (на примере Пензенской области).

Для проведения исследования необходима объективная и достоверная информационная база, которую можно сформировать на основе использования статистического наблюдения в области науки и инноваций.

Всего приказами Росстата утверждены 22 формы федерального статистического наблюдения, используемые для анализа деятельности организаций сферы науки, из них три – специализированные, 15 – общестатистические, четыре – ведомственные формы (табл. 1) [6, с. 57–58] . Кроме того, для оценки масштабов и структуры финансирования сферы науки за счет бюджетных средств используются «Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации» (годовая отчетность).

Таблица 1

Формы статистического наблюдения

Источник информации	Субъект официального статистического учета, ответственный за сбор и представление информации
1	2
Специализированные формы федерального статистического наблюдения	
1. Форма № 2-наука «Сведения о выполнении научных исследований и разработок» – годовая	Росстат
2. Форма № 2-наука (краткая) «Сведения о выполнении научных исследований и разработок» – квартальная	Росстат
3. Форма № 3П-наука «Сведения о численности и оплате труда работников организаций, осуществляющих научные исследования и разработки, по категориям персонала» – годовая	Росстат
Общестатистические формы федерального статистического наблюдения	
4. Форма № П-1 «Сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг» – месячная	Росстат
5. Форма № П-2 «Сведения об инвестициях в нефинансовые активы и средствах на долевое строительство» – квартальная	Росстат
6. Форма № П-3 «Сведения о финансовом состоянии организации» – месячная	Росстат
7. Форма № П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников» – месячная	Росстат
8. Форма № 11 «Сведения о наличии и движении основных фондов (средств) и других нефинансовых активов» – годовая	Росстат
9. Форма № 5-3 «Сведения о затратах на производство и продажу продукции (товаров, работ, услуг)» – квартальная	Росстат
10. Форма № 1-ВЭС «Сведения о деятельности предприятий с участием иностранного капитала» – годовая	Росстат
11. Форма № 1-НАНО «Сведения об отгрузке товаров, работ и услуг, связанных с нанотехнологиями» – квартальная	Росстат
12. Форма № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организаций» – годовая	Росстат
13. Форма № 2-МП-инновация «Сведения о технологических инновациях малого предприятия» – один раз в два года за нечетные года	Росстат

Окончание табл. 1

1	2
14. Форма № 3-информ «Сведения об использовании информационных и коммуникационных технологий и производстве вычислительной техники, программного обеспечения и оказания услуг в этих сферах» – годовая	Росстат
15. Форма № 1-технология «Сведения о создании и использовании передовых производственных технологий» – годовая	Росстат
16. Форма № 1-лицензия «Сведения о коммерческом обмене технологиями с зарубежными странами (партнерами)» – годовая	Росстат
17. Форма № ВПО-1 «Сведения об образовательном учреждении, реализующем программы высшего профессионального образования» – один раз в год	Росстат
18. Форма № 1-НК «Сведения о работе аспирантуры и докторантуры» – годовая	Росстат
Ведомственные формы отчетности	
19. Форма № 1-МП трансфер «Сведения о деятельности предприятий с участием иностранного капитала» – единовременная	Минобрнауки России
20. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательного учреждения, реализующего программы высшего профессионального образования» – годовая	Минобрнауки России
21. Форма № 2-наука (ИНВ) «Сведения о выполнении научных исследований и разработок» – один раз в три года	Минобрнауки России
22. Форма № 4-НТ (перечень) «Сведения об использовании интеллектуальной собственности» – годовая	Роспатент

Методология исследования включала:

– метод типологических группировок, построенных с временным лагом 12 лет;

– определение относительных статистических показателей (динамики, структуры, координации).

Типологическая группировка, отражающая численность и структуру организаций Пензенской области, выполнявших научные исследования, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Численность и структура организаций Пензенской области, выполнявших научные исследования

	2001 г.	2012 г.	ОПД, %	ОПС, %	
				2001 г.	2012 г.
Всего	27	24	89	100	100
в том числе:					
НИИ и КБ	18	13	72	67	54,2
Вузы	5	4	80	18	16,7
Предприятия	4	7	175	15	29,1

Здесь ОПД – относительный показатель динамики, ОПС – относительный показатель структуры.

Из табл. 2 видно, что продолжается сокращение общего количества организаций (за 12 лет сокращение составило 11 %). Наиболее существенно сократилось число НИИ и КБ (на 28 %). Произошло сокращение числа вузов, выполняющих научные исследования. И наоборот, произошло существенное увеличение предприятий (на 75 %), выполняющих научные исследования. За исследуемый период изменилась и структура организаций. Так, в частности, на второе место в общей структуре организаций после НИИ и КБ вышли предприятия, выполняющие научные исследования. Следовательно, наблюдается перераспределение человеческого потенциала науки непосредственно в производственную сферу, где гораздо короче путь внедрения инноваций.

Анализ экономической эффективности инновационной деятельности предприятий и организаций через показатели затрат, объема выполненных работ и относительного показателя координации представлены в табл. 3.

Таблица 3

Затраты на научные исследования и разработки
и объем выполненных работ, млн руб.

	Затраты	Объем выполненных работ	ОПК (объем к затратам)
2001	594,0	663,4	1,12
2012	4698,5	4883,4	1,04

Из анализа данных, представленных в табл. 3, видно, что в 2012 г. относительный показатель координации сократился примерно на 7 процентных пунктов по сравнению с 2001 г., что свидетельствует о снижении экономической эффективности реализации научных разработок.

Динамика численности организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, представлена на рис. 1.

Рис. 1. Численность организаций, занимающихся
научными исследованиями и разработками

Из рис. 1 видно, что на кривой численности организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, присутствуют четко обозначенные колебания осцилятивного характера. Имеются периоды снижения числа организаций (2003, 2008, 2009, 2012 гг.) и, наоборот, периоды увеличе-

ния (2004, 2005, 2006, 2007 и 2011 гг.). Данная ситуация, скорее всего, связана либо с экономическим положением региона в соответствующий временной период, либо с недостаточно эффективным управлением наукой и инновациями.

В табл. 4 представлен научный потенциал кадров, выполнявших научные исследования в Пензенской области.

Таблица 4

Научный потенциал кадров, выполнявших научные исследования в Пензенской области, тыс. чел.

	2001 г.	2012 г.	ОПД, %	ОПС, %	
				2001 г.	2012 г.
Всего, человек, выполнявших научные исследования	3,3	2,98	90,3	100	100
в том числе:					
доктора и кандидаты наук	0,111	0,403	363	3,3	13,5

Из табл. 4 видно, что в 2012 г. по сравнению с 2001 г. произошло существенное – практически в четыре раза – увеличение докторов и кандидатов наук, выполнявших научные исследования, что напрямую свидетельствует о повышении качества человеческого потенциала науки Пензенской области. При этом основной научный потенциал (исследователи) как в 2001 г., так и в 2012 г. был сосредоточен в **области технических наук.**

На рис. 2 представлена динамика численности персонала, занимающегося научными исследованиями и разработками, оттуда видно, что за исследуемый период наблюдается постепенное сокращение численности персонала, занимающегося научными исследованиями и разработками. При этом **кривая изменения численности персонала (всего)** удовлетворительно описывается полиноминальным трендом. Учитывая достаточно высокое значение коэффициента детерминации (R^2 = 0,7696), полученную зависимость можно использовать для краткосрочного прогнозирования численности персонала, занятого в сфере науки.

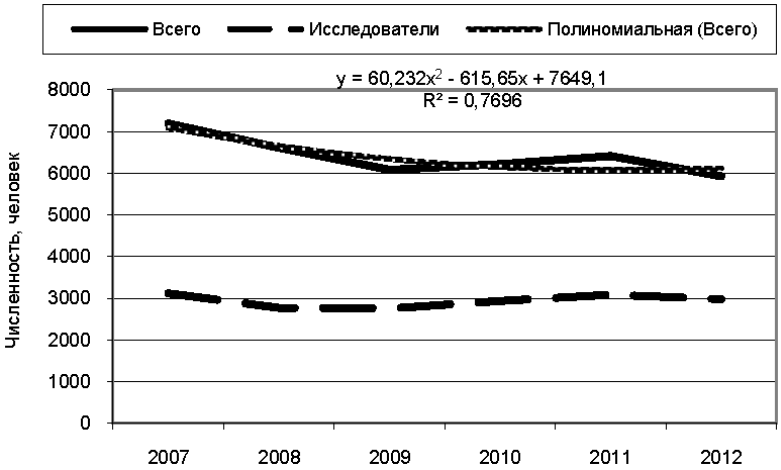


Рис. 2. Численность персонала, занимающегося научными исследованиями и разработками

Особенностью данных, представленных на рис. 2, следует считать практическую неизменность численности непосредственно исследователей в общей численности научного персонала, что является положительным моментом, характеризующим устойчивость функционирования научной системы Пензенского региона.

На рис. 3 представлена динамика качественного состава человеческого потенциала науки Пензенской области. Из анализа данных видно, что начиная с 2010 г. наблюдается рост численности исследователей, имеющих ученую степень, что способствует повышению качества человеческого потенциала науки Пензенской области. При этом рост обусловлен главным образом ростом кандидатов наук. Увеличение исследователей, имеющих ученую степень доктора наук, является менее существенным. Представленные на рис. 3 математические зависимости трендов характеризуются высоким значением коэффициента детерминации (R^2), что является основанием для построения краткосрочных прогнозов численности исследователей, имеющих ученые степени.

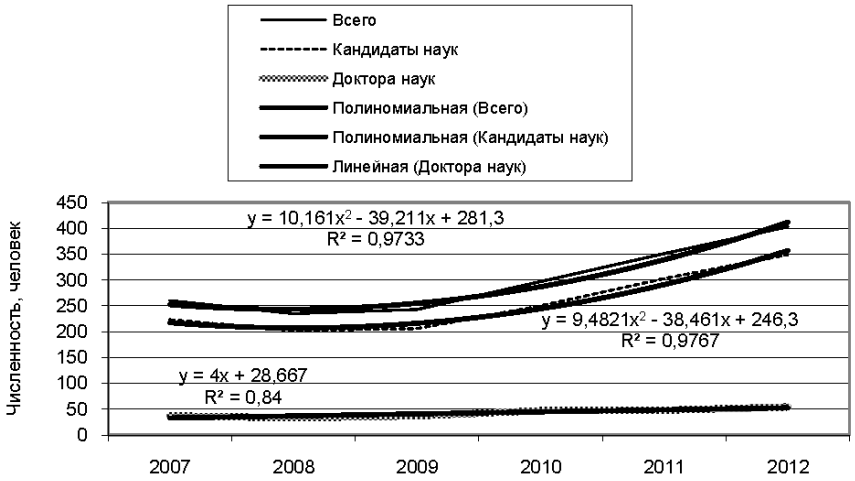


Рис. 3. Численность исследователей, имеющих ученую степень

Главным резервом повышения качества человеческого потенциала науки является деятельность института аспирантуры Пензенской области. На рис. 4 представлена динамика численности аспирантов.

Из анализа данных рис. 4 видно, что начиная с 2011 г. наблюдается сокращение общего числа аспирантов. При этом выпуск из аспирантуры за исследуемый период меняется незначительно и в среднем составляет около 200 человек в год. Примерно такая же картина наблюдается по аспирантам, которые закончили аспирантуру с защитой диссертации. В среднем их число составляет 70 человек в год.

Представленные выше результаты исследований основывались на материалах **оперативного** статистического наблюдения по формам официального статистического наблюдения. Однако наиболее объективную информацию по рассматриваемым показателям представляют результаты Всероссийской переписи населения 2010 г., в которой **впервые** представлены результа-

ты по населению, имеющему ученые степени, в разрезе возрастных групп и дифференцированные по полу. Текущая статистическая отчетность предприятий и организаций не отражает реальной картины по научному статусу, поскольку не все научные работники состоят на учете в списочном составе тех или иных организаций.

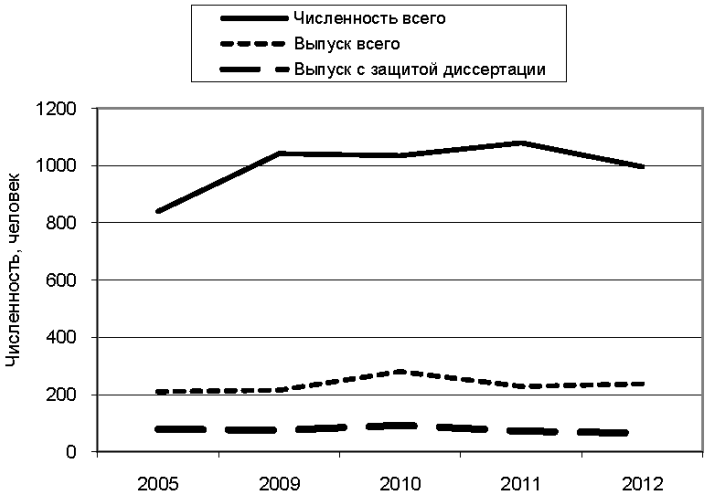


Рис. 4. Численность аспирантов

Цель дополнительного исследования состояла в выполнении сравнительной оценки человеческого потенциала науки Пензенской области и ряда субъектов Приволжского федерального округа (ПФО) на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. В качестве субъектов для выполнения сравнительной оценки были выбраны регионы, численность населения которых близка к численности населения Пензенской области (1 386 168 человек): Ульяновская (1 292 799 человек) и Кировская области (1 341 312 человек), а также приведены данные по регионам – лидерам в области инновационного потенциала.

Результаты расчета обобщенных статистических показателей по возрастному составу человеческого потенциала науки представлены в табл. 5, откуда видно, что в целом человеческий потенциал науки Пензенской области является более молодым, чем в сравниваемых регионах.

Таблица 5

Статистические характеристики человеческого потенциала науки

Показатель	Кандидаты наук			Доктора наук		
	Пензенская область	Ульяновская область	Кировская область	Пензенская область	Ульяновская область	Кировская область
Средний возраст, лет	47,8	48,6	49,2	55,9	56,1	57,9
Модальный возраст, лет	35,4	36,2	36,5	56,4	56,4	57,2
Медианный возраст, лет	46,1	47,1	47,8	56,3	56,4	58,0

Для сравнительного анализа человеческого потенциала науки без привязки к численности населения субъекта нами предлагается относительный показатель, логическая формула которого имеет вид:

$$Уровень\_человеческого\_потенциала\_науки = \frac{Количество\_кандидатов\_(докторов)\_наук}{Численность\_экономически\_активного\_населения} \cdot 10000 .$$

Результаты расчетов представлены в табл. 6.

Таблица 6

Уровень человеческого потенциала науки

Субъекты ПФО	Уровень научного потенциала, %	
	Кандидаты наук	Доктора наук
Пензенская область	43	6
Ульяновская область	39	6
Кировская область	31	4
Нижегородская область	58	10
Самарская область	51	9

Из табл. 6 видно, что Пензенская область по кандидатам наук превышает Ульяновскую и Кировскую области, но уступает Нижегородской и Самарской областям.

Для сравнительного анализа образовательного потенциала Пензенской области без привязки к численности населения субъекта нами предлагается относительный показатель, логическая формула которого имеет вид:

$$\begin{matrix} Уровень\_ \\ образовательного\_ \\ потенциала \end{matrix} = \frac{Численность\_населения\_с\_высшим\_и\_послевузовским\_профессиональным\_образованием}{Численность\_экономически\_активного\_населения} \cdot 100\% .$$

Результаты расчета приведены в табл. 7.

Таблица 7

Уровень образовательного потенциала

Субъекты ПФО	Уровень образовательного потенциала, %
Пензенская область	34
Ульяновская область	32
Кировская область	28
Нижегородская область	37
Самарская область	39

Из табл. 7 видно, что по уровню образовательного потенциала Пензенская область превосходит Ульяновскую и Кировскую области, но также уступает Нижегородской и Самарской областям.

Таким образом, в результате выполненных исследований можно сформировать следующие предложения:

– активнее внедрять в инновационную платформу Пензенской области НИ и КБ, а также предприятия, занимающиеся инновационной деятельностью;

– существенно повысить эффективность деятельности служб предприятий, НИ и КБ, занимающихся продвижением инновационной продукции на рыки не только Пензенской области, но и рынки других регионов;

– пересмотреть деятельность института аспирантуры в направлении существенного повышения количества аспирантов, закончивших аспирантуру с защитой диссертации;

– учитывая достаточно высокий научный и образовательный потенциал населения Пензенской области, органам государственного управления: Министерству инвестиционного развития и предпринимательства, Министерству экономики, Управлению инновационной политики и специальных проектов – организовать эффективное управление реализации достигнутого научного и образовательного потенциала в инновационный потенциал региона.

Список литературы

1. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / под ред. Л. М. Гохберга. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – Вып. 2.
2. **Фишер, С.** Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. – М. : Дело, 1997.
3. Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л. И. Абалкин. – М. : Экономика, 1999. – С. 275.
4. **Токарева, В. В.** Развитие человеческого капитала на субрегиональном уровне (в малых городах России) : науч. изд. / В. В. Токарева. – Мичуринск-наукоград РФ : Изд-во Мичурин. гос. аграр. ун-та, 2007.
5. **Китайцева, Е. А.** Воспроизводство человеческого потенциала науки в условиях перехода к инновационной экономике : автореф. дис. … канд. экон. наук / Китайцева Е. А. – М., 2010.
6. **Пашинцева, И. И.** Возможности официальной статистики в оценке вклада науки в экономику страны / И. И. Пашинцева, А. П. Масляненко // Вопросы статистики. – 2013. – № 12.

References

1. *Reyting innovatsionnogo razvitiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Innovation development rating of subjects of the Russian Federation]. Ed. by L. M. Gokhberga. Moscow: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2014, iss. 2.
2. Fisher S., Dornbush R., Shmalenzi R. *Ekonomika* [Economics]. Moscow: Delo, 1997.
3. *Ekonomicheskaya entsiklopediya* [Economic encyclopedia]. Ed. by L. I. Abalkin. Moscow: Ekonomika, 1999, p. 275.
4. Tokareva V. V. *Razvitie chelovecheskogo kapitala na subregional'nom urovne (v malykh gorodakh Rossii): nauch. izd.* [Human capital development at the sub-regional level (in small town of Russia): scientific publication]. Michurinsk-naukograd RF: Izd-vo Michurin. gos. agrar. un-ta, 2007.
5. Kitaytseva E. A. *Vosproizvodstvo chelovecheskogo potentsiala nauki v usloviyakh perekhoda k innovatsionnoy ekonomike: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Reproduction of human potential in science in condition of the transition to innovative economy: author’s abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Moscow, 2010.
6. Pashintseva I. I., Maslyanenko A. P. *Voprosy statistiki* [Questions of statistics]. 2013, no. 12.

Кошевой Олег Сергеевич
доктор технических наук, профессор,
кафедра экономики и финансов,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: olaa1@yandex.ru

Koshevoy Oleg Sergeevich
Doctor of engineering sciences, professor,
sub-department of economics and finances,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 331.524
Кошевой, О. С.
Человеческий потенциал науки: региональные особенности на примере Пензенского региона / О. С. Кошевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 204–215. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-19

УДК 338
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-20

Л. Н. Семеркова, С. В. Зинченко

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ТУРИСТСКИХ МАРШРУТОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Аксиомой государственной политики любой страны в сфере туризма является всемерное содействие росту внутреннего и въездного туризма. Причиной такой политики в первую очередь является экономический эффект туризма. За последнее десятилетие Россия прочно вышла на международный туристский рынок, что в условиях глобальной конкуренции обусловливает необходимость повышения конкурентоспособности национальной туристской индустрии. Одним из главных факторов, сдерживающих этот процесс и препятствующих реализации туристского потенциала, является нехватка в стране конкурентоспособных туристских маршрутов. Цель работы – исследование практики проектирования туристских маршрутов на уровне российских туроператоров въездного и выездного туризма, а также на уровне государства.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения нормативно-правовых актов РФ в сфере туризма, вторичного анализа результатов исследований сферы туризма. Кроме того, использовалась авторская методика исследования ассортимента туристских маршрутов российских туроператоров. Методология исследования основана на работах отечественных ученых в сфере туризма и базируется на системном подходе.

Результаты. Выявлено, что большинство туроператоров внутреннего и въездного туризма практически не выполняет свою основную функцию – проектирование инновационных туристских маршрутов. На уровне государства эта деятельность ведется в основном в направлении проектирования межрегиональных туристских маршрутов. При существующем потенциале развития туризма в стране отсутствуют механизмы конвертации его в ликвидный конкурентоспособный турпродукт – интересные российским и иностранным туристам туристские маршруты.

Выводы. В свете спроса на рынке внутреннего и въездного туризма в России в условиях глобальной конкуренции актуальным становится разработка конкурентоспособных туристских маршрутов, которые собирают воедино все имеющиеся в стране факторы, средства и технологии производства. Делать это актуально с использованием механизма государственно-частного партнерства, создавая национальные маршруты.

Ключевые слова: въездной туризм, внутренний туризм, туроператор, туристская индустрия, туристский маршрут, проектирование, конкурентоспособность.

L. N. Semerkova, S. V. Zinchenko

DESIGNING TOURIST ROUTES AS A WAY TO INCREASE COMPETITIVENESS OF THE NATIONAL TOURIST INDUSTRY

Abstract.

Background. An axiom of the government's policy in tourism of any country is all possible assistance to increasing internal and inbound tourism. First of all, the

economic effect of tourism is the reason for such policy. Over the last decade Russia strongly entered the international tourist market and it is necessary to enhance the competitiveness of the national tourism industry in conditions of the global competition. One of the main factors hindering this process and impeding the realization of the tourism potential is a deficit of competitive tourist routes in the country. The goal of the study is to research the practice of designing tourist routes at the level of Russian tour operators of inbound and internal tourism, and also at the level of the state.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of studying the normative legal acts of the Russian Federation in the sphere of tourism, the secondary analysis of tourism research results. In addition, the authors' technique of researching a range of tourist routes of the Russian tour operators was used. The research methodology was based on the works by Russian scientists in the field of tourism and the system approach.

Results. It has been revealed that most tour operators of internal and inbound tourism don't perform its main function of designing innovative tourist routes. At the level of the state this activity is conducted generally in the direction of designing interregional tourist routes. By the existing capacity of development of tourism in the country there are no mechanisms of its converting in a liquid competitive tourist's product – tourist routes interesting to Russian and foreign tourists.

Conclusions. Due to the market demand for internal and inbound tourism in Russia in conditions of the global competition it becomes urgent to develop competitive tourist routes, which collect together all existing factors, means and technologies of production. It is important to use the public-private partnership in creating national routes.

Key words: inbound tourism, internal tourism, tour operator, tourist industry, tourist route, design, competitiveness.

Современные условия глобальной конкуренции на рынке международного туризма обусловливают необходимость повышения конкурентоспособности национальной туристской индустрии. Значимо влияя на экономику многих государств, туризм стал одним из направлений экономической деятельности с высокой рентабельностью, позволяя превратить во благо имеющиеся ресурсы и географическое положение территории, повысить занятость и качество жизни населения. Являясь крупнейшим плательщиком налогов, туристская индустрия обеспечивает приток в экономику многих стран иностранной валюты, положительно влияет на инвестиционный климат и внешнеэкономический имидж государства. Появление в России частной собственности и либеральные экономические преобразования подтолкнули страну к генерации отечественных туристских потоков и усилили ее привлекательность как туристской дестинации. Образовавшийся в стране платежеспособный сегмент потребительского рынка привел к оживлению туристской индустрии, созданию тысяч компаний и десятков тысяч рабочих мест. За последние десять лет Россия прочно вышла на рынок международного туризма [1].

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., «одним из главных направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития страны является создание условий для улучшения качества жизни граждан, в том числе за счет развития инфраструктуры отдыха и туризма, а также обеспечения качества, доступности и конкурентоспособ-

ности туристских услуг»[1]. Сегодня туризм в стране стал одним из направлений, влияющих на рост национальной экономики и на развитие таких сфер, как услуги операторских и агентских компаний, средств размещения, транспорта, предприятий питания, связи, торговли, производство сувенирной и иной продукции, строительство и др., тем самым выступая источником финансовых доходов бюджетов регионов[2]. Целью данной работы является исследование практики проектирования туристских маршрутов на уровне российских туроператоров, а также на уровне государства как направления повышения конкурентоспособности национальной туристской индустрии, что особенно актуально в свете роста рынка внутреннего и въездного туризма.

Аксиома государственной политики любой страны в сфере туризма – всестороннее содействие росту въездного и внутреннего туризма. Об этом свидетельствует мировая практика управления индустрией туризма. Причиной такой политики в первую очередь являются экономические эффекты туризма. Так, в соответствии со Стратегией развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г., «целью развития туризма в стране является комплексное развитие внутреннего и въездного туризма с учетом обеспечения экономического и социокультурного прогресса в регионах»[3]. Однако особенности внешней политики и экономического развития России способствовали тому, что на туристском рынке страны до определенного времени на первом плане был выездной туризм, когда туристские фирмы реализовывали в основном туры за границу, а аналитические обзоры и статьи в специализированных СМИ посвящались организации международных путешествий [2]. При этом 2014 г. по политическим причинам оказался переломным для российского внутреннего туризма. Успешно организованная Олимпиада в Сочи, возвращение Крыма в состав Российской Федерации повлекли за собой переоценку рекреационного богатства страны, осознание необходимости реализации ее туристского потенциала. Курс государства «на импортозамещение» заставил многих россиян обратить внимание на возможности отдыха внутри страны. Дополнительным поводом посетить Россию с туристическими целями как для россиян, так и для иностранных туристов стало падение курса рубля на валютном рынке.

В 2015 г. тема развития внутреннего и въездного туризма стала еще более актуальной: мировые действия террористов, взрыв российского самолета в Египте и осложнение отношений с Турцией привели к потере популярных у россиян направлений летнего пляжного отдыха и экскурсионного туризма[4]. Согласно данным Ростуризма, уже в 2015 г. в России отдохнули 50 млн российских туристов, что на 18 % больше, чем в 2014 г. На рис. 1 показана статистика поездок граждан России за рубеж по целям: туристическая («на отдых»), частная («по делам», поездки к друзьям, родственникам и т.д.), слу-

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

[2] Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)».

[3] Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ 31 мая 2014 г. № 941-р.

[4] Национальный туристический рейтинг. ЦИК «Рейтинг». – URL: http://russia-rating.ru/info/9857.html (дата обращения: 07.05.2016).

жебная («по службе», например в командировки), а также рабочая (например, обслуживающий персонал). С 2006 по 2014 г. показана полная статистика, за 2015 г. – за первые 9 месяцев (по информации Росстата) [3]. Данные отражают сокращение спроса россиян на выездные туры (рис. 1).

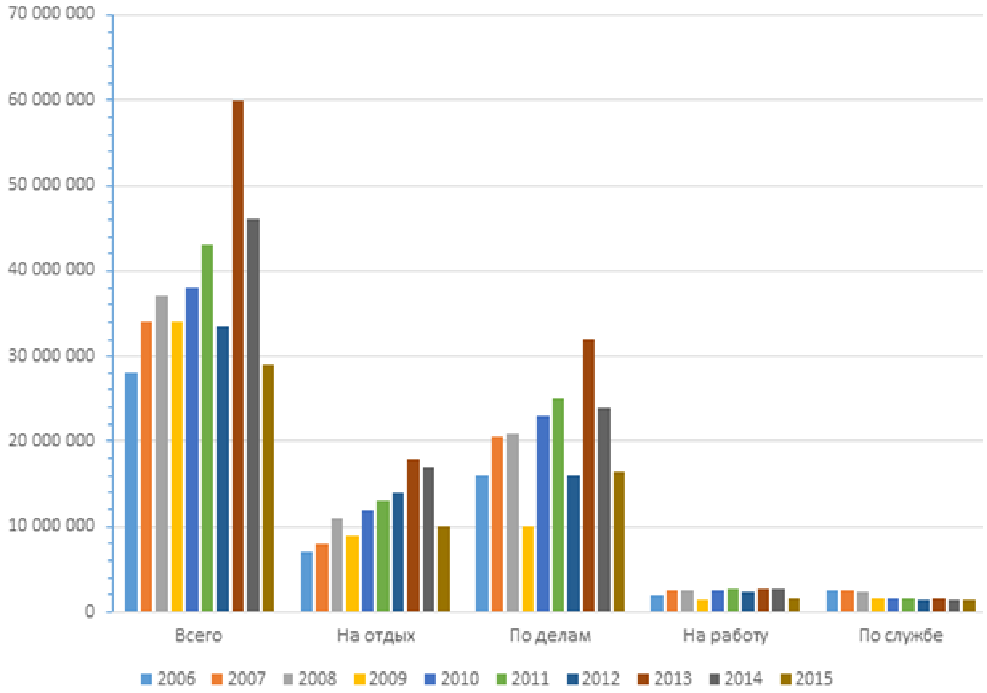


Рис. 1. Статистика поездок граждан России за рубеж по целям в 2006–2015 гг. (по информации Росстата)

О развитии рынка внутреннего туризма и сокращении рынка выездного туризма свидетельствуют и данные табл. 1 за последние два года[1]. Кроме того, если в начале 2015 г. выездным туризмом занималось 2050 российских туроператорских компаний, то к концу года, по данным Ассоциации туроператоров России, их осталось только 717, а на первый квартал 2016 г. их насчитывалось 549 (по данным Единого федерального реестра туроператоров). Некоторые компании закрылись, а многие, поменяв формат работы, занялись внутренним и въездным туризмом – в 2016 г. таких туроператоров насчитывается 4075 и 2737 соответственно, что отражает и изменение статистики туристских потоков россиян, путешествующих по стране и за ее пределами. Здесь следует отметить, что для гармонично развивающегося туризма в стране характерно наличие баланса между выездным, въездным и внутренним туризмом. А ВТО для достижения рентабельности в туристской деятельности рекомендует соотношение «на 1 выездного туриста – 4 внутренних и 1 въездной», что явно не прослеживается в туристских потоках Российской Федерации.

[1] Отдельные показатели деятельности турфирм 2011–2015 гг. Федеральное агентство по туризму. – URL: http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statistiches kie-dannye-po-rf/otdelnye-pokazateli-deyatelnosti-kollektivnykh-sredstv-razmeshcheniya-i-turfirm-2011-2015-gg (дата обращения: 15.05.2016).

Таблица 1

Отдельные показатели деятельности турфирм
за 2011–2015 гг. (по данным Росстата)

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015
Количество турфирм (на конец года) – всего	10 266	10 773	11 324	11 614	11 893
Средняя численность работников, тыс. человек	47	49	50	45	48
Число турпакетов, реализованных населению, – всего, тыс.	4427	4763	5384	4384	4024
из них гражданам России:					
по территории России	929	905	969	992	1331
по зарубежным странам	3326	3738	4240	3253	2482
Стоимость турпакетов, реализованных населению, – всего, млн руб.	175 366	208 118	249 898	243 453	239 554
из них гражданам России:					
по территории России	21 265	22 746	23 876	25 444	50 517
по зарубежным странам	152 610	183 309	222 002	214 308	183 970

Эксперты считают, что при решении актуальных проблем индустрии туризма и создании со стороны государства благоприятных условий для ее развития к 2020 г. Российская Федерация может войти в первую десятку популярных в мире направлений путешествий. Однако вхождение в систему глобальной конкуренции предъявляет определенные требования как к участию отдельных субъектов индустрии в туристских потоках, так и к участию государства в управлении индустрией в целом. Одним из главных факторов, препятствующих реализации туристского потенциала страны и сдерживающих рост ее конкурентоспособности на международном туристском рынке, на взгляд авторов, является нехватка в стране конкурентоспособных туристских маршрутов, проектирование которых может осуществляться на разных уровнях и разными субъектами индустрии:

1) на уровне единичных субъектов туристской индустрии – туроператоров, когда, как правило, проектируются инновационные авторские туристские маршруты;

2) на уровне дестинаций – городов, областей, регионов, стран, когда проектируются инновационные городские, областные, региональные, межрегиональные и национальные[1] туристские маршруты.

В целом проектирование туристских маршрутов – это процесс создания на основе факторов (туристические ресурсы, капитал и трудовые ресурсы) и средств производства (инфраструктура, информационное поле) при помощи технологий готового к использованию потенциальными туристами и экскурсантами туристского маршрута (рис. 2) [4].

[1] Национальный туристский маршрут – это маршрут, являющийся национальным достоянием и известный как российским, так и иностранным туристам.

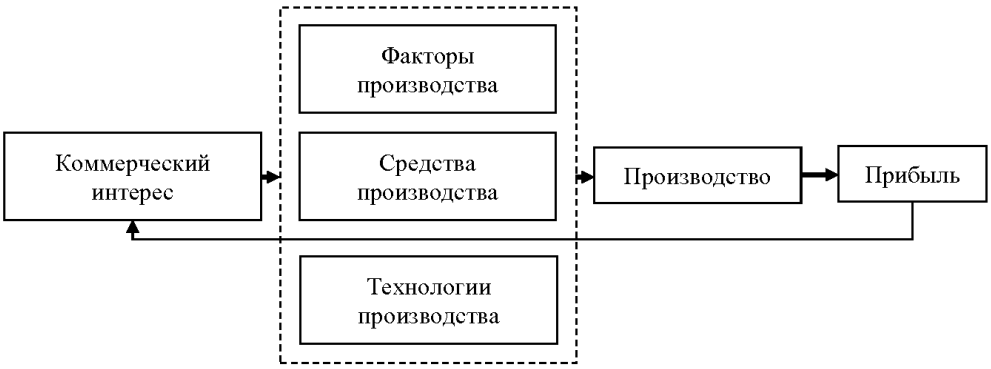


Рис. 2. Компоненты проектирования туристских маршрутов

Российская Федерация обладает высоким туристско-рекреационным потенциалом. На ее территории сосредоточены уникальные ресурсы, объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО, проходят значимые экономические, социально-культурные и спортивные события. Во многих регионах представлено достаточное количество пользующихся большой популярностью у российских и иностранных туристов объектов и комплексов. Так, согласно информации из открытых источников, по последним данным, в России официально насчитывается около 140 тыс. объектов культурного наследия: 25 тыс. являются памятниками федерального значения и около 115 тыс. – памятниками регионального и местного значения. Из данного количества порядка 13 тыс. памятников входят в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Таким образом, наличие разнообразных факторов и средств производства в стране позволяет развивать разные виды туризма. Однако проведенный авторами анализ реализованных и потенциальных возможностей российской индустрии туризма показывает, что существующий туристский потенциал страны не используется в полной мере. Так, в 2015 г. с туристскими целями Российскую Федерацию посетили 26,9 млн граждан иностранных государств[1], хотя согласно прогнозу специализированного учреждения Организации Объединенных Наций – Всемирной туристской организации, страна может принять в год до 40 млн иностранных туристов при требуемом качестве туристских услуг и уровне развития инфраструктуры туризма.

В то же время в международных рейтингах страна занимает невысокое место. Так, в 2016 г., согласно рейтингу экспертов Всемирного экономического форума в Швейцарии, из 141 страны Россия занимает 45-е место по конкурентоспособности[2], а по культурно-историческому и рекреационному потенциалу она всегда входит в десятку стран лидеров. Это говорит о том,

[1] Количество прибывших граждан иностранных государств на территорию Российской Федерации. Федеральное агентство по туризму. – URL: http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/kolichestvo-pribyvshikh-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv-na-territoriyu-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.05.2016).

[2] Всемирный экономический форум опубликовал рейтинг туристической конкурентоспособности стран мира. – URL: http://tourbus.ru/news/11080.html (дата обращения: 05.05.2016).

что при имеющемся огромном потенциале в стране не хватает механизмов конвертации его в ликвидный конкурентоспособный турпродукт – интересные российским и иностранным туристам туристские маршруты, которые собирают воедино все имеющиеся в стране факторы, средства и технологии производства.

Получается, что при наличии факторов, средств и технологий производства отсутствует коммерческий интерес субъектов российской туристской индустрии в разработке туристских маршрутов внутри страны. Во времена СССР эта задача возлагалась на экскурсионные бюро, основными функциями которых были отбор, расстановка и воспитание руководящих туристских кадров, инструкторов, экскурсоводов, обслуживающего персонала туристско-экскурсионных хозяйств; повышение квалификации сотрудников данной сферы; разработка уникальных туристских маршрутов, их апробация и методическое сопровождение [5]. Так, по данным 1975 г., в СССР было зарегистрировано свыше 6000 плановых местных маршрутов, которые проектировались республиканскими, краевыми и областными советами, и около 350 всесоюзных маршрутов, разрабатываемых Центральным советом по туризму и экскурсиям. В целом на всех маршрутах обслуживалось порядка 30 млн туристов [6]. С распадом СССР экскурсионные бюро постепенно прекратили свое существование, а их оставшиеся функции в полном объеме никто не выполняет.

Основная функция туроператора – проектирование инновационных туристских маршрутов – более успешно реализуется на практике в странах, где туризм является основным сектором доходов экономики страны. Что касается Российской Федерации, то исследования показывают, что единицы туроператоров разрабатывают инновационные маршруты в рамках различных видов и направлений туризма. Так, авторами было проведено исследование деятельности крупнейших российских туроператоров въездного и внутреннего туризма, взятых из Единого федерального реестра туроператоров на сайте Федерального агентства по туризму, в направлении создания инновационных туристских маршрутов. Исследование проводилось на основе анализа ассортимента маршрутов туроператоров, представленного в каталогах и на сайтах. В ходе исследования были получены следующие результаты:

– во-первых, количество туроператоров, занимающихся этой деятельностью, ограничено, на что указывают как количество представленных инновационных маршрутов в предложении исследованных компаний, так и тенденция, свидетельствующая о том, что чем меньше компания, ее финансовое обеспечение, тем ниже вероятность того, что она занимается разработкой инновационных маршрутов;

– во-вторых, из ассортимента представленных инновационных маршрутов видно, что большинство из них, а именно 77,8 %, не направлены на развитие туризма в Российской Федерации, такие маршруты в области выездных туров более развиты;

– в-третьих, инновационные маршруты разрабатываются в основном туроператорами, которые специализируются на определенных видах туризма (образовательном, медицинском и др.) или на программах по определенной дестинации;

– в-четвертых, инновационные маршруты разрабатываются туроператорами в основном для иностранных туристов, что объясняется высокой конкуренцией в этом сегменте рынка.

Соответственно, можно сделать вывод, что большинство туроператоров внутреннего и въездного туризма, присутствующих на российском рынке, практически не выполняет свою основную функцию – проектирование инновационных туристских маршрутов, а если и делает это, то, как правило, на основе старого материала, уже проработанных маршрутов и идей. Чистых инноваций практически нет. Если они и присутствуют, то на рынке выездного туризма. Последнее обстоятельство серьезно сдерживает развитие туризма внутреннего и въездного.

При этом глобальная конкуренция на современном туристском рынке обязывает компании индустрии туризма разрабатывать и предлагать новые и обновленные товары, в том числе инновационные туристские маршруты, что в особой степени касается туроператоров. Необходимым условием проектирования и успешной продажи турпродуктов в настоящее время являются инновации. Данные наших исследований показывают, что в туризме в основном используются технические инновации. Патентный поиск показывает более 300 патентов в мировой индустрии туризма, среди которых программные продукты или туристские товары. Иные новшества в туризме, в том числе инновационные туристские маршруты, не патентуются[1]. Разработка инновационных туристских маршрутов по Российской Федерации на базе существующих в туризме инноваций позволит туроператорам расширить ассортимент, выйти на новые сегменты рынка и в целом увеличить доходы.

Что касается разработки туристских маршрутов на уровне государства, то здесь речь идет в первую очередь об управлении национальными туристскими маршрутами – деятельности, осуществляемой с целью повышения привлекательности туристских маршрутов для внутренних и въездных туристов, а также своевременной их модификации для [4]:

– соответствия ассортимента национальных туристских маршрутов меняющимся потребностям туристов, конъюнктуре международного туристского рынка, экзогенным факторам международного туризма и туристской деятельности;

– поддержания высокого качества национальных туристских маршрутов, соответствующих мировым стандартам, а также условиям повышенной безопасности туристов;

– популяризации и продвижения национальных туристских маршрутов за рубежом.

На уровне государства важно в приоритетном порядке разработать концепцию основных направлений туристских маршрутов страны, регионов, областей и городов. Для развития въездного туризма особую актуальность приобретает разработка инновационных национальных туристских маршрутов, для развития внутреннего туризма – межрегиональных туристских маршрутов. Деятельность в этом направлении в последние годы все активнее ведется в России. Разрабатываются и реализуются проекты межрегиональных

[1] Инновации в туризме. Российский союз туристской индустрии. – URL: http://www.rstnw.ru/innovaczii-v-turizme.html (дата обращения: 15.05.2016).

маршрутов – «Серебряное ожерелье России», «Большая Волга», «Русские усадьбы», «Узоры городов России», «Красный пояс», «Сказочная карта России», «Вкусная карта России» и пр.

Так, проект «Серебряное ожерелье России» реализуется по инициативе и при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Федерального агентства по туризму. «Серебряное ожерелье России» – это межрегиональный туристский проект, состоящий из разных маршрутов, которые объединяют исторические города, областные центры, крупные населенные пункты на северо-западе России, в которых сохранились уникальные объекты, в том числе из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО. Основные цели проекта: развитие внутреннего и въездного туризма на территории северо-запада России; увеличение туристского потока и продолжительности пребывания туристов, формирование «повторных» прибытий в регионах северо-запада России[1].

Следует отметить, что в современных условиях глобализации мировой экономики и усиления экономической роли транснациональных корпораций происходит пересмотр роли и места государственного регулирования. Получает развитие концепция эффективного государства, частично ограничивающая и перераспределяющая регулирующие функции государства в пользу частного капитала [7]. Это особенно подчеркивает роль государства в управлении процессом проектирования туристских маршрутов с использованием механизмов государственно-частного партнерства, когда важная роль в этом процессе будет принадлежать туроператорам внутреннего и въездного туризма, работающим на международных рынках и поддерживаемым всесторонне государством.

Таким образом, проектирование туристских маршрутов как на уровне туроператоров, так и на уровне городов, областей, регионов и государства в целом (городских, областных, региональных, межрегиональных и национальных туристских маршрутов) рассматривается авторами как вектор повышения конкурентоспособности национальной туристской индустрии. Причем делать это актуально в направлении формирования национальных маршрутов с помощью механизмов государственно-частного партнерства и при создании экономически привлекательных условий для бизнеса. Потенциальный экономический эффект от деятельности по проектированию туристских маршрутов будет заключаться в увеличении спроса россиян на туристские маршруты внутри страны и спроса со стороны иностранных туристов, в росте ВВП и улучшении платежного баланса страны по статье «Туризм». Предполагается, что экономический эффект также будет достигнут в направлении укрепления экономической безопасности Российской Федерации за счет создания прибыльной индустрии, не зависящей от цен на сырьевые ресурсы на мировых рынках[2].

---

[1] Сформирован Координационный совет по реализации туристского проекта «Серебряное ожерелье России». Федеральное агентство по туризму. – URL: http://www.russiatourism.ru/news/10107 (дата обращения: 15.05.2016).

[2] Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы.

Список литературы

1. **Латорцев, А. А.** Повышение конкурентоспособности национальной туристской индустрии в условиях глобальной конкуренции : дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Латорцев А. А. – М., 2011. – 148 с.
2. **Исмаев, Д. К.** Организация въездного туризма в Российскую Федерацию : учеб. пособие / Д. К. Исмаев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Книгодел : МАТГР, 2009. – 152 с.
3. **Бакланов, А.** Что стало с туризмом в России / А. Бакланов, Ю. Дудкина. – URL: https://snob.ru/selected/entry/104250 (дата обращения: 05.05.2016).
4. **Ушаков, Д. С.** Технологии въездного туризма / Д. С. Ушаков. – М. : ИКЦ «МарТ» ; Ростов н/Д : Издательский центр «МарТ», 2006. – 384 с.
5. **Есина, Л. Б.** Потенциал и перспективы развития туризма в Пензенской области : моногр. / Л. Б. Есина, Л. Н. Семеркова, Н. В. Уткина, С. В. Латынова. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 182 с.
6. **Чазов, Е. И.** Всесоюзные туристские маршруты. Энциклопедический словарь / Е. И. Чазов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 592 с.
7. **Шопырин, А. В.** Методологические вопросы применения сравнительного планирования в организациях разных сфер экономической деятельности / А. В. Шопырин, Л. Н. Семеркова, Н. В. Свиридова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 268–275.

References

1. Latortsev A. A. *Povyshenie konkurentosposobnosti natsional'noy turistskoy industrii v usloviyakh global'noy konkurentsii: dis. kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Increasing competitiveness of the national tourist industry in conditions of global competition: dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Moscow, 2011, 148 p.
2. Ismaev D. K. *Organizatsiya v"ezdnogo turizma v Rossiyskuyu Federatsiyu: ucheb. posobie* [Organizatio of inbound tourism to the Russian Federation: tutorial]. 2nd ed. Moscow: Knigodel: MATGR, 2009, 152 p.
3. Baklanov A., Dudkina Yu. *Chto stalo s turizmom v Rossii* [What has happened to tourism in RUssia]. Available at: https://snob.ru/selected/entry/104250 (accessed 05.05.2016).
4. Ushakov D. S. *Tekhnologii v"ezdnogo turizma* [Inbound tourism technologies]. Moscow: IKTs «MarT»; Rostov-on-Don: Izdatel'skiy tsentr «MarT», 2006, 384 p.
5. Esina L. B., Semerkova L. N., Utkina N. V., Latynova S. V. *Potentsial i perspektivy razvitiya turizma v Penzenskoy oblasti: monogr.* [The potential and prospectives of tourism development in Penza region: monograph]. Penza: Izd-vo PGU, 2014, 182 p.
6. Chazov E. I. *Vsesoyuznye turistskie marshruty. Entsiklopedicheskiy slovar'* [All-USSR tourist routes. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983, 592 p.
7. Shopyrin A. V., Semerkova L. N., Sviridova N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 1 (33), pp. 268–275.

Семеркова Любовь Николаевна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга, коммерции и сферы обслуживания, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: penzamarketing@mail.ru

Semerkova Lyubov' Nikolaevna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of marketing, commerce and services, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Зинченко Светлана Владимировна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра маркетинга, коммерции и сферы обслуживания, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Zinchenko Svetlana Vladimirovna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of marketing, commerce and services, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: penzamarketing@mail.ru, slatynova@mail.ru

УДК 338

Семеркова, Л. Н.

Проектирование туристских маршрутов как направление повышения конкурентоспособности национальной туристской индустрии / Л. Н. Семеркова, С. В. Зинченко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 216–226. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-20

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Обращаем внимание авторов на то, что перевод имен собственных на английский язык в списке литературы осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru). Для обеспечения единообразия указания данных об авторах статей во всех реферируемых базах при формировании авторской справки при подаче статьи необходимо предоставить перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык, или он будет осуществлен автоматически в программе транслитерации в кодировке BGN.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:
• ***социология***
• ***экономика***
• ***право***

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

– –

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – ______ шт., № 2 – ______ шт., № 3 – ______ шт., № 4 – ______ шт.
Наименование организации (полное) ______________________________________
____
ИНН ____________________________ КПП ____________________________
Почтовый индекс ____
Республика, край, область ____
Город (населенный пункт) ____
Улица ______________________________________ Дом ____________________
Корпус ___________________________ Офис __________________________
ФИО ответственного ____
Должность ____
Тел. ________________ Факс ______________ E-mail_____________________
Руководитель предприятия ____________________ ______________________
(подпись) (ФИО)

Дата «____» _________________ 20__ г.